Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Революция и Война

Военно-научный журнал.

Сборник шестой и седьмой.

Издание управления военно-учебных заведений западного фронта.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ.

1921.

Типография Смолгубсовнархоза № 14.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Вследствие острого бумажного кризиса, 6 и 7 сборник выходит в значительно сокращенном виде.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Революция и Война

Военно-научный журнал.

Сборник шестой и седьмой.

Издание управления военно-учебных заведений западного фронта.

Издательский отдел.

1921.

Типография Смолгубсовнархоза № 14.

СОДЕРЖАНИЕ:

Ф. Огородников.

Красная Армия в войне с Польшей.

Гражданская война несомненно имела для Красной Армии глубокое значение в двух направлениях: с одной стороны,—она упрочила те новые социально-политические условия в которых армия была призвана действовать, с другой,—наложила своеобразный глубокий отпечаток на самый состав, подготовку и действия Красной Армии. Успех гражданской войны показал силу нового порядка вещей перед старым.

Победа была одержана, несмотря на всеоружие современной техники, доставленной капитализмом, несмотря на предводительство техниками-специалистами с большим боевым опытом, вынесенным из двух больших войн, русско-японской и мировой 1914—1918 годов, несмотря на блокаду и другие тяжелые условия.

Эти успехи получили не только внутреннее, но и внешнее, международное значение:

1) По той обширной площади, (океан земли) которую они захватили, с большими естественными богатствами и с населением, превосходящим по своей численности каждое из наиболее крупных капиталистических стран, при том на сплошной территории.

2) По тому крупному факту, что капиталистические страны сочли за благо отказаться от прямой поддержки белых, как бы признав бессилие одной военной техники, которую они могли дать по своим расчетам, против всей совокупности политических и социальных условий, с которыми надо было бороться.

С военной точки зрения гражданская война несомненно дала очень много интересного и нового по широте и разнообразию комбинаций, для которых громадная площадь России и разнообразие не только естественных, но и этнографических условий, создали совершенно исключительную по своей широте обстановку.

Условия этой войны дали размахи совершенно несоизмеримые с тесными театрами войны в Западной Европе, и только война Северо-Американских Штатов с Южными прошлого века может итти в сравнение с событиями гражданской войны в России.

Поэтому гражданская война не могла не дать Красной Армии большого боевого опыта.

С другой стороны, этот опыт имел своеобразное направление и не все, что он дал могло быть применимо при встрече с другим противником, т. е., с национальной или империалистической армией во всеоружии того, что может ей дать капиталистический строй при современных условиях.

Между тем Красная Армия должна иметь ввиду также и этого противника, как это случилось в войне с Польшей.

Поэтому интересно проследить именно на опыте этой войны, в особенности в ее последний период с мая 1920 года:—

Какие главнейшие свойства проявила Красная Армия, созданная в новых социально-политических условиях?

Как отразились эти условия на ее стратегии и тактике?

В чем можно усмотреть главнейшие характерные особенности в ее действиях?

Неудача на Польском фронте, разруха, которая не может не сопровождать каждую революцию, в особенности в условиях окружения капиталистическими государствами, наконец, неизбежное утомление войной в течение 3-х лет, после беспримерной мировой войны, втечение предшествующих 4-х лет, все это могло заслонить на время некоторые факты и выводы, которые следует сделать.

Попробуем сделать их, насколько позволяет недавний срок после только что закончившихся событий, еще не успевших сделаться достоянием истории, а также недостаток разработанных материалов.

Значение общих социально-политических и экономических условий.

Мы не будем останавливаться на последовательном изложении событий этой войны, ~~для чего понадобился бы опять специальный труд~~, но возьмем только то, на что указывает эта война в смысле:

1) Столкновения ~~вообще~~ новых политических и социально-экономических условий со старыми, на-сколько они отразились на ходе войны.

2) ~~Выступления~~ Красной Армии, как новой силы на театре национальной войны.

3) Стратегических и тактических приемов, с которыми эта армия выступила против тех приемов, которые выработались в национальных войнах новейшего времени.

К маю 1920 года новые политические условия выразились в том, что, выступив очень смело на Украинском театре войны, Польша оказалась одинокой в этом выступлении на значительный промежуток времени, пока Врангель не приступил к более решительным и широким предприятиям.

Сказалась, старая как мир, невыгода всех коалиционных войн, с ее типичным отсутствием единства в военных действиях, но сказа-

лись и новые политические условия в том, что ни одна из капиталистических стран не оказала поддержки непосредственно своими силами.

Таким образом, новые политические условия были выгодны для выступления Красной Армии.

Нельзя того же сказать о политических условиях в смысле политической подготовки театра войны.

Общее воздействие новых социально-политических условий не успело развиться в местностях, которые сравнительно продолжительное время были заняты польскими войсками.

Политическая работа была предпринята, но для развития ее еще не было достаточно времени и средств. Можно было до известной степени расчитывать на то, что называется благоприятным отношением населения, но до организованной помощи и организованной силы, которая могла бы поддержать и усилить ряды Красной Армии в классовой борьбе, было еще далеко. Нужна была очень большая подготовительная работа: прочные, деятельные и достаточно многочисленные аппараты, в виде различных ступеней военных комиссариатов, достаточные кадры для предварительной организации новых полевых или резервных формирований, запасы обмундирования, вооружения и снаряжения.

Был неясен основной вопрос о том, можно ли будет производить эти формирования на территории противника или нужно будет вывозить укомплектования в тыл для окончания их организации и обратной перевозки на театр войны, для чего требовалась новая напряженная работа железных дорог.

Недостаток политической работы отмечался также и в недостатке сведений о противнике. Недоставало хорошо организованных и в мере необходимых аппаратов, которые могли бы проникнуть в нужных направлениях и, опираясь на известное благоприятное отношение массы населения, доставлять необходимые сведения при помощи других таких же органов связи.

Тем не менее новые социально-политические условия успели сказаться в благоприятном смысле на военных действиях, по крайней мере, начального периода: после первого серьезного удара поляки поспешили отойти в свои этнографические пределы. Они оставили без упорного сопротивления даже такие выгодные оборонительные линии, как Неман и Щара, добросовестно усиленные к стороне востока еще немцами; национально-этнографические границы оказались для них прочнее географических.

Железные дороги работали достаточно хорошо: лучше чем можно было предполагать по условиям разрухи, и лучше, чем этого мог ожидать противник.

Продовольственные запасы были сосредоточены в достаточном количестве, по крайней мере для начала кампании, но в боевых за-

пасах можно было предвидеть недостаток при более широком развитии операций.

В инженерных средствах для исправления и устройства переправ, для исправления грунтовых, а, в случае надобности, и для прокладки новых узкоколейных железных дорог, так же для усиления в случае надобности обороны отдельных пунктов и линий (бетон, проволока) был так же заметный недостаток, в особенности на случай широкого развития операций.

В частности, это относилось до наиболее важных и необходимых средств для быстрого восстановления железно-дорожного сообщения и для приспособления дорог к автомобильному движению.

Хотя опыт впоследствии показал, что мы быстрее восстанавливаем железные дороги, чем поляки, но все же быстрота этого восстановления не отвечала способности армии к еще более быстрым движениям.

По состоянию дорог пользование автомобильным транспортом находилось в полной зависимости от средств для быстрого ремонта и замены машин и от средств для быстрого приспособления дорог к автомобильному движению. Но по этой части был полный недостаток.

Наконец, еще более существенный недостаток был в организованных средствах гужевого транспорта. Для быстроты движения, при недостатках железнодорожного и автомобильного сообщения, можно было основываться только на достаточно сильном и правильно организованном гужевом транспорте. При недостатке штатного обоза не было других способов, как привлечь обывательский транспорт, который по своей незначительной грузопод'емности, по необходимости должен был оказаться весьма многочисленным. Тем более требовалась не только цельная, стройная и хорошо продуманная организация, но и строгие ограничения в пользовании гужевым обывательским транспортом, который, иначе как чуждый армии элемент, грозил не только стеснить операции, но обратить самую армию в обозные войска, подорвать боеспособность и дисциплину и, наконец, сделаться орудием неограниченной эксплоатации населения, что стояло в полном противоречии с принципами войны для рабоче-крестьянской армии и могло в корне подорвать политическую работу.

Предшествующая гражданская война дала широкий опыт в применении обывательского транспорта, но не было времени для проведения этого опыта в жизнь, а, главное, для приспособления его к новому театру войны и к новому противнику.

Общие итоги сосредоточения. Сосредоточение армии затянулось.

Успехи Польши на юго-западном театре и обострение обстановки на западном фронте, где польское наступление начинало уже серьезно угрожать на Гомельском направлении и могло расстроить наши планы по сосредоточению за р. Уллой и на Ле-

пельском направлении, вынудило к майскому наступлению, не ожидая окончания сосредоточения, чтобы отвлечь силы поляков с юго-западного фронта и обеспечить дальнейшее развитие операций.

Ко времени начала решительных действий в июле месяце было сосредоотчено около 80.000, что давало примерно, полуторное превосходство в силах (80.000 против 50.000). Этого было достаточно для начала кампании, но не было достаточно сильных резервов в виде многочисленных, обученных и снаряженных укомплектований в запасных войсках или в рабочих колоннах (как это делали японцы).

С точки зрения массового напряжения этот результат нельзя признать особенно значительным.

Что такое 80.000 для населения в 100 миллионов!

Нельзя, разумеется, подходить к оценке этих цифр с масштабом прежних регулярных, национальных армий, с прежним запасом технических средств, когда к войне готовились десятки лет, напрягая все силы именно в этом направлении, в ущерб многим другим социальным и экономическим задачам.

Но иные условия вызывают и иную постановку задач. Если же ввиду имеются широкие активные задачи, то неизбежно требуется и соответственное напряжение, по крайней мере, со стороны живой массы населения.

Во всяком случае, надо указать, что неполнота сосредоточения отразилась в особенности на главном роде оружия, т. е. на пехоте, которая выступила в значительном некомплекте, не имея за собой достаточных резервов, что впоследствии отразилось на всем ходе войны.

Нельзя, однако, не отметить, что со стороны противника к началу решительного столкновения, от которого, как показали события, могла зависить участь новой Польши, были достигнуты, в смысле сосредоточения сил, еще более слабые результаты.

Население в пределах занятых Польшей достигало не менее 35 миллионов. Это—Франция передвинутая силой событий к границам России. И эта „Франция“ к месту решительного столкновения выставила лишь 50.000 бойцов!

Резервы были не готовы, не смотря на денежную помощь почти всего капиталистического мира и на открытые для поляков источники всех возможных технических средств всего остатка милитаризма, которые уцелели после его самоуничтожения. Здесь опять сказались новые политические условия: разногласия среди членов Антанты, вынужденная сдержанность и, наконец, трудность доставки через препятствия, чинимые как рабочими организациями различных стран, так и немцами вообще, в пределах того, что уцелело от Германии.

Подводя итоги участию и воздействию новых политических, социальных и экономических условий непосредственно предшествовавших выступлению Красной Армии на польском театре войны,

можно отметить, что наибольшие выгоды создали новые политические условия.

В остальном отразилась революционная спешность в ходе событий, разруха; сопряженная с разрушительной силой революции (до возвращения к созидательным началам, и недостаток технических средств.

Тем не менее революционная энергия выставила достаточную вооруженную силу не только для отпора, но и для удара против неприятеля, который по совокупности своих социально-политических и военных условий, не мог противопоставить достаточных сил в месте решительного столкновения.

Эта, выставленная новым революционным строем сила была достаточна для короткого удара, как это требуется при активной обороне, но достаточно ли она была для наступательной войны—это другой вопрос.

Ответить на него заранее вполне отрицательно было бы трудно.

В военном искусстве нет и не может быть постоянной мерки по количеству сил. Военная история знает много примеров, когда очень значительные успехи достигались даже и с меньшими силами, чем силы Красной Армии в июле 1920 года на Западном фронте.

Условия глубокого вторжения могут быть также совершенно различны смотря по тому, приходится ли иметь дело со значительными силами противника, или против партизанских отрядов и наскоро собранных ополчений после того, как боевая сила противника уже заперта или уничтожена.

Вместе с тем, следует отметить, что как соотношение сил, так, в особенности, подготовка недостаточно соответствовали быстрым и непрерывным операциям на значительном протяжении против значительных сил противника, которым не нанесено достаточно полного поражения.

Но именно такая трудная и опасная задача и выпала на долю Красной Армии Западного фронта в ее первом и испытании при встрече с национальной стратегией и тактикой.

Общие свойства Красной Армии. Перед этим решительным испытанием Красная Армия на Западном фронте представляла некоторую загадку не только для противника, но даже и для своего командования, которое хорошо знало как ее достоинства так и недостатки, а потому не без некоторой тревоги ожидало первого столкновения. Что же касается до противника, то тот, видимо, очень невысоко ценил ее свойства, за что и был вскоре наказан.

Более важные положительные свойства этой армии были: революционный порыв, смелость и находчивость, выработанные в гражданской войне, известного рода дисциплина, навыки в пользовании местными средствами, подвижность, привычка к продолжительным и быстрым движениям, втянутость для старых бойцов в боевую жизнь,

иногда при суровых климатических условиях и выносливость. Более крупные недостатки могли сказаться в отсутствии навыка для действия крупными силами, в недостатке опыта для встречи с хорошо дисциплинированными и обученными войсками, со стройными движениями и действиями в глубоких боевых порядках, в недостаточном знакомстве с применением новейших технических средств (бронепоездов, бронемашин, танков, авиации), в недостаточной стойкости красноармейцев еще не спаяных в прочные боевые единицы, в недостатке подготовки по всем отделам полевой службы (разведки, связи, охранения) и вообще в недостатке более цельной тактической подготовки, особенно среди командного состава.

Для старшего командного состава мог сказаться недостаток стратегической подготовки для действия уже не только отдельными отрядами по независимым операционным направлениям, но об'единенными силами, хотя бы и на широких фронтах, но в условиях, требующих общего маневра и сосредоточения.

Стратегическая обстановка к началу решительных действий.

Первые столкновения, в мае 1920 года показали, что Красная Армия может бороться с новым противником, не только отсиживаясь в пограничной полосе, как это было в периоды затишья, но и в маневренной войне с широкими задачами. Такие возможности, открывались там, где было обеспечено превосходство в силах, но это условие не противоречило основным предпосылкам успешного хода нового периода классовой войны, которая началась.

Это условие, казалось бы, было выполнено ко времени развития более решительных действий в июле месяце в двояком смысле: с одной стороны, поляки, не имея достаточных сил, были вовлечены в решительную борьбу одновременно на очень широком фронте, на двух отдельных театрах войны: на западном, где наступление развивалось, как со стороны Полоцка, так и со стороны Борисова, и на юго-западном, где к этому времени польская армия уже успела потерпеть поражение на Киевском направлении; с другой стороны,—для начала действий были сосредоточены фактически такие силы, с которыми можно было начать наступление.

Важнейшим стратегическим вопросом было: удастся или не удастся достигнуть первой, главнейшей задачи—быстро разбить армию противника, его кадры, имеющие особенно важное значение для постоянной, национальной армии, не втягиваясь в продолжительную войну с длинными операционными и коммуникационными линиями с недостаточно устроенным тылом, с недостатком технических средств (инженерных, связи, сообщения и т. п.).

На западном фронте это не удалось.

В соединении с недостатком технических средств этому помешали: географические условия и недостаток превосходства в силах именно для этих условий.

Географические условия требовали одновременного наступления с двух направлений: со стороны Полоцка и Лепеля и со стороны Борисова. По местными условиям (болото и вообще трудно доступная местность по р. Березине) это наступление не могло образовать сплошного фронта. Промежуток между двумя наступающими группами оставался в начале около 60 верст; надо было сделать несколько переходов с боем, чтобы войти в непосредственную связь. Направление от Полоцка было важнейшим, так как оно выводило во фланг противника, но и с Борисовского направления нужно было наступать достаточными силами, чтобы во первых,—форсировать переправу, а во вторых,—сковать и удержать противника в районе Минска. Лишь при соблюдении этих условий можно было расчитывать нанести противнику решительное поражение где либо в указанном районе.

Но для указанной цели требовалось уже такое превосходство в силах, которого не было.

Современкое огнестрельное оружие и другие технические средства (бронепоезда, бронемашины, танки, аэропланы) дают возможность той стороне, которая ими располагает, если не отразить, то задержать противника, втянуть его в упорные бои. Таково вообще свойство современных боев по сравнению с отдаленными временами Наполеоновской эпохи, когда можно было наносить действительно молниеносные удары. Теперь это возможно лишь в том случае, если противник не располагает техническими средствами или не умеет ими воспользоваться.

Чтобы уяснить себе условия столкновения, надо оценить также направления и свойства важнейших стратегических линий, т. е. железных дорог.

Из района м. Глубокое—Докшицы, куда сходились пути от Полоцка и от Лепеля, поляки имели две железнодорожных линии: через Свенцяны на Вильно и далее на Гродно и через Вилейку на Молодечно и далее на Волковыск.

От Минска отходила железная дорога на Барановичи и далее на Волковыск или на Брест.

Обе эти почти параллельные дороги, отходя в юго-западном направлении, связывались тремя поперечными: Вильно—Молодечно—Минск, Лида—Барановичи, Гродно—Волковыск.

Отходя по направлению главных железнодорожных путей, разрушая их за собой и располагая бронепоездами, бронемашинами и аэропланами, поляки могли нас упорно задерживать и действительно задерживали в такой мере, чтобы убрать свои тылы и организовать эвакуацию. Вся железнодорожная сеть в совокупности давала возможность переброски войск и известной свободы для стратегического маневрирования.

Наступая от Полоцка и Борисова мы, в сущности нигде не отрезали поляков от главных коммуникационных линий, но в обоих направлениях теснили их с фронта. Даже захват Гродно конным

корпусом Гая не изменял существенно стратегической обстановки, так как у поляков по прежнему оставалось два главных параллельных направления по Бологое—Седлецкой жел. дороге через Волковыск и по Александровской жел. дороге через Барановичи.

Только двойной охват от Полоцка и от Бобруйска по Брестскому шоссе, через Слуцк, мог создать другое положение.

Но для такой операции требовалось очень значительное превосходство в силах.

Поэтому не приходится удивляться, что при той группировке сил, которая была к началу июльского прорыва, и при тех местных условиях, которые очерчены выше, полякам удалось избежать поражения в ближайшей пограничной полосе и оттянуть свои силы вглубь территории.

Первые решительные столкновения. Уже бои, предшествующие решительному столкновению, подтвердили некоторые ожидания от Красной Армии в смысле находчивости и предприимчивости отдельных частных начальников и отваги и порыва красноармейцев в боевых операциях. С началом серьезных операций можно было бы привести много примеров, свидетельствующих об этом, из периода боев за переправы на р. Березине и за выходы из лесисто-болотистых пространств. Но мы не будем на них останавливаться, а бросим взгляд на то, как именно развились главные операции по оффициальным отчетам более сильной по своему составу 15 армии.

К началу июльской операции в состав 15 армии входили 4, 11, 16, 33 и 54 дивизии. Некоторые из них (16, 33) были небольшого состава, но имели много артиллерии и конницы (по бригаде на дивизию). Только одна 54 дивизия была слабее других. Армии была придана эскадрилья аэропланов, 3 танка, бронемашины, но пехота с самого начала в значительном некомплекте. Общая численность армии достигала 38000 бойцов, 800 пулеметов, 165 орудий, что составляет около $4^1/_2$ орудий на 1000.

Перед фронтом армии на укрепленной позиции находились со стороны поляков 10, 5, 11 дивизии, 7 рез. бригада и 17 дивизия Галлера в районе м. Глубокое. Всего около 15000 бойцов и 300 пулеметов, 4 бронепоезда.

Уже с самого начала при отсутствии железнодорожного моста у Полоцка были большие затруднения в доставке огнеприпасов и продовольствия. Довольствовались из местных средств, для подвозки огнеприпасов широко эксплоатировали обывательский транспорт, который, добавим мы от себя, увели потом с собой.

К началу наступления 4 и 11 дивизии занимали наши окопы, 54, 16 и 33-я были подвинуты вплотную, в передовые позиции. Наступление должны были вести все дивизии одновременно, кроме 4-й, которая оставалась в резерве за правым флангом.

Для мощности удара было приказано иметь в дивизионных и бригадных резервах не более $^1/_3$ общего числа.

Наступление началось с рассветом 4 июля и встретило самое упорное сопротивление. С большими усилиями в некоторых местах овладели передовыми окопами, но в это время наши аэропланы обнаружили отход обозов противника, тогда же обе конные бригады (конная группа Лунева) были сосредоточены за 16 дивизией.

В течение 4 июля 54 дивизия, на правом фланге, продвинулась, но была оттеснена контр-атаками противника; 16 дивизия до 18 часов вела упорный, но безрезультатный бой, с большими потерями, за укрепленные высоты (у Тупчика—Амельки), но коннице удалось прорваться,- противник очистил высоты, пехота неотступно следовала за ним. 33 дивизия, после короткой артиллерийской подготовки, пустила танки, которые прошли через три ряда польских окопов; ободренная пехота быстро развила успех до ст. Плиссы; упорные атаки противника вынудили ее податься несколько назад, но она все же захватила 800 пленных, 8 орудий, 19 пулеметов.

11 дивизия к 24 часам с упорным боем продвинулась до р. Соша.

Слева 3 армия также продвинулась вперед и только справа, левый фланг 4-й армии, не мог продвинуться, встретив упорное сопротивление.

В итоге в первый день общее расположение поляков было прорвано, оставалось развить успех, что и было достигнуто в течение ближайших дней, но на некоторых участках (по железной дороге и севернее) приходилось преодолевать упорное сопротивление поляков. Конная группа Лунева была направлена на Свенцяны и передана в 4 армию (пехота осталась с очень слабой конницей), также пришлось выделить для обеспечения фланга 54 дивизию, которая 10 июля, преодолев упорное сопротивление поляков, выбила их из старых германских окопов.

11-го июля части 11 и 33 дивизии заняли Молодечно, конный корпус Гая—Свенцяны, части 3 армии—г. Минск.

Этот успех, во всяком случае, показал, что Красная Армия может наносить сильные удары. Но нельзя не отметить, что в месте решительного удара стратегия обеспечила более чем двойное превосходство в силах. Стратегическая разведка аэропланов имела весьма большое значение. Первоначальные успешные действия пехоты заметно зависили от участия технических средств (танков) и конницы, но раз обозначившийся успех был развит с чрезвычайным порывом и энергией.

Эти особенности Красной Армии, достаточно рельефно обнаружившие себя в первом решительном столкновении с противником, имели весьма важное значение.

В сущности, в них проявилась психологическая особенность всех молодых армий. Можно было бы привести много примеров, что такие же свойства обнаруживали армии французов в первые годы после Ве-

ликой Французской Революции, с 1792 не менее, как до 1796 года, когда явился военный гений Наполеона, а, вернее, до 1805 года, когда закончена была двухлетняя подготовка армии в Булонском лагере.

Поход до р. р. Немана и Шары. После прорыва польского фронта перед Красной Армией открылись две широкие задачи:

1) Развивая успех и преследуя противника, не дать ему закрепиться на более серьезных оборонительных линиях рек Немана и Шары, где он, кроме естественных условий, мог воспользоваться остатками германских укреплений.

2) Утвердиться на занятой территории, обратить ее в свою новую базу и источник пополнений, приблизив таким способом свой тыл и сократив коммуникационные линии, чтобы развить дальнейшие действия, смотря по обстановке.

Одновременно являлась широкая политическая задача — распространить новый социально-политический строй в Литве и создать наиболее благоприятные условия в Восточной Пруссии, воспользовавшись возможностью установления с ней непосредственной границы.

Первая из этих задач была выполнена с успехом, в смысле быстроты движения.

Все расстояние от исходного положения, в районах Дриссы и Полоцка и по р. Березине, до Немана и Шары, всего около 300 верст, было пройдено в 19 дней, т. е. менее, чем в 3 недели. Армии, в среднем, проходили в сутки не менее 16 верст, но, приняв в расчет дневки, вынужденные остановки и перегруппировки, действительная величина суточных переходов была значительно больше и часто доходила для полков до 30—40 верст. Попытка противника — задержаться у Лиды, не удалась.

23 июля, как значится в официальном отчете 15-й армии, 33-я дивизия, под сильным огнем противника, совершила переправу через Неман в брод и вплавь в районах д.д. Михайлово и Понижаны, с боем овладела высотами на противоположном берегу и достигла р. Свислочь.

Но результаты в смысле поражения противника и захвата трофеев не были так велики, как можно было бы ожидать, что зависело отчасти от общих направлений движения (как об'яснено выше), отчасти от недостатка конницы перед фронтом армии, (корпус Гая действовал на правом фланге), отчасти от ошибок начальников и недостаточной подготовки войск.

Нет возможности останавливаться на разборе отдельных, хотя бы даже и важнейших эпизодов из этого периода компании, но общий ход действий дает возможность указать на некоторые характерные приемы в действиях Красной Армии, которые выразились в положительную сторону:

1) в быстроте маршей и выносливости войск,

2) в смелых и решительных действиях, не задумываясь над сложностью и трудностью обстановки, если были соответствующие

начальники, которые могли вести дело всеми способами, до личного примера, включительно,

3) в предприимчивости и находчивости отдельных частных начальников даже при более трудной обстановке, когда не приходилось встречаться с сильным и организованным сопротивлением.

Для подтверждения сказанного можно указать на обстоятельства, при которых совершался прорыв старых германских укрепленных линий, где поляки пробовали оказать сопротивление. Правда, линии эти не имели уже вида настоящих укрепленных полос и не защищались так, как они защищаются в позиционной войне, но все же в некоторых пунктах, на важнейших путях, участки проволочных заграждений, сомкнутые в образовавшихся от времени прорывах рогатками, с прочными, еще уцелевшими бетонными постройками, с лабиринтом окопов и ходов сообщения, — представляли серьезное тактическое препятствие.

Перед нами два интересных эпизода: один у Сморгони, на направлении Молодечно—Вильно, другой у Вишнево, на направлении Минск—Воложин—Лида.

У Сморгони пришлось прорывать германские линии 48-й бригаде 16-й дивизии.

Наступление под артиллерийским огнем началось двумя полками с 3-х верст, выбили противника из наших старых окопов и заночевали; пришлось раздвинуть полки, чтобы дотянуться вправо до 56 дивизии; на рассвете противник атаковал и разбил части правофлангового полка, но положение было восстановлено.

Дальнейшие действия, один из участников *) описывает следующим образом: „к вечеру комбриг Фабрициус собирает всю бригаду на правый фланг (участок 143 полка), приказывает легкой артиллерии бить по проволочным заграждениям, а гаубичной по окопам; сам с бригадной разведкой берет винтовку, ножницы и идет к проволочным заграждениям, приказывая полкам вздвоенными рядами, без шума, двигаться следом. Под прикрытием артиллерийского огня, преодолев проволочные заграждения, полки развернулись в боевой порядок. Умолкла артиллерия, противник в упор открыл ураганный, ружейный и пулеметный огонь, движение невозможно, спасения нет. Но после второго ураганного огня нашей артиллерии противник замолчал. Наступила тишина. Ночь была темная. Комбриг, находясь в цепи, приказал полкам окопаться и ждать рассвета, ибо ночью действовать по глубоким, извилистым окопам было невозможно. Перед рассветом противник незаметно вышел из своих окопов и бросился на „ура“. Начался рукопашный бой. Храбростью и настойчивостью командиров и стрелков, гранатами и штыками противник был отбит и обращен в бегство“.

*) Курсант Высших Повторительных Курсов, бывший начальник пешей разедка 144 полка Пашков.

Так были взяты старые германские окопы у Сморгони. У Вишнево дело обстояло проще. Там, подойдя к позиции противника, один из баталионов, не имея никаких средств для преодоления заграждений и не справляясь, есть ли проходы, бросился в атаку. Проходов не оказалось, но стремительность атаки заставила поляков бросить окопы. Уже после этого разобрали рогатки на дороге и бросились преследовать.

Недостатки в действиях Красной Армии сказались в следующем:

1) Почти всегда не доставало общего управления и единства в действиях; дивизия или бригада не получали одной, ясно выраженной задачи; вообще задачи задавались по местным предметам, без отношения к главной задаче—разбить противника соединенными усилиями; в большинстве случаев все сводилось к наступлению полков на различные селения и местечки без отношения к группировке противника или к его важным операционным линиям и даже без отношения к выгодам расположения этих местечек по местным условиям и к возможности их удержать за собой; единство в действиях стремились поддержать внешним образом, плечом к плечу, даже тогда, когда этого не требовалось, напрасно растягивая фронт, но упуская взаимодействие: каждый полк действовал сам по себе, даже не следя за тем, что делается рядом, у соседа; не было не только стратегического взаимодействия соседних колонн, но и тактического взаимодействия на поле боя, за редкими исключениями.

2) Не было подготовки и привычки к разведке, охранению и связи; эти важные для впечатлительных войск отделы полевой службы были в полном пренебрежении; охранение с самаго начала кампании, вместе с разведкой, возлагалось на полковую команду разведчиков, которая в полном составе должна была следовать впереди, а также охранять на остановках; но эта команда, в то же время, постоянно получала боевые задачи наравне с ротами, а при остановках ограничивалась периодической высылкой дозоров; зачастую полки располагались и двигались без всяких мер охранения; были случаи, когда баталионы, вблизи от противника, следовали в таком порядке: впереди комбат с группой всадников, за ним баталион, за баталионом пулеметы, прямо по дороге, хотя бы через переправу, по которой противник каждую минуту мог открыть ружейный и пулеметный огонь.

3) Приемы пехотного боя не были усвоены: при наступлении рассыпались в цепи, открывали огонь и наступали перебежками с очень далеких расстояний; атаковали цепями без резервов; в то же время водили части в походных колоннах вдоль фронта, под огнем противника. Поэтому там, где не удавалась лихая атака, по возможности с короткого расстояния, действия не всегда сопровождались удачей, даже имея превосходство в силах.

Успех быстрых походных движений ослаблялся медленностью развития боев.

Артиллерией пользоваться не умели: таскали ее за собой, вплотную к противнику и упрекали артиллеристов в трусости, когда они хотели занимать закрытые позиции, позади наступающих войск; задачи давали совершенно неопределенные и слишком широкие; во время быстрого преследования поляков, когда в пехоте вошло в привычку передвигаться не иначе, как на подводах, артиллерия ставилась нередко далеко позади, с резервными полками, а потому нередко вели бой вовсе без артиллерии.

5) Для поддержания порыва в пехоте постоянно требовался пример начальников; лучшие командиры полков и даже бригад водили свои части лично в бой с винтовкой в руках или бросались вперед с разведчиками, что, конечно, не всегда содействовало исполнению других общих обязанностей по управлению, и бои носили беспорядочный характер; с другой стороны было, к сожалению, не мало случаев, когда не только старшие начальники, но и командиры батальонов слишком далеко держались от своих частей или даже бросали их в критическую минуту под разными предлогами, что резко отражалось на поведении частей.

6) Войска не обнаруживали стойкости, особенно в ночное время, терялись при неожиденностях, не было стремления отвечать на нападение таким же нападением или, по крайней мере, выяснить обстановку; отход какой либо части на поле боя, по каким бы причинам он ни производился, служил обыкновенно сигналом для отхода соседних частей; при неудаче легко возникала паника, вследствие постоянного опасения обходов и охватов.

7) Походные движения совершались почти всегда по полкам, что доставляло несомненно выгоду в смысле ускорения движения, удобства расположения на ночлег и удобства продовольствия местными средствами; к этому же побуждал недостаток конницы для разведки; полки вели эту разведку ощупью на широком фронте, постоянно теряя соприкосновение с противником; бывали случаи, что дивизия двигалась девятью колоннами. Подобный способ отвечал преследованию разбитого противника, но не отвечал многим другим случаям и затруднял связь и управлиние. Полки приучались к отдельным действиям, к сепаратизму; было забыто старое правило: ходить врозь, чтобы драться вместе; не только не бывало „движения на выстрелы“ (за редкими исключениями), но даже вид боя соседних частей не побуждал к движению, если этого не требовало высшее начальство.

8) При достижении мест ночлегов, войска немедленно расходились по квартирам и предавались хозяйственным заботам и отдыху, не заботясь о мерах охранения, на случай боя с противником; это делалось даже в виду противника после овладения селениями, которые, как уже отмечалось выше, являлись излюбленными предметами действий; на ряду с этим бывали случаи, когда для встречи противника заранее по шаблону „занимали позиции“, т. е. расбрасывали бата-

лионы и роты без всяких способов связи, не оценивая ни действительного положения противника, которого обыкновенно не знали, ни его вероятных подступов, что нередко служило причиной неудач.

9) Об устройстве тыла не заботились, продовольствование было основано на местных средствах, но эти средства собирались беспорядочным образом, непосредственно полками, у жителей, по деревням и местечкам, на местах остановок; большие привалы назначались не по расчету движения, а по расчету на то, где можно взять больше запасов; много продовольственных средств в тылу и в стороне движения оставались неиспользованными, за то на путях движения забирали все, беспощадно.

10) Для движения войск и грузов забирали сотни и тысячи подвод, истощая край и возбуждая население.

Не расчитывая на бригадные и дивизионные транспорты, каждый полк, каждый баталион в полку, стремились иметь свой обоз, так называемого первого разряда, в котором возили однако все, что считали нужным, без всякой нормы. В походных колоннах эти баталионные обозы шли в середине колонны. Получая назначение в авангард, в обходную колонну и т. п., баталион тащил за собой свой обоз вплотную к противнику. К посадке войск на подводы прибегали слишком часто, иногда, чтобы передвинуться на 12—15 верст, теряя время и людей на сбор и охрану подвод.

Обозы 2 разряда и тыловые из тех же обывательских подвод возили все: мебель, утварь, зеркала, какие то ящики и сундуки, жен, целые семейства,—запружая все дороги и создавая путаницу, беспорядок и панику.

Можно было бы привести много примеров для подтверждения приведенной выше характеристики, но это слишком увеличило бы размеры настоящей статьи.

Поэтому, мы обратимся только к двум эпизодам, из которых один касается тех же действий у Вишнево, приведенных выше, как пример отваги и решительности, а другой—действий 30 бригады на путях от Слуцка к Несвижу, где она сделала попытку преградить дорогу отступающим полякам. Эпизод у м. Вишнево, на путях от Минска через Воложин к Лиде, произошел при следующей обстановке.

К 13 июля 15-я армия наступала в общем направлении от Вилейки и Молодечно на Лиду, 2-я дивизия этой армии (левофланговая) встретила упорное сопротивление противника на железной дороге, южнее Крево, в старых германских окопах.

Южнее, через Воложин двигалась 6-я дивизия 3 армии (правофланговая) в том же общем направлении на Лиду, через Вишнево.

Железная дорога южнее Крево круто поворачивает с западного направления на юго-западный и проходит несколько севернее Вишнево.

Захват Вишнево и выход 6-й дивизии на железную дорогу мог значительно облегчить действия 2 дивизии, но германские окопы

южнее Крево (у Ластоянцы) поворачивают на юго-запад и прикрывают железную дорогу и Вишнево. Надо было их форсировать. Ближе к Ластоянцам подступы затрудняла р. Березина, но дальше к югу река эта приближается к Воложину и один баталион 52 полка 18 бригады в ночь с 13 на 14 июля уже ночевал впереди переправы.

Общая задача и общий способ действий бригадам и полкам были выражены слабо, взаимодействие не указано. По крайней мере все это не дошло до комбатов 52 полка, по показаниям которых записан эпизод. *)

16-я бригада, наступавшая ближе к 2 дивизии, (к Ластоянцам), а также 50 полк 17 бригады, наступавший далее к югу, запоздали и были задержаны противником; остальные полки 17 бригады остались в резерве.

52 полк получил задачу только захватить Вишнево, что и было исполнено лихим налетом 2-м баталионом, совместно с конными и пешими разведчиками, которые действовали как боевая сила еще с утра, когда другие части дивизии едва начали движение; на некоторое время баталион попал в затруднительное положение; выручил 1-й баталион, задержанный без нужды у Вишнево. **)

Командир полка, вместо общего руководства, лично предводил конными разведчиками; никакой связи в бою не было; 54-й полк 18 бригады подошел очень поздно.

Между прочим, 2-й баталион взял в налет весь свой обоз, оставив его уже невдалеке от позиции противника, а 1-й баталион под'ехал на расстояние в 12 верст на подводах, собрав для этой цели 60 подвод, на что потребовалось не мало времени.

Хотя захват Вишнево отразился на обороне поляками германских окопов против других частей дивизии, но настоящей атаки во фланг противника не было произведено, также не было попытки перерезать железную дорогу; 18-я бригада действовала без артиллерии, которая отстала далеко в тылу. В итоге 11 дивизия понесла большие потери, а противник ускользнул.

Попытка перехватить дорогу отступающим полякам на путях севернее Слуцка к Несвижу, частями 30 бригады, в середине июля, заслуживает внимания, как пример неумелых распоряжений, недостаточной устойчивости и отсутствия стремления к взаимной поддержке.

88 и 90 полки (оба двух-баталионного состава) с одной легкой батареей, к 18 часам, после 30-ти верстного перехода, расположились на ночлег в 3-х верстах от м. Копыль, которое лежит на большой дороге через Грозов (восточнее м. Копыль) на Несвиж. Приказано было передвинуться в м. Копыль, что исполнено к 20 часам. Здесь получено донесение, что части двух польских полков, с артиллерией

*) На Высших П[illegible]торительных Курсах при Штабе Западного фронта.

**) Полки были двух-баталионного состава.

и обозами, сбили 89 полк (восточнее м. Копыль) и двигаются на м. Копыль (через Грозов). Комбриг оставил три баталиона у м. Копыль, а одному баталиону 88 полка приказал расположиться у госп. дв. с. Шестаки, в 4—5 верстах к юго-западу, чтобы перехватить другую полевую дорогу на Несвиж.

Далее на юго-запад, у м. Тимковичи, в 1/2 вер. от м. Копыль ночевала 28 бригада той же дивизии, два эскадрона которой, комбриг 30 задержал у с. Шестаки.

Получив позднее донесение, что противник двигается именно на с. Шестаки, комбриг перевел туда еще один баталион, не 88-го, а 90-го полка и назначил общего начальника, который прибыл в Шестаки в темноте, когда баталионы уже заняли позицию. Связь была не налажена. Позицию на пути противника заняли самую неудачную: без обстрела, перед лесом, имея в тылу болотистую речку (могли встать за речкой).

В результате, противник ударил всеми силами, переколол роту, которая была на дороге и прошел через г. дв. Шестаки (на сев. окраине селения того же имени); другие части не успели или не решились поддержать; батарея ночью действовать не могла; на рассвете нагнать противника уже не удалось.

Характерно решение комбрига, не атаковать противника на марше (хотя бы устроив засаду), а перехватывать дороги, на которых ночью разбросались войска разных частей; обнаружилось также неуменье выбрать позицию и недостаток взаимной поддержки и общей устойчивости.

Выше было отмечено, что, кроме преследования противника, Красная Армия могла иметь своими задачами—устройство своего тыла, организацию укомплектований и опору для достижения политических целей в Литве и Германии *).

Но последующий ход событий потребовал немедленного дальнейшего наступления к Варшаве и не дал, прежде всего, времени, которое было необходимо для выполнения этих задач.

Поэтому мы не будем останавливаться на их исполнении.

Для характеристики условий, в которых пришлось действовать в дальнейшем Красной армии, необходимо лишь отметить, что, по крайней мере, устройство тыла не могло быть достигнуто.

Не было средств и возможности наладить подвоз, починку материальной части, снаряжения и обуви; не удалось навести должный порядок в обозах и транспортах, осмотреть и исправить дороги. Железные дороги, а впереди них этапные учреждения, при всем напряжении, не успевали за войсками; пополнения приходили в недостаточном количестве. Не было даже времени дать просто необходимый отдых войскам. Некоторые полки за весь поход имели, только одну дневку.

*) Примеч. ред. Личное мнение автора.

Поэтому условия для дальнейших действий сложились крайне трудные.

Поход на Варшаву. С точки зрения характеристики Красной Армии представляется безразличным вопрос, почему именно и как сложилось решение наступать, (не выжидая) на Варшаву.

Как стратегия руководит тактикой, так и политика руководит стратегией.

Но для той же характеристики армии надо сказать, что как в стратегическом, так и в тактическом отношении, задачи представились чрезвычайно трудные.

Не имея устроенного тыла, с малочисленными войсками (полки обратились в роты, бригады в батальоны, а дивизии в полки), утомленными, плохо снаряженными, неодетыми, с недостатком в подвозе боевых припасов, нужно было не только продвинуться вперед на значительное расстояние, но преодолеть сопротивление на р. р. Нареве и Западном Буге, выполнить сложные и трудные маневры и, наконец, форсировать оборонительную линию по р. Висле с крепостями у Новогеоргиевска и Ивангорода.

Задачу могли облегчить:

1) Особенно благоприятные политические условия, на наступление которых были некоторые основания расчитывать.

2) Подход 1-й конной и 12 армий Юго-Западного фронта к Люблину, как это и было намечено.

3) Бои впереди р. Вислы, если бы это оказалось возможным по ходу событий.

Но обстоятельства сложились иначе и на долю Красной армии выпала одна из труднейших задач, какую можно себе представить.

Задача эта, в том виде, как она сложилась, могла оказаться не по плечу не только для молодой, еще не окрепшей в своих традициях, еще нуждавшейся для своего успеха в некоторых благоприятных условиях Красной армии, к тому же ослабленной и расстроенной, но и для более многочисленной армии прежнего типа, хорошо организованной и снабженной, с хорошо подготовленным командным составом.

В большинстве эпизодов в основе выступают слабый численный состав, нарушенная организация, утомление отсутствие связи и т. п.

Поэтому разбирать события этого периода кампании и делать сравнения и выводы для выяснения сильных и слабых сторон стратегии и тактики Красной армии было бы нецелесообразно.

Для характеристики армии надо выделить лишь два качества, которые выступили за время боев под Варшавой:

1) Порыв и одушевление красноармейцев в наступательных действиях, которые проявлялись по прежнему, на ряду с неустойчивостью в оборонительном положении.

2) Недостатки подготовки, а также прямые недостатки в боевых качествах, которые обнаруживались со стороны комсостава.

Первое из этих качеств имеет особенно важное значение для психологии красноармейца, а также и для тех путей, которых должны держаться в его вождении и воспитании.

Предоставленные сами себе, со всеми их думами и качествами, не испытывая никакого побуждения или влечения, как это обыкновенно бывает в оборонительных положениях,—люди эти испытывали неуверенность и поддавались первому толчку, чтобы двигаться назад, подальше от близкой опасности, а затем предавались чувству паники, не предвидя, тех еще более опасных последствий, в которые она их вовлекает.

Но стоило явиться такому толчку вперед, как люди беззаветно шли через все препятствия, на проволочные заграждения с одной винтовкой в руках, под огнем в упор, почти на верную гибель, при этом голодные, в грязи, в одном нижнем белье, иногда без сапог, с окровавленными ногами.

Толчек в большинстве случаев должны были давать командиры' но было на что опереться.

По этому поводу припоминаются безхитростные рассказы комбатов, о том, как уже при отходе от фортов Новогеоргиевска, под натиском свежих сил противника, вдруг раздавались недовольные голоса: „если так будем отходить, так не видать Варшавы". И стоило подать команду „вперед, в атаку", как люди оборачивались и шли в атаку, за ними возвращались соседние части, а ошеломленный противник останавливался и сам начинал отходить, не имея духа принять этого грозного вызова.

Позднее, при дальнейшем отступлении, такие случаи бывали реже, угасший порыв уже трудно было возбудить, но под Варшавой он еще сохранился.

Недостатки комсостава более заметно сказывались на старших ступенях, начиная от командиров полков, в той трудной обстановке, которая наступила.

В связи с очерченой психологией красноармейца эти недостатки получили особенно важное значение.

Но, кроме недостатков вождения войск на поле боя, рельефно выступил и еще один крупный недостаток: непонимание оперативной дисциплины.

Бывали грубые нарушения этой дисциплины в форме прямого неисполнения приказаний, но еще чаще они выражались в отсутствии стремления к общей цели и к взаимной поддержке, в безучастном отношении к боевым действиям соседей; сказалась непригодная в условиях национальной войны привычка к действиям отдельными отрядами, упроченная недостатками управления во время наступления к Варшаве.

Отступление из под Варшавы.

Отход из под Варшавы совершался также в таких исключительных невыгодных, условиях, что для этого периода трудно делать выводы для особых свойств и приемов Красной Армии.

Гибель целых дивизий и почти всей 4 армии, чрезвычайная растянутость фронта, численная слабость частей, утомление, недостатки командования, недостатки в устройстве тыла, недостатки политической подготовки в тылу,—все соединилось, чтобы усугубить тяжесть положения отступающей армии.

Некоторые отчеты отмечают следующие главнейшие причины неудач при отступлении:

1) Трудность положения к началу отхода,

2) Оторванность от тыла;

3) Потеря связи: одна из дивизий с момента отхода от Волковыска не получила от штаба своей армии ни одного руководящего указания.

4) Недостаток твердого управления, который, в связи с оторванностью от тыла, выразился в отсутствии общих распоряжений по выбору тыловых путей и их обеспечению.

Дивизии не ставили себе задачей сохранить свой фронт и прикрыть тыловые пути.

В 16-й армии, с подходом к р. Бугу, правофланговая, 27 дивизия оказалась на левом фланге; все другие отходили на северо-восток, в сторону наименьшего сопротивления, не заботясь о том, что тылы их попадали на тылы других армий.

Не было попыток согласованными действиями нанести контрудар и осадить противника, который нередко зарывался и сам становился в рискованные положения.

Даже под Белостоком, где путь был отрезан и где необходимость заставляла очистить его во что бы то ни стало, эти попытки предпринимались по очереди, сперва слабыми частями 2 и 21 дивизий, потом 27 дивизией; в то же время еще несколько дивизий оставались на дороге простыми зрителями этих боев, тогда как соединенными усилиями можно было прямо раздавить небольшие силы противника.

Нельзя также не указать на недостатки первоначальной организации, с последующим недостатком пополнения, как на одну из важных причин неудачного отступления.

Правильная организация с самого начала была нарушена в нескольких направлениях, особенно важных для стратегии, требующих об'единенных действий и постоянной готовности к переходам от широких маршевых фронтов к более узким боевым фронтам и обратно, в зависимости от обстановки: в направлении разведки, в направлении связи, и в направлении транспорта.

Помимо недостатка в организации тайной и воздушной разведки, недоставало для той же цели конницы для разведки перед фронтом, а также в полосе движения его отдельных частей и более крупных боевых соединений.

Конные силы были, правда, сосредоточены в корпусе Гая и сделали свое дело, но образование этого корпуса произошло как бы за счет стратегической армейской и дивизионной конницы, которая осталась в слишком слабом составе.

В гражданской войне, при недостатке конницы, войска выходили более или менее, из затруднений, применяя для дальней разведки пехоту на подводах, или же просто двигаясь ощупью, отдельными отрядами, на широком фронте. Но в сфере национальной войны эти способы сказались недостаточными.

В период победоносного наступления этот недостаток не так сказывался или, вернее, сказывался в выборе наименее опасных направлений для противника, но не сказывался в прямых неудачах. Но при отходе обстоятельства резко переменились. Нужно было выбирать направления и способы действия в зависимости от направлений и действий противника, за которым надо следить, а следить было нечем. Применять для разведки пехоту на подводах можно было тогда, когда противник сам не располагал достаточной конницей, но Польская армия как раз именно имела достаточно сильную конницу. Разведывать ощупью еще можно было во время наступательных операций, но в период отступательных действий это сделалось невозможным. Поэтому недостаток конницы, еще значительно растаявшей за время кампании, особенно сказался в период отступления.

В области связи, при недостатке технических средств, могла помочь также только дивизионная конница, в особенности при отходе, когда инициатива перешла на сторону противника, увеличилось число неблагоприятных случайностей и потребовался еще более частый обмен сведений и донесений.

Что же касается до транспорта, то с самого начала полный недостаток в штатных обозах и транспортах, как уже указано, повлек за собой необходимость прибегнуть к широкой эксплоатации обывательского транспорта.

Войска принесли с собой из опыта гражданской войны привычку и навыки в пользовании обывательским транспортом. Во многих случаях эти навыки были полезны и даже необходимы.

Но непосредственное взимание подвод войсками, как и другие виды самоснабжения, не могли не отразиться на дисциплине, а дальнейшая произвольная эксплоатация растрачивала уже боевую готовность и самую боеспособность войск до самого основания.

В гражданской войне подобная эксплоатация обывательского транспорта имеет тоже отрицательную сторону, но там, при меньшей величине отрядов и их самостоятельности, эта отрицательная сторона

не имеет такого значения и может быть легко устранена или ослаблена своевременно принятыми мерами.

В войне, где количество войск и их потребности увеличиваются, где, при упорстве боев, одно снабжение огнеприпасами вызывает уже усиление подвоза, где приходится сосредоточивать войска на более тесных фронтах, а обозы крупных соединений двигать по одной дороге, эта беспорядочная эксплоатация обывательского транспорта обращается в настоящую безбрежную стихию, которая царит на всем и все вовлекает в круговорот своебразной деятельности.

До тех пор, пока война имела наступательный характер и сопровождалась успехом, а также до тех пор, пока можно было итти прямо перед собой, не прибегая к переброскам, к крутым изменениям в направлении движения, к фланговым движениям и т. п., все это стихийное применение транспорта не имело особенно тяжелых последствий.

Но с началом отступления, когда тылы перепутались и когда дороги оказались забитыми обозами на десятки верст, недостатки в организации транспорта выступили со всею силою, создавая катастрофические условия.

Тяжесть положения увеличилась вследствии резкого изменения количественного соотношения обозов к войскам, которое произошло с начала кампании. Обозы возрастали, а войска, т. е. пехотные части таяли. Поэтому во время отхода пехота обращалась в своего рода прикрытие к обозам или вовсе их бросала.

Еще более невыгодно этот недостаток постоянства в организации войсковых соединений, вызванный недостатком своевременного пополнения пехотных частей, сказался на артиллерии, соразмерность которой также изменилась.

К началу кампании эта соразмерность держалась более или менее близко к нормальной. Но, когда пехота потеряла большую часть своего состава, то эта соразмерность в некоторых дивизиях достигла 20 и более орудий на 1000, что не мешало впрочем, существовать таким бригадам, где не было ни одной пушки. Так как полки доходили до состава в 200—300 и даже менее штыков, то постоянно сказывались такие соединения, как рота и батарея.

В результате Красная Армия, при отходе потеряла очень большой процент своей артиллерии.

Но не смотря на эти чрезвычайно невыгодные условия, Красная Армия во время тяжелого отхода продолжала обнаруживать боевые качества, свидетельствующие о том, что она могла бы действовать много успешнее при других условиях.

При крайней слабости частей, при недостатке подготовки общей массы командного состава, при недостатке общего руководства и при большом разнообразии в составе и подготовке частей, из которых некоторые сохранили еще хорошие кадры из опытных бойцов, а другие были сплошь составлены из только что прибывших необстрелен-

ных новобранцев, срока службы 1901 года, сразу попавших во все неурядицы и бедствия отступления, под натиском противника, нельзя было ожидать чтобы боевые качества везде обнаруживались с одинаковой силой. Но можно привести примеры указывающие, что такие факты не были единоличными и случайными.

Совокупность действий 15 армии в районе города Волковыска во второй половине сентября 1920 года свидетельствует, что Красная Армия была способна не только выигрывать время и задерживать противника во время своего отступления, но создавать некоторые переломы в общем ходе событий, если обстоятельства сколько нибудь этому благоприятствовали.

Сущность событий в районе г. Волковыска рисуется следующим образом:

К середине сентября части 15 армии закрепились за р. Свислочь, верстах в 35—40 к западу и к северу-западу от Волковыска; 11-я дивизия располагалась по среднему течению р. Свислочь имея два полка, 97 и 99 33 бригады и один полк (91) 31 бригады в боевой части и остальные в резерве; на позициях были также три легких батареи, остальные пять (три легких, гаубичная и тяжелая) в резерве. Состав дивизий был слабый, чем и об'ясняется оставление в резерве значительной части артиллерии. Правее была 16 дивизия, левее—48-я 16-ой армии.

Стык между армиями приходится на важнейшем операционном направлении, по железной дороге Седлец—Волковыск, откуда поляки вели главный удар.

Начиная с 17—18 сентября поляки вели настойчиво атаки на участок 48 дивизии, которая отошла на 7—8 верст к востоку, обнажив левый фланг 11 дивизии.

Вечером 19 сентября поляки атаковали участок 11 дивизии. Атака совпала со сменой 33 бригады частями 31 бригады (93 и 92 полки), что создало трудные условия, перерывы связи, ориентировку в вечернее, а затем и ночное время.

Руководство со стороны штаба дивизии было слабое; несмотря на атаки противника, смененные части уходили в резерв, разведки в более широком масштабе не было; 11 кав. полк очень слабого состава, стоял за левым флангом, в прорыве между 11 и 48 дивизиями.

Наступая по всему фронту 11 дивизии, поляки повели главную атаку на левый фланг, кавполк не оказал никакого сопротивления, 91 и 92 полки 31 бригады были сбиты (91 окружен); утром 20-го поляки захватили Вел. Берестовицу, находившуюся верстах в 10 за правым флангом линии, обстреляли в упор из засады 97 полк с батарей, отходивший после смены с позиции в резерв, перебили лошадей и захватили орудие; штабы 31 и 33 бригады, находившиеся в Вел. Берестовице едва успели уйти под сильным обстрелом; из батарей, бывшей с 91 полком спаслось только одно орудие.

Строгая критика артиллеристов отмечает следующие главные причины неудачи: малая стойкость пехоты, слабость общего управления, негодность некоторых командиров полков, слабость связи между полками.

Все это верно. Слабость, а иногда полное отсутствие управления со стороны начдивов составляло одну из важнейших причин неудач во всю компанию; через них и штабы армий были очень слабо или неверно ориентированы в обстановке, что вызывало неверные распоряжения и новые неудачи.

Негодность не малого процента комбригов и комполков из которых иные сидели далеко от места боя, не делая никаких распоряжений, а иные бросали свои части в критическую минуту, под предлогом получения ориентировки в высших штабах,—была одною из причин неудачи в действительно безвыходных положениях. Слабость связи между полками действительно доходила до того, что полки ничего не знали об участи соседей даже в том случае, когда эти соседи терпели полное поражение или уходили с позиции; даже усиленный огонь на фланге и в тылу не всегда вызывал внимание и разведку.

Но по поводу малой стойкости пехоты надо сделать оговорку. Стойкость, в тесном смысле этого слова, действительно была не велика, в особенности в тех частях, где был большой процент малообученных и необстрелянных красноармейцев.

Это качество, как показывает опыт, может быть развито только известным воспитанием частей в духе боевого товарищества, боевым опытом и поднятием стрелкового дела, чтобы боец верил в силу своей винтовки. Но стрелковое дело в Красной Аммии было очень слабо поставлено, а боевой опыт не вырабатывал стойкости.

Как пример слабой стойкости, в тех же отчетах, из которых заимствовано описание боя, указывается на поведение полка, который будучи обстрелян противником из засады, бросился в сторону и покинул батарею, с перебитыми лошадьми, не сделав попытки выбить противника, который был в незначительных силах.

Но в подобных случаях на недостаточно обученные и спаянные войска действует именно неожиданность. Ответственность прежде всего ложится на командный состав, который не выслал разведки и не сделал попытки увлечь за собой на противника.

Для того же, чтобы дать понятие о стойкости Красной Армии в более широком смысле слова, достаточно привести отзывы тех же отчетов о том, как 97 полк, уже отозванный с позиции, бросил ее при первой атаке поляков, но 93 полк, только что пришедший в 11 часов вечера ему на смену, выбил противника и занял окопы; после этого поляки дважды возобновляли атаку, но оба раза были отбиты, только к первому часу ночи противнику удалось прорвать расположение одного из баталионов. Но мы уже знаем, что такое представляли эти „баталионы“ по своей численности.

Из тех же отчетов видно, что 91 полк, будучи покинут своим командиром, окружен и оставлен без всякой помощи,—выслал роту для поддержки своей артиллерии, а затем сам пробился через кольцо противника.

В том же районе к западу от Волковыска, в тех же числах сентября месяце, в прорыв образовавшийся между 11 и 48 дивизиями, была двинута от Волковыска 56 отдельная бригада. Эта бригада не задолго перед тем прибыла с северного фронта, из Финляндии, и имела очень слабый состав; ее пополнили, но пришлось целые батальоны сформировывать из новобранцев 1901 года; командного состава не доставало; артиллерии вовсе не было; хотя в 11 дивизии, рядом, был, как мы видели избыток артиллерии; патронов было недостаточно.

Пришлось не только „затыкать" прорыв, что, как известно, всегда является одной из самых неблагодарных задач, но прикрывать важную операционную линию,—железную дорогу из Белостока в Волковыск, имея на правом фланге еще более важную жел. дорогу из Седлеца через Клещели на Волковыск, прикрытую ненадежными частями 48 дивизии. Придали бронепоезд, но он обнаружил очень мало деятельности. Распоряжения бригады носили шаблонный характер: „занять от . . . . . . до . . . . . . ".

Разведки не было. Два полка были сразу разбросаны и сразу же подверглись атаке; один из них был схвачен с обоих флангов превосходными силами противника и атакован кавалерией. Не смотря на это кавалерийские атаки были отбиты; кавалерия подскакивала на 400 шагов, но безуспешно. При отходе по открытой местности полк был расстроен артиллерийским огнем противника, с которым никак не мог бороться, не имея артиллерии. Тем не менее он держался на своей тыловой позиции и отбил на следующий день еще несколько атак противника. Наиболее сильным и опасным средством оказался бронепоезд противника. С нашей стороны, как сказано выше, был также бронепоезд, но он не помог.

Патроны пришли к концу и бригада отступила. Один полк (166) оторвался к 11 дивизии, другие два отошли в северо-восточном направлении между расположением 11 дивизии и Волковыском, опять были разбросаны и подверглись поражениям по частям.

Тем временем разыгрались собственно Волковыские операции.

Действующая южнее 11 дивизии, а затем 56-й бригады, 48 дивизия отошла к Волковыску и даже за Волковыск.

В прорыв была брошена, стоявшая в резерве, в районе м. Пески (23 версты к северо-востоку от Волковыска, по дороге на ст. Мосты) 27 дивизия. Слова было дано шаблонное приказание „выдвинуться на линию от . . . . . до . . . . . ".

К западу и юго-западу от Волковыска для дальнейшего наступления на м. Свислочь.

При том состоянии, в котором, как мы видели, были соседние части, это привело бы вероятно к отдельному поражению 27 дивизии, подобно другим, но на этот раз вмешалась сама судьба. Город Волковыск был уже занят поляками, а потому встать на „исходную линию“ к западу от него было невозможно.

Штаб дивизии этого не знал, хотя и находился от Волковыска в 20 с небольшим верстах по железной дороге.

Произошел бой, который, до известной степени мог бы служить более совершенным образцом восстановления положения на фронте, чем непосредственное затыкание прорыва растопыренными полками; но этот образец вышел случайно и слишком поздно чтобы поправить обстановку.

Начдив 27 решил атаковать противника в Волковыске.

В исполнении этого решения были некоторые неправильности; было бы лучше, если бы начдив 27 задался бы несколько более широкой целью,—разбить и уничтожить зарвавшегося противника, тогда успех, вероятно, принял бы более широкие размеры. Но и то хорошо, что было сделано: было нанесено поражение 15 Познанской дивизии, т. е. одной из лучших, кроме пленных, поляки оставили 900 трупов, два легких, четыре 6-ти дюймовых и четыре тяжелых (8—9 дюймовых) тракторных орудий, несколько пулеметов, бомбометов, обозы и проч.

Хотя этот успех и не мог уже изменить всей обстановки (дивизия после боя получила приказание отойти за реку Россь), но он, во всяком случае, показывает, что Красная Армия даже и в тот период не утратила боевых качеств и могла бы создать перелом к лучшему в ходе кампании, если бы, по крайней мере, было больше единства в управлении, были пополнены убыль в командном составе и в рядах красноармейцев и не было недостатка в огнеприпасах.

Общие выводы. В своих заключительных выводах мы не будем перечислять снова указаний на достоинства и недостатки Красной Армии, как они обнаружились во время последней кампании, в войне с Польшей, считая, что они уже достаточно освещены в предшествующем изложении.

Постараемся однако сделать, хотя бы в общих чертах те выводы, которые можно сделать для дальнейшей практики в подготовке и усовершенствованию армии.

Обзор военных событий с теми примерами, которые заимствованы из отчетов и с теми замечаниями, которые основываются на отзыве участников, показывает, что Красная армия обнаружила во все периоды кампании, не исключая самых неудачных, свойства боевого материала, из которого можно выковать сильное средство защиты и наступления.

Порыв, выносливость, находчивость и решимость отдельных частных начальников постоянно выступают в отдельных эпизодах, а

удар сосредоточенной массой, в превосходных силах, с придачей новейших технических средств, сильной артиллерии и конницы, в самом начале кампании, является одним из образцов применения той силы, которую была способна проявить Красная Армия.

Не менее поучителен и последующий чрезвычайно быстрый поход, с широким захватом территории.

Но в отличие от условий гражданской войны, где приходится действовать отдельными самостоятельными отрядами и где надо захватывать, прежде всего крупные центры и обширную территорию,— Красной Армии в последний период войны с Польшей пришлось действовать в других условиях.

В этой войне, как во всякой войне с национальной вооруженной силой, разделение сил становится целесообразным, когда главная сила противника, его армия, уже уничтожена или ослаблена до такой степени, что не может возродиться или вообще оказать серьезное сопротивление.

Для ее поражения нельзя расчитывать на один первоначальный удар заблаговременно сосредоточенными силами, но нужно нанести ряд ударов, чередуя их со стратегическими маневрами.

В этих маневрах преобладает общий принцип: итти врозь, чтобы драться вместе.

В связи с этим нужны: выбор направлений, действия, направленные к одной цели—к разгрому армии противника, широкая стратегическая разведка, широкая и прочная связь, устройство тыла, наконец—технические средства.

Все это связано самым тесным образом и все это пред'являет высокие требования к начальникам, от войск требует не только порыва, но настойчивости, стойкости, порядок, дисциплина во всем, от всей страны—напряжения сил и технических средств, от материальной части до новейших средств борьбы включительно.

В основе современного строя лежит развитие промышленности, которая и должна дать технические средства, что же касается до тех свойств, которые требуются от начальников и войск, то здесь только один путь: обучение и воспитание, при том преимущественно воспитание, так как в широком военном деле очень немногое можно заучить, остальному надо научиться.

Не теряя тех свойств, которые нужны только в гражданских войнах, Красная Армия, для встречи с внешним противником в лице национальных или империалистических армий, должна иметь еще и другие свойства, чтобы применять все способы борьбы, которые могут потребоваться по обстановке. На некоторых направлениях, а также в тылу могут понадобиться приемы гражданской войны, но для сокрушения основы военного могущества противника нужны иные способы.

Для войны нужно оружие войны, т. е. для сухопутной войны— армия, для морской—флот. Как нельзя в современных условиях еде-

лать флот из торговых кораблей, так нельзя и армию для всех способов войны создать без особой подготовки, по крайней мере до тех пор, пока существуют национальные и империалистические армии, а на море современные военные суда.

Один из способов обучения и воспитания армии—это изучение ее самой, с ее свойствами и психологией, а также сопоставление ее действий, успехов и неудач в условиях гражданской войны и в условиях столкновения с национальной или империалистической армией, чтобы отсюда более коротким и тактическим путем наметить, какие именно задачи надо поставить обучению и воспитанию.

Столкновение с противником в условиях национальной или империалистической войны требует прежде всего подготовки командного состава.

Как показывает опыт последней империалистической войны, это достигается, прежде всего, под'емом общеобразовательного уровня. С. Америк. Соедин. Штаты именно на этом базисе создали многочисленный командный состав для своей внезапно возникшей миллионной армии.

Переход на 3-х годичный срок обучения в наших типовых курсах комсостава Гувуза преследует ту же цель. Но необходимо сделать все возможное для расширения образования комсостава уже находящегося в строю и имеющего боевой опыт путем не только сборов для поверки и усовершенствования военной подготовки, но докладов, сообщений, всестороннего разбора военно-исторических эпизодов и т. п. Военное дело в настоящее время так широко и глубоко захватывает различные области социальной и экономической жизни и всякого рода техники, что одно уже широкое знакомство с военным делом дает попутно общеобразовательные сведения.

Одной из важнейших задач военного образования должно быть понимание технических особенностей каждого рода оружия и способов действий для достижения общих, значительных целей, об'единенными усилиями.

Другая важная задача—это вождение и воспитание войск, понимание психологии красноармейца и младшего комсостава и умение направить их силы для достижения целей войны, которые ставит политика.

В области обучения и воспитания войск главнейшими приемами являются те, которые могут вызвать уверенность в своих силах, дух боевого товарищества и сознательную, добровольную дисциплину.

Уже в связи с этими задачами стоят: гимнастика и строй, как средство физического и одновременно духовного развития, стрелковое дело, как средство воспитания и боевой подготовки и, наконец, полевое, тактическое обучение, как конечная цель военной подготовки.

Кроме обучения и воспитания нужно еще одно условие: твердо проведенная, целесообразная организация армии на началах современного развития военного искусства.

Как показывает опыт войны с Польшей, эта организация имеет значение не только для должного наибольшего успеха, но и для ограждения от неуспеха или от разгрома при неудаче.

Таким образом, организация сама в себе носит зачатки побед и поражений.

Твердая и целесообразная организация в особенности необходима для молодой Красной Армии, как по указанному ее значению, так и по дисциплинирующему воздействию, которое она оказывает.

Иначе не поможет даже и обучение.

Конница в гражданской войне.

В то время, как на западе Европы враги еще не скрестили мечи в решительной схватке, в то время, когда помыслы армий и борющихся стран были направлены к ее подготовке, на востоке мировая война, в сущности, была уже предрешена. Изверившись в политику Правительства, видя в армии поражение за поражением—на Востоке сам народ взял в руки распоряжение своей историей. Грянула февральская революция, вставшая на путь эволюции, благодаря партиям, стоявшим во главе движения.

Однако, новая власть была далека от той идеи, какой был охвачен пролетариат России и армия, стремившиеся к коренным социальным реформам. Временное Правительство не понимало армии и пролетариата, требовавших окончания войны и перестройки жизни на новых началах.

Не обладая властью сильной монархии и не будучи в состоянии овладеть воодушевлением пролетариата—Временное Правительство должно было пасть. Октябрь 17 года дал ту социальную революцию, которая, по словам Жореса, одна могла обновить народ и армию.

Новые идеи социалистической революции быстро хлынули в старую армию, хотя и стоявшую на фронте, но редевшую с каждым днем в своих частях.

Старый организм оказывался не в состоянии воспринять новую жизнь и постепенно умирал естественной смертью.

Новые идеи могли жить в новой армии, созданной на иных началах, с другим культом, нежели в армии монархии.

Предоставив последней самой изжить себя, Правительство пролетариата России приступило в феврале 18 года к созданию „Красной Рабоче-Крестьянской армии", явившейся оплотом и защитницей власти рабочих и крестьян.

Положив в основание, что солдат прежде всего гражданин страны, социальная революция вложила в армию те начала, которые, по словам Жореса, могли „оживить бездушные организмы постоянных армий". Отныне солдат, как всякий гражданин, участвуя в политической жизни страны, сознательно ее защищал, равно как и избранную им же самим власть. Как равный между равными красноармеец „носил в своем ранце маршальский жезл" и последний не становился уделом „высокорожденных", а мог быть вручен каждому достойному по знаниям и опыту.

В соответствии с новыми правами солдата изменялся и весь уклад внутренней жизни как его, так и целых войсковых частей, менялись основы дисциплины. Одним словом, гигантская работа была намечена организаторами новой армии Пролетариата и начала немедленно осуществляться.

Начав с добровольчества, Красная Армия вскоре вынуждена была обратиться к воинской повинности для пополнения своих рядов, а война с течением времени давала армии характер постоянной армии.

Необходимо подчеркнуть те условия, при которых начала зарождаться и жить Красная Армия. Замолкающие раскаты боевой грозы мировой войны на западе, и в то же время все сильнее и сильнее разгорающаяся борьба внутри государства, создавали тяжелую обстановку для формирования красных частей. С одной стороны только что закончившаяся демобилизация и с другой—мобилизация с немедленным введением сформированных частей в бой—требовали громадной энергии и воли от организаторов новой армии. Уже в боях получая нужную спайку, части Красной армии заканчивали свою подготовку под треск ружей и пулеметов, организуя в то же время свои тылы. Боевые поля были и являются до сих пор для Красной Армии тем „плацем", на котором выковываются сознательные красные бойцы и воспитываются, изучая на опыте военное дело, „красные маршалы".

Такова работа социальной революции, но на ряду с ней шла работа противной стороны, также стремившейся „оживить" старый организм „постоянной армии. Мы говорим о белых армиях которые бросались своими вождями в бой с Красной Армией.

Вдохновляя своих солдат то идеями „сепаратизма» (Дон, Кубань и т. д.), то идеями „национализма" (Колчак, Деникин, Врангель, Юденич и т. д.), вожди белых армий однако решительно исключали рядовых бойцов из политической жизни страны. Стремясь то на основах „истинной демократии", то на основах „сильной монархии" воссоздать свое могущество в армии, правители белых однако не улавливали „идею народа" и гибли, когда последний снова изверившись в полезности их потуг, возвращался к идее социальной революции, видя лишь в ней свою дальнейшую истинную историю. Созданные „белые бездуш-

ные организмы", „армии на старый лад", немедленно рассыпались под мощным ударом живой и сильной Красной Армии рабочих и крестьян России.

Начав также с „добровольчества" или с помощью „наемников" (чехи, войска Антанты), белые армии быстро обратились к „мобилизации", создавая „постоянную" армию на прежних началах ее организации. Обладая командным составом в большем числе, чем Красная Армия, белые быстро сколачивали свои части, правда, также на боевых полях, в изобилии, при помощи Антанты, снабжая их техникой.

Под грохот канонады росли и развивались Красная и белая армии, ведя непрерывную, жестокую борьбу.

Мы просим извинения у читателя, что отвлеклись от прямой нашей задачи, но предыдущий краткий, быть может слабый очерк „наших дней" необходим, дабы правильнее подойти к разбору „конницы настоящего".

Последний период мировой войны, когда стороны по уши закопались в землю, период „кротовой войны" — настолько чувствительный удар коннице, что раздавались голоса о полной непригодности ее в современной обстановке, как самостоятельного рода войск. Забыт был пережитый период маневра, где конница хотя и не блистала своими успехами, но все же оказывала большое влияние на поход операций. Одним словом, конница „постоянных" армий мировой войны усовершенствованиями техники, силой современного огня почти вычеркивалась из состава вооруженных сил армий будущего. С грустью витали над землей тени Зейдлица, Цитена и Мюрата, вспоминая пережитые дни „золотого века" конницы и лишь призраки американских генералов эпохи гражданской войны 1861—65 годов бодро смотрели на будущее, предвидя повторение в наши дни своих бессмертных деяний на страницах истории.

Но так или иначе, когда рухнула старая армия, когда начали возрождаться „новые" армии на территории России, вопрос о формировании конницы подвергался резкой критике. С одной стороны, уменьшившееся ее боевое значение, а с другой — истощенность страны в конском составе и снаряжении, наконец, трудная работа по созданию подлинных кавалерийских частей, требующих длительной подготовки, заставляли организаторов с большой осторожностью подходить к программе развития конницы.

Однако, вспыхнувшая гражданская война потребовала быстрого развития вооруженных сил обеими сторонами, с теми средствами, какие находились в их распоряжении. Широкие фронты и живой характер войны, отбросивший в сторону „лопату", призвали снова к жизни конницу. Социальная революция, разделив граждан на два

лагеря, заставила их вступить в бой с теми средствами, какие были в их распоряжении и отвечали природным свойствам борющихся сторон. Богатые конским составом степи юга и юго-востока России, „конно, людно и оружно" бросились в бой на „пешую" армию рабочих и крестьян центра и севера, не обладавших хорошим конем, чтобы сразу противопоставить противнику такую конницу. Будущее „конницы пролетариата" было еще впереди, а пока „белая конница" властвовала на полях сражений и театрах борьбы.

Мы только что отметили, что Дон, Кубань, Урал, Иртыш и Оренбургские степи по своему богатству конским составом верхового типа наиболее были благоприятны для возрождения конницы, давая и ранее „старой" армии многочисленную казачью конницу, а также ремонтируя и „регулярную" кавалерию. Таким образом, верховой конь был налицо в указанных областях и притом в значительном количестве даже подготовленный к „бою", по только что минувшей мировой войне.

Не было недостатка в укомплектовании и рядовыми бойцами. С детства привыкшие к верховому коню, на нем проходившие службу в старой армии, казаки перечисленных выше областей России давали богатый материал для формирования конницы. Имея ввиду, что мировая война потребовала от казаков большого напряжения в числе выставленных ими войсковых частей, на лицо оказывались все данные, чтобы развернуть многочисленную и обученную конницу, не требовавшую большого времени на сколачивание частей. Выкинутые же организаторами борьбы лозунги и сепаратизм казаков вначале в достаточной мере воодушевляли их в массе к боевым действиям, делая из них крепкого и предприимчивого противника. Боевое снаряжение и холодное оружие также было на месте еще с мировой войны, не доставало лишь винтовок, артиллерии и патронов, но при содействии извне в конце концов и этот недостаток был восполнен.

Командный состав из казаков жил по городам и станицам казачьих областей и сразу стал во главе движения, быстро организуя войсковые части. Бывшие же в областях военные училища продолжали свою работу по подготовке будущих офицеров. Ища убежища в населении, слабо еще усваивавшем социальную революцию, командный состав старой армии в значительном числе, особенно из кавалерии, стекался на юго-восток России в надежде, примкнув к казакам и формировавшимся добровольческим частям, завязать борьбу с непонятными новыми идеями истории. Таким образом в „белой коннице" был не только недостаток, но даже и избыток командного состава.

Однако, несмотря на все отличные боевые качества конницы, одного не могли уловить организаторы ее, или даже не хотели признать — это

той идеи, которой могла бы жить эта конница. В ее душу были вложены фальшивые фразы и пока они в порыве увлечения масс еще не резали ухо, организм жил. Но как только фальшь открылась, как только „белая конница“ начала испытывать на себе могучий удар Красной конницы, к тому времени ставшей на крепкие ноги, „белая конница“ снова превратилась в „безжизненный организм старой армии“, быстро пошедшей по пути разложения.

В лучшие же свои времена „конница белых“ явилась одним из решающих родов войск не только на театре войны, но и на поле битвы, начав возрождение конницы вообще в истории военного искусства. Смелый маневр и лихие конные атаки зачастую решали участь боя, давая победу даже при малочисленности. С течением времени, когда конница все более и более крепла в своей организации, широкий маневр переносится на театр войны и мы были свидетелями недалекого прошлого, когда конница в значительных силах бросается в глубокий и продолжительный рейд в тылу противника (рейд г. Мамонтова в 1919 году).

Такая боевая работа конницы могла вестись лишь соответствующими, хорошо подготовленными к ней начальниками (Мамонтов, Эрдели, Врангель, и другие). За ними конница шла всюду, бросаясь в рискованные предприятия, пока... не натолкнулась на искусных вождей красной конницы, вырвавших инициативу из рук противника и пока... рядовые бойцы „белой кавалерии“ не поняли тех идей социальной революции, за которые боролся и умирал гражданин—солдат Красной Армии. Под ударами Красной конницы кавалерия противника, потерявшая сердце, веру в свои идеалы и веру в своих вождей, быстро распалась, разойдясь в большинстве по домам и лишь наиболее упорствующие—темные последовали в последнее убежище „Русскую Шотландию“—в Крым, тая недежду снова после передышки попытать последнее боевое счастье.

Побросав, в большинстве, лошадей после разгрома на Кавказе, „белые кабалеристы“ собрались в Крыму пешими, представляя испытанный как боевой, так и враждебно настроенный новым идеям материал. Прошло не мало недель томительного ожидания у Врангеля, пока с помощью Антанты и военными трофеями не удалось пополнить конский состав и добыть необходимое снаряжение. Вновь образованная из опытных бойцов и начальников «конница белых» сразу проявила широкую боевую деятельность, имея вначале успех. Составленная из лихих наездников, упорных в своем стремлении к победе, с таким же хорошо подготовленным командным составом, снабженная в изобилии пулеметами и броневиками, искусно маневрирующая на поле боя и на театре войны, конница Врангеля не раз

наносила чувствительные удары красным частям, являясь сильным и деятельным резервом в руках „нового Наполеона“. „Мюрат наших дней—генерал Барбович“, командующий этой конницей Врангеля, не менее своего предшественника блистал победами. Однако, картина недавнего конца повторяется—«конница белых» и здесь не выдержала натиска Красных конных масс, побросав лошадей, села на корабли, закончив свою боевую историю.

Не с большим успехом проявила себя и **польская кавалерия,** организованная на началах «постоянной» конницы. До лета 20 года польская конница, пользуясь своей численностью, оказывалась сильнее славных красных конных частей, выставленных в то время против нее, когда главные массы Красной конницы были отвлечены борьбой на других фронтах. Но вот последние появились на польском фронте: заиграли боевые трубы, развернулись красные знамена и, сметая на своем пути не только конницу противника, но и пехоту, Красная кавалерия неудержимо бросилась вперед.

Не вытерпело сердце польского улана, признавшего сразу превосходство конницы противника и боязливо уходившего за пехоту. Об этом мы подробнее скажем ниже, а теперь лишь отметим, что если смелым наездникам юга России было не по плечу состязаться с **„конницей пролетариата“**, одухотворенной одним желанием—победы, то польской кавалерии, слабо подготовленной в боевом отношении, нечего было расчитывать на успех в единоборстве.

Мы предпамеренно останавливались сначала на описании „конницы белых“, чтобы показать с каким противником приходилось бороться **Красной коннице** и насколько оказалась последняя могущественнее. Уже одно изложенное выше о **«белой коннице»** заставляет нас с глубоким интересом остановиться на изучении истории **„конницы пролетариата“**.

Заранее говорим, что это изучение будет лишь поверхностным, что будущее с большими деталями и документами осветит этот вопрос, а здесь лишь постораемся охватить основы организации возродившейся **конницы, заставившей говорить о себе весь мир и вернувшей себе в военном деле подобающее место.**

С демобилизацией старой армии лишь три конных полка непосредственно вошли в состав Красной Армии, а прочие прекратили свою историю и организаторам новой армии пришлось сразу же стать перед вопросом создания **„Красной конницы“**. Вопрос был нелегкий. Конница, как род войск дорогой и трудно поддающийся быстрой организации, требовала наличия и подходящего укомплектования, и соответствующего сорта лошадей. Как в том, так и в другом, Красная Армия была поставлена в невыгодные условия. Наиболее способ-

ные к конной службе казаки были в противном лагере, а бывшие кавалеристы не из казачьего элемента преимущественно были уроженцами юга—Украины, отрезанной от центра России немцами. Приходилось обратиться к добровольцам и, наконец, к пополнению новых конных полков по общей мобилизации, что требовало длительной затем подготовки в запасных частях.

Богатые лошадьми степи юга и юго-востока России, колыбель верхового коня, также оказались вне пределов молодой Республики Советов и необходимо было довольствоваться небольшим количеством верховых лошадей центра или же заменять их породами не верхового типа.

Наконец, большая часть командного состава старой конницы оказалась также во враждебном лагере и нужно было время и опыт, чтобы из недр рядовой массы бойцов выросли свои начальники, свои красные вожди.

Новый уклад жизни армии требовал также времени, чтобы привить бойцам—гражданам сознательную воинскую дисциплину и сколотить ряды конницы рабочих и крестьян России.

Вот кратко те условия, при которых зарождалась конница Красной Армии, вдобавок ко всему сразу же вступившая в бой с сильной конницей противника.

Все это отлично сознавалось организаторами новой армии и помимо формирования дивизионной конницы, по расчету одного 4-х эскадронного полка на дивизию пехоты, стратегической армейской конницы предполагалось создать лишь две дивизии. В этих скромных размерах и было заложено основание Красной конницы. Конечно, на такое решение оказал не малое влияние и опыт минувшей мировой войны, но так или иначе конница была малочисленна.

Формирование этой конницы подвигалось медленно: дивизии чахли в тылу, ожидая получения людей, лошадей и снаряжения, а в это время на фронте, в горячем бою с сильной конницей противника Красная пехота одна отбивала удары последней, неся тяжелые потери. Отсутствие конницы сказалось уже в 18 году и мы читаем приказ о создании „корволантов“. Но все это были полумеры—нужна была подлинная, сколоченная кавалерия которой было бы по плечу вступить в единоборство с врагом. Слабая и распыленная дивизионная конница не могла взять на себя эту задачу. Однако, жизнь требовала наличия армейской конницы и фронтовые начальники самостоятельно стали сводить дивизионную конницу в более крупные соединения (бригады), образовывать конные отряды из добровольцев. Так на фронте зарождалась самостоятельная конница, в то время, как основные кавалерийские дивизии по прежнему продолжали

чахнуть в тылу, пока в недоформированном составе не были выброшены на фронт.

Из фронтов только на юге конница красных могла встать на ноги. Приток добровольцев был невелик, да и те требовали надлежащей подготовки. Нужны были природные наездники—бойцы. С продвижением фронта на Дон идеи социальной революции, хотя и туго, но постепенно усваивались казаками, вскоре начавшими пополнять ряды пролетарской кавалерии.

Это явление с одной стороны, а затем всемогущее время, когда добровольцы и мобилизованные на полях битв получили закалку и, наконец, правильная организация запасных кавалерийских частей в тылу и на фронтах—все это дало возможность создать на юге довольно сильную конницу, выступившую в начале 19 года смело против сильной конницы противника.

Год войны, ряд упорных тяжелых боев был лучшей школой для конницы, выдвинувшей из рядовой среды своих начальников. С каждым днем последние получали драгоценный опыт и хотя дорогой ценой крови воспитывали себя и приобретали познания, но таковые неизменно увеличивались. Уже к началу 19 года в красной коннице раздаются имена Буденого и Думенко, как вождей высших соединений конницы, с успехом управляющихся на поле боя, но боящихся еще стратегического пространства. Подготовкой на вновь открытых курсах командный состав из рядовой красной конницы, командированный с полей битв, продолжал свой опыт закреплять теоретическими познаниями конного дела.

По прежнему, тяжело было с пополнением лошадьми и снабжением. С продвижением фронта вперед по степям юга и юго-востока, а также с занятием Украины, ремонтирование лошадьми немного улучшилось, но все же не настолько, чтобы отказаться от реквизиции лошадей на местах и в широкой мере использовать состав, отбитый у противника. Во всяком случае, с каждым днем конница все больше и больше пополняла свой конский состав. Снабжение седлами начинало налаживаться внутри страны, а трофеи дополняли недостаток, не покрывая, однако, в полной мере нужду в этом.

Противник, развив летом и осенью 19 года энергичное и решительное наступление, теснил наши армии к северу и красная конница доблестно сдерживала напор врага: **Рейд „белой кавалерии“ Мамонтова**, затронувший глубокий наш тыл, **явился новым этапом в развитии Красной Кавалерии.** Он с очевидностью доказал необходимость увеличения конницы в Красной Армии. Раздался бодрый призыв Председателя Реввоенсовета Республики тов. Троцкого: **„Пролетарий на коня“** и по всей стране при местных военных органах начались произво-

диться формирования конницы. Воодушевленный пролетарий, несмотря на отсутствие привычки к коню, сел на него. Мелкие формировавшиеся единицы быстро сколачивались на местах и затем, сводясь в более крупные войсковые соединения, или отправляясь в качестве пополнений, двинулись на фронт на усиление рядов Красной конницы. Энергия, сознательное отношение к борьбе пролетариата и его вождей, даже в трудных условиях, сделали свое дело—центр выбросил на помощь фронту значительные по численности кавалерийские формирования, правда, еще недостаточно обученные, но это было делом фронта.

На последнем между тем назревали крупные события—приближался решительный бой двух противных конниц, от исхода которого зависела и участь всей борьбы. В своем победоносном шествии на север противник, однако, серьезно оценивал Красную конницу и многие из начальников противной стороны считали, что только победой над конницей северян можно достигнуть окончательного выигрыша кампании.

Медленно назревало решение. Обе враждебные конницы, прикрывшись завесой, заканчивали последние приготовления к удару, понимая хорошо все его громадное значение. На полях окрестностей Воронежа Красная конница нанесла первый могучий удар коннице белых под командной Шкуро, а затем удар за ударом получила и вся конная масса белых г. Мамонтова, признавшая свое поражение и устремившаяся на Дон и Кавказ. Остановить могучую лавину конницы северян, отныне образовавшую уже конную армию не смогла и пехота противника, быстро уходившая на юг. Одновременно другая конная масса красных—конный корпус гнала противника на Дон от Богучара.

Не имея квалифицированных начальников и управлявшаяся талантами—самородками „сознательная конная масса социальной революции“ сметала на своем пути организованные, хорошо обученные, но „бездушные“ организмы пережитков старого. Вложенная организаторами красной конницы энергия, кипучая работа, воодушевление бойцов, сознание ими идеи борьбы, наконец, талант начальников—все это дало победу северу.

Полтора года борьбы выработали в Красной коннице дисциплину, но совершенно на других началах, нежели в кавалерии белых—дисциплину сознания и свободного подчинения своим вождям, оказавшуюся более жизненной, чем дисциплина „сильной монархии“ белых. Не приходится закрывать глаза на то, что сознательная дисциплина не была достигнута сразу, что много пришлось проявить твердости и решительности в этом устроителям конницы, но так или иначе в руках начальников Красной конницы в бою уже оказывались вполне дисциплинированные части, с порывом бросавшиеся вперед.

С такой же победой был завершен Красной конницей „Кавказский поход“ и былая сильная „белая конница“, ныне рассеившаяся по домам, увидела воочию силу и крепость вновь созданного организма, руководимого талантливыми вождями из пролетариата. Начался приток добровольцев и все большее и большее число их, из природных наездников, увеличивало с каждым днем силу и мощь конных рядов.

Однако, поступающие в Конную армию добровольцы и приходящие пополнения не сразу вливались в войсковые части, а направлялись в запасные войска и армии—Упраформ (Управление по формированию),—где доканчивали необходимую строевую и надлежащую политическую подготовку, где будущие красные бойцы приобщались к жизни новой армии, и затем уже организованными единицами вливались в строй.

Все шире и шире развивающаяся в стране сеть командных кавалерийских курсов, подготавливающих красных командиров на новых началах, делала усиленные выпуски, восполняя некомплект командного состава в коннице. Поступая из строя и таким образом пройдя школу рядового бойца на полях битв, будущий Красный офицер на курсах получал теоретические познания военного дела и политически воспитывался для руководства войсковыми единицами. Необходимость наличия хорошего командного состава в коннице сознавалась и сознается всеми ее вождями, непрерывно заявляющими об этом.

Сознательный боец красной конницы смело шел на врага, не останавливаясь перед диллемой невозможности атаки в конном строю при современном ружейном и пулеметном огне. Таким образом, конный бой сделался снова законным видом столкновений кавалерии. Непрерывно участвуя в схватках, конный боец наших дней потребовал себе револьвер, так любимый некогда подобной же конницей Америки периода гражданской войны. Не менее поучителен способ перевозки большого числа пулеметов на „тачанках“ (местных южных телегах), дававший возможность красной коннице в нужную минуту выставлять могущественные „пулеметные батареи“ на поддержку своих спешенных частей.

Не долго пришлось отдохнуть красной коннице. Затрубили боевые трубы и конница пролетариата двинулась в Польский поход. Пройдя походом 700 верст, конная армия Буденого появляется на театре войны, где кавалерия противника, также собранная в массу, выжидала ее прибытия. Но и здесь участь последней сразу была решена—польские уланы, после первых же столкновений, не приняв решительного боя, спрятались за пехоту, о которую, по мнению польского командования, должна была разбиться конница красных. Расчеты ока-

зались беспочвенными. Красная конница смело бросилась на польскую пехоту и быстро погнала последнюю. Выигрывая тяжелые бои на пересеченной местности Дубно—Ровенского района, смело разжимая „клещи“ пехоты, выдерживая налеты аэропланов противника, красная конница на этот раз широко развила оперативную работу—ее вождя уже не страшила стратегическая ширь театра войны. С победой продвигались вперед красные знамена конницы и вскоре появились под стенами Львова.

В это же время на севере другая конная масса Красных, под командой тов. Гая, совершала глубокий стратегический охват левого фланга польского фронта, гоня прикрывающие его части противника, беря город за городом и с успехом бросаясь в конном строю на форты современной крепости. Гродно и Осовец—были трофеями красной конницы, закончившей свой поход на берегах Вислы.

По всему миру разливались воздушные волны радио, разнося весть о возрождении конницы, о могучих ее ударах на полях битв и безудержном, смелом порыве на театре войны. Статьи о подвигах русской красной конницы пестрели на страницах газет всего мира, возбуждая интерес в пытливых умах военных людей, заставляя подумать о тех «новых идеях», которые могут вдохнуть жизнь в „старые бездушные организмы“.

Заговорили дипломаты, на польском фронте, а боевая деятельность Красной конницы еще не закончилась. На юге уже кипел упорный бой с конницей Врангеля, напрягавшей последние усилия. Но близился и здесь час победы—Красная конница и здесь начала наносить удар за ударом кавалерии белых на полях сражений, захватывая инициативу в свои руки. Смелый рейд одной из дивизий конницы Советов, сделавшей 260 верст в 4 дня, разгромившей тыл противника, заставившей оттянуть на себя значительные силы конницы, является достойным примером в истории военного искуства.

Но это был частный эпизод периода подготовки главной операции по ликвидации армии Врангеля. Главные массы Красной конницы были на другом (правом) берегу Днепра, заканчивая последние марши для занятия исходного положения. Собрав свою конницу в кулак в центре своего расположения, Врангель жутко ожидал своего «девятого вала». Долго ждать не пришлось и 25 октября первая его волна, именно одна из красных конных масс, перекатилась через Днепр у Никополя и надвинулась на белых. Вслед за ней 28 октября другая, еще более мощная конная масса Буденого, от Каховки двинулась на юго-восток, отрезая пути отхода армии Врангеля из северной Таврии в Крым, через Перекоп и Чонгар.

Карта была бита. Отрезанная от Крыма—своей базы,—Красной конницей, потерявшая связь с своим генералом, сидевшим на станции Джанкой, армия белых в судорогах, полном хаосе бросилась на Чонгар. Завязались упорные бои 1-й конной армии, вынужденной выдерживать натиск бегущей армии Врангеля и с отчаянием бросавшейся в бой. Вынужденная очистить запертый было проход на Чонгарский полуостров, Красная конница, однако, с подоспевшей нашей пехотой, бысто ворвалась на указанный полуостров.

Укрывшись в Крым, Врангель мечтал привести остатки своих сил в порядок, но мечты... остались мечтами, так как могучие удары красной пехоты сломили последнее сопротивление белых и наши стрелки ворвались в Крым, а за ними последовала и конница, задерживавшаяся подходом к боевым линиям, вследствие неимения вблизи них населенных пунктов для расположения на отдых.

Наверстывая пространство и время, Красная конница быстро выдвигалась вперед и, разоружая по пути пытавшиеся еще оказать сопротивление части белых, к 16 ноября уже достигла отдаленных уголков Крыма, завершив овладение полуостровом.

На этом мы заканчиваем наш бледный и краткий очерк «Красной конницы», сильной духом и победоносной в боях, представляющей собою прототип «конницы будущего». Мы снова подчеркиваем, что историк даст более цельное и яркое описание «конницы пролетариата», вернувшей этому роду войск прежний блеск на полях сражений и на театре войны, утраченный „конницей аристократизма".

Гражданская война наших дней представляет собою глубокий интерес для желающего заглянуть в тайны военного искусства будущего. В особенности ценна она для организатора конницы, право на существование и развитие которой доказано именно этой войной. Наконец, эта война показывает, что старые основы армий, отживающих свой век, должны рухнуть и что на смену им появляются новые армии пролетариата, крепко отстаивающего завоеванные права, в которых каждый боец разумно и сознательно защищает свою страну, бьется за те идеалы, которыми он живет и за кои намерен держаться в будущем.

Таковой же должна быть конница. Мы видели, как „белая конница", организованная на отживших началах с дисциплиной „монархии", составленная из обученных бойцов и с хорошим командным составом не выдерживала ударов конницы красных, уступавшей ей в обучении и даже в руководительстве на полях сражений. Рядовой боец—пролетарий своим порывом искупал многие недостатки организации своей кавалерии и ясно сознавая ту идею, за которую он жертвует жизнью, упрямо шел к победе. „Бездушные организмы" кавалерии

отживают свои дни и социальная революция несет с собой новую „конницу пролетариев“, к организации которой мы должны идти заранее, чтобы не выковывать эту конницу на полях-сражений, как это было в наши дни.

Одним словом, наши дни несут с собой новые заветы на будущее и всякий шаг назад, в организации конницы в сторону прежней „регулярщины“, будет снова упадком и даже смертью для этого рода войск.

Если для того, чтобы иметь сильную конницу нужно было ранее несколько лет обучать бойца в казарме, то и ныне для быстрого создания конницы все же необходимы подготовленные к службе в этом роде войск бойцы.

„Белая конница“, создаваясь в областях с населением, подготовленным к службе в конном строю, или, хотя и не получившим таковой подготовки, но по своим природным качествам имевшим постоянное общение с верховым конем, быстро формировалась, по истечении короткого времени превращаясь в сильную боевую кавалерию. Правда, она не имела того „современного“ духа, который дает в конечном результате победу, но все же, подогретая искусственно, была серьезным противником для Красной Армии.

Отсутствие в распоряжении организаторов красной конницы элемента природных наездников стоило им большого труда, чтобы создать рядовых бойцов из добровольцев и мобилизованных, выдерживая таковых известное время в запасных частях и предоставляя фронтам на полях битв доканчивать их обучение. Благодаря таким условиям, формирование боеспособной конницы шло медленным темпом и даже ценою неудач. Прилив в конницу северян сознательных бойцов из казаков увеличил ее численность и мощь.

Только энергия организаторов, начальников конницы и сознание самого пролетариата, охваченного ясным пониманием целей борьбы и необходимости иметь сильную и могучую конницу—действительно создали таковую. Призыв: „Пролетарий на коня!“—исторический момент в развитии конницы.

Таким образом, **наличие природных наездников гарантирует быструю организацию сильной конницы**, что уменьшит срок подготовки рядового бойца—конника в полевых или запасных частях и избавит его от необходимости под огнем получать познания в полевой конной службе. Правда, что **бой—лучшая школа**, но зато и **„зело опасное дело“**, как говаривал Петр Великий и бросая в него слабо подготовленную конницу, можно рисковать, что она **„потеряет сердце“**, вернуть которое в военном деле всегда бывает трудно вообще, а в коннице—в частности.

Недостаток подготовки конницы может быть отчасти восполнен хорошим командным составом. От наличия последнего вообще зависит как быстрое создание конницы, так и хорошие ее боевые действия. История конницы гражданской войны наших дней с ясностью подчеркивает это, указывая насколько легко было южанам, обладая кадровым составом начальников, быстро создать конницу и насколько Красной

коннице пришлось сначала остро чувствовать неподготовленность своего командного состава, выделенного из рядов и какие спешные меры по подготовке начальников пришлось принять в центре, по развитию командных курсов. Только энергия организаторов, боевой опыт, полученный во время войны, да таланты—самородки позволили пролетарской коннице справиться с этим вопросом.

Открыв дорогу талантам—начальникам, выделив из своей среды и дав им своей работой военный опыт в руководстве конными частями и массами, конница гражданской войны с энтузиазмом идет за ними.

Как в былые времена гремели имена Американских кавалерийских генералов, так ныне имена выдающихся начальников Красной конницы ведут за собой послушные им массы.

Быстрая организация конницы возможна лишь при богатстве страны верховым конем. Конница белых, зарождавшаяся и развивавшаяся среди казаков, быстро становилась сильной и могущественной кавалерией на хороших лошадях, не требовавших длительной выездки для полевой службы. Наоборот, вопрос ремонта лошадей для красной конницы был всегда серьезным, требовавшим большой энергии и труда в его решении. Не только необходимость ремонтировать красную конницу сортом лошадей не верхового типа, но самый недостаток лошадей надолго останавливает численное развитие конницы северян. С продвижением фронта на юг эти условия постепенно улучшались и красная конница, увеличивая свой конский состав реквизициями, покупкой и мобилизацией, росла и росла в своем составе и улучшалась качественно. О серьезной выездке лошадей говорить, ввиду требований момента, уже не приходилось. Конь красного бойца, главным образом, на полях битвы получал свое обучение и закалку. Таким образом, **для образования хорошей и сильной конницы необходим запас подготовленного и обученного верхового коня.** Всадники пролетариата все равны, а потому конь должен быть **собственностью** государства и армии, но не отдельных зажиточных их воинов—граждан, призванных на службу. **Собственная** лошадь из'ята из обихода красной конницы и, наоборот, находила широкое гостеприимство в армиях белых.

Конница гражданской войны пользуется тем же оружием, что и конница постоянных армий. Однако, недостаток подготовки бойцов требует усиления их вооружения огнестрельным оружием. Чисто психологически, бросающийся с отвагой на брань сознательный кавалерист—гражданин все же чувствует слабые стороны своей подготовки, а потому требует для себя **револьвер**, чтобы им увеличить шансы на победу. Так было в Америке в **гражданскую** войну, так **и наша красная конница вооружается револьверами.** На тех же основах, но в значении для целых войсковых частей, в коннице гражданской войны появляется значительное число **пулеметов на „тачанках“** (местных повозках), быстро пе-

редвигающихся за конницей, дающих ей в то же время мощь в пехотном бою.

Гражданская война наших дней вернула выставленные воюющими сторонами армии к широкому маневру, отбросив „борьбу за укрепленные полосы", сделавшуюся уделом армий в мировую войну. Проникнутые идеей борьбы, сознанием необходимости победы, бойцы гражданской войны бросаются друг на друга с одной лишь целью разбить и уничтожить своего врага. **Этот дух активности вывел конницу на прежний путь, вернул ей подобающее значение „живого и деятельного" рода войск, вводя снова в преддверие „золотого века" конницы.** Сознательность воина—гражданина преодолевает современный огонь, что не по силам было кавалеристам постоянных армий и **в наши дни конница снова блещет своими победами не только на театре войны, но и на поле сражения.** С последнего—начала свою славную боевую деятельность конница красных. Отсутствие квалифицированного командного состава, выработка такового из рядов массы бойцов, естественно, сокращали боевую деятельность конницы пролетариата рамками полей сражений, пугая возрождавшихся вождей возможностью ошибок на широких пространствах театра войны, куда смело шла конница белых, управлявшаяся подготовленными к такого рода деятельности начальниками. Но дни текли—„доморощенные" начальники красной конницы с каждым боем все более и более получали опыт, становились увереннее в себе и „боязнь" пространства исчезает. **„Стратегия конных масс"** становится доступной для красных командиров и начинаются новые блестящие страницы истории красной конницы, которыми смело может гордиться Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

Не мало их напишет будущий историк **„Красной конницы"** наших дней и, конечно, предлагаемый нами очерк будет бледнеть перед ними.

Да простят нам это читатели!

Недостатки в организации Красной Конницы.

(Практические выводы).

Теперь, после 3-х летней гражданской войны, когда Красная Армия блестяще выполнила свою ближайшую задачу по очистке нашей Республики от иноземных и отечественных контр-революционеров,—задачей дня является: использовать временную передышку и пересмотреть систему организации вооруженных сил Республики. Некоторые шаги в этом направлении уже предпринимаются; в широких военных кругах происходит обмен мнений по вопросам реорганизации Красной Армии: о дальнейшем использовании вооруженных сил, о постоянной или милиционной системе, вообще всего военного аппарата Республики и т. д. Мне, как участнику гр. войны, организатору и командиру кавчастей, хотелось бы сказать несколько слов о недостатках в организации Красной конницы и о ее задачах как в мирное, так и в военное время.

Мой труд, конечно, не является теоретическим исследованием задач вообще конницы, а является лишь суждением Красного кавалериста о тех недочетах, которые пришлось испытать, ощущать и констатировать лично на полях сражений. Знаю, что многие из старых организаторов конницы, имеющих лишь широкую теоретическую подготовку или философское мировоззрение о задачах Красной конницы, не согласятся с моими доводами, но убежден также, что среди Красных кавалерийских начальников, испытавших в течение трех лет систему организации Красной конницы, найду безусловных и деятельных сторонников, тем более, что наши мысли подтверждены красноречивыми фактами из минувшей гр. войны.

* * *

I.

Значение конницы в гражданской войне.

Вряд ли придется подробно излагать высокое значение и крайнюю необходимость конницы в войне и вообще, в частности, в войне гражданской. Современная классовая война,—широко маневренная и

именно в означенной войне конница должна проявить всю свою мощь. Гражданская война отличается от империалистической, династической и национальной войн именно тем, что здесь нет единого, правильного фронта. Побеждает тот, кто умеет лучше и больше маневрировать, а потому конницу, как подвижную силу, как оружие скоротечного боя, только в широко маневренной войне нужно предпочитать и использовать полностью. Вероятно всем памятны наши поражения в период гражданской войны на полях Кубани, Дона, Уральска и Оренбурга от бесчисленнных конных масс Деникина, Дутова и Колчака. Бывали моменты, что одно только появление неприятельской конницы у нас в тылу, или ее легкий удар, налет заставлял отходить в панике, не только пехотные дивизии, но зачастую и армии. Громадный вред причинили нам белогвардейские генералы конницы Шкуро, Улагай, Мамонтов, своим знаменитым рейдом 1919 г. Неоднократные партизанские выступления и действия Оренбургских, Кубанских и Донских казаков, только благодаря преобладанию в коннице, имели временный успех. Отечественные контр-революционеры, с первых же дней гражданской войны, отлично учли превосходство конницы и ее огромную роль в малой войне, довели ее до 70% общего числа своих сил и, умело руководя ею, затянули гражданскую войну на долгие годы. Если взять историю малой войны или гражданской войны в Америке, мы увидим, что громадную и решающую роль играла конница. Примеров блестящих кавалерийских операций и рейдов, начиная с 16 столетия, в военной истории очень много, решающее же значение кавалерийских действий генералов Шерридана, Форреста и Стюарта также общеизвестны в военных кругах. Но, к сожалению, нашим высшим командованием, с первых же дней организации Красной Армии, не были учтены некоторые особенности нашей страны, а главное—стратегическая роль конницы в гражданской войне. В 1918 году и в начале 1919 г. у нас почти не было самостоятельной конницы и высших кавалерийских соединений. Очень удачно и лихорадочно формировались все новые и новые пехотные части и перебрасывались на Южный или Кавказский фронты, против белой конницы. Существенного результата от этого не было и попрежнему белая конница побеждала и сделалась „Царицей полей сражения“. Были случаи, когда против одной кавдивизии Дутова, или Деникина, приходилось выдвигать уступами несколько пехотных дивизий большого состава и вооружения. Будучи поклонниками теоретической неизменности национальной военной доктрины, многие из высшего командования не учитывали также высокое моральное значение конницы в гражданской войне и, обычно, об'ясняли, наши неудачи только неподготовленностью нашей пехоты, когда в бою, насчитывающая 6—7000 штыков, пехотная дивизия бежала в панике от кавалерии противника слабого состава.

В 1919 г., на Уральском фронте, против Илецкой кавдивизии Дутова, численностью до 4 полков, 1500 сабель, командованием нашей Южгруппы были выдвинуты 2 пехотных дивизии по 6000 штыков.

В августе 1919 г. от кавдивизии Шкуро, численностью 4-х полков, в Белгородском направлении, в панике бежали наши 3, 42 и 12 пех. див.

Не учитывалась также отсталость страны в инженерном отношении. В гражданской войне характерно необычайное падение провозоспособности железных дорог. Первоначально война велась исключительно эшелонно, по линиям железных дорог, бронепоездами с небольшими отрядами или группами пехотных частей, цепляясь за коммуникационную линию.

В начале 1918 г. вся 1 Революционная Армия, единственно организованная в то время, имея штарм на ст. Инза, вела бой с Чехо-словаками исключительно по коммуникационным линиям: Инза—Симбирск, Инза—Сызрань и Инза—Пенза.

В начале гражданской войны происходили ожесточенные бои исключительно за обладание большими станциями и узловыми пунктами, в чем и заключается об'ект операций. Впоследствии, когда Красная Армия приучилась к маневрированию, уже разрушенный до основания жел. дорожный транспорт и сооружения не могли, конечно, правильно функционировать. Обеспечение фронта своевременной доставкой пополнений, резервов, снаряжения и продовольствия крайне затруднялось. Не учитывалось также и то, что страна со скудными, неразвитыми коммуникациями, без технических—транспортных средств, тем более, если она занимает громадную площадь земли, выгодна, главным образом, для действий кавалерии, т. е. для маневренной войны в широком смысле. Там, где пехота не успевает, беззащитна, бессильна, там успевает и сильна только кавалерия. Это доказала практика. Впоследствии, когда была организована Красная конница, учитывая вышеизложенные, благодаря недостаточности кавалерии на всех театрах военных действий, начали перебрасывать конницу зимою, иногда за тысячи верст, походным порядком.

3 и 12 кавдивизии 2 конного корпуса походным порядком шли из Саранска на Петровск Дагестанской области; 1 конная армия из Майкопа походным порядком шла на Киев.

По устарелому понятию, пехота и артиллерия—это царицы полей сражения, кавалерия, как третий род оружия, оставалась, по понятию нашего высшего командования, вспомогательной силой, а в гражданской войне, в начале, почти отсутствовала. Благодаря такому пониманию мы в течение долгого времени были пассивными и потеряли очень много. Такая ненормальность, конечно, долго продолжаться не могла, т. к. жизнь сама указывала какой род оружия более нужен в гражданской войне, кроме того ежедневно со всех фронтов поступали отчаянные вопли и требования—„выслать только кавалерию“.

Первым был т. Троцкий, который, глубоко учитывая особенности гражданской войны, первенствующую роль конницы в маневренной войне, бросил клич „пролетарий на коня“. И действительно, пролетарий стал кавалеристом. Вот с этого момента усиленно стали формиро-

ваться кав. полки, дивизии, даже конная армия, как наивысшее стратегическое соединение конных масс. Насколько стал важным вопрос организации конницы, видно из того, что помимо отдельных формирований, по определенному плану и приказу РВС Республики при каждом Губвоенкомате формировались 1—2 кавэскадрона.

С появлением на фронтах красной конницы наше военное положение резко изменилось к лучшему.

Один за другим были уничтожены красной конницей белые полчища генералов Шкуро, Мамонтова, Дутова, Улагая, Павлова и прочих, а наша пехота, облегченная и окрепшая духом, легко справлялась с белой пехотой. Это произошло именно потому, что главная маневренная сила белогвардейцев—конница была побеждена и вытеснена с полей сражения. Впоследствии, почти на всех фронтах, когда противник бывало прорывал наше расположение, или на каком либо фланге, участке и направлении предполагалось произвести наш главный удар, туда перебрасывались конные массы. Характерен тот факт, что наши командармы, комфронты старались получать или перехватывать взамен пехоты только конницу и очень печалились, когда по стратегическим соображениям красные конные части перебрасывались из одной армии в другую.

Примеров не привожу—их очень много и они всем известны. Вот до какой степени значение конницы велико в гражданской войне. Старое же понятие о роли конницы, в эпоху классовой борьбы, как будто бы пошатнулось, и взамен пехоты чуть-ли не красная конница стала „Царицей сражения". Мы, конечно, далеки от чрезмерного увлечения и желания разрушить старое понятие, мы желаем только лишний раз подчеркнуть, что в гражданской войне, в войне маневренной, особенно когда страна бедна развитой коммуникацией, главную роль играет конница.

Кроме бедности коммуникаций весьма повышает роль конницы слабость тактической подготовки пехоты и малая действительность ее огня.

Если конница имеется в достаточном количестве, если она организована правильно, подготовлена и снабжена обильно, то, безусловно, ее нужно предпочитать в гражданской войне. Опыт, а также дальнейшее развитие классовой борьбы, особенно на востоке, настоятельно требует от нашего высшего командования обратить серьезное внимание на красную конницу, усилить ее численный состав и организацию, пересмотреть штаты и системы высших тактических и стратегических соединений.

II.

Дивизионная конница.

Казалось бы, что после ряда практических уроков Гражданской войны, организация кавалерии должна была итти параллельно с пехотой, но, к сожалению, у нас пока в этом направлении сделано очень

мало: наша Красная Армия небогата конницей. Имеющаяся легкая конница подразделена на дивизионную и армейскую.

Преобладающее и решающее значение в современной гражданской войне, безусловно, принадлежит армейской коннице, а потому наблюдающееся бессистемное разбрасывание и без того малочисленной конницы по бригадам и дивизиям является нецелесообразным. Правда, значение и тактическая деятельность дивизионной конницы важна, т. к. на войне возлагается на нее ряд узких задач местного, специфического характера, но это не означает, что нужно усилить дивизионную конницу за счет стратегической, или же раздробить дивизионную конницу на мелкие единицы, что зачастую у нас делается.

Дивизионная конница, придаваемая пехотным бригадам, является, главным образом, средством ближней разведки и охранения. Согласно наших штатов, приказ РВСР 220 и дальнейших дополнений, дивизионная конница распределена в следующем порядке:

а) при каждом пехотном полку команда конных разведчиков по 44 человека — итого в 9 полках 386 чел.

б) при каждой пехотной бригаде по одному отдельному кав. дивизиону, двух эскадронного состава с конно-пулеметным взводом по 446 чел.— итого — в 3 бригадах 1338 человек.

в) при каждой пехотной дивизии по одному кав. дивизиону, а всего 1116 чел.*). Значит, в каждой стрелковой дивизии имеется кавалерии около 1350 сабель, 2170 человек, с 10 пулеметами, не считая команды конных разведчиков в полках. Если узкой задачей дивизионной конницы считается ближняя разведка и охранение, то, по моему мнению, эта норма велика и является только разбрасыванием нашей малочисленной конницы. Если считать, что пехотная дивизия обильно снабжена техническими средствами, средствами связи и другими вспомогательными органами, весьма облегчающими службу связи, то для ближней разведки и охранения вряд ли надобно так много конницы. Практика показала, что на войне вся тяжесть ближней разведки лежит и будет лежать на команде конных разведчиков. Не ошибусь, если скажу, что, разбросанная на мелкие тактические единицы, дивизионная конница, в гражданской войне, главным образом, использовалась для разных реквизиций в тылу, для транспортирования, для ординарческой службы и для личной охраны комбригов, штабов и начдивов. Дивизионная конница не является также серьезной боевой силой. Комбриги и Начдивы не могли бы воспользоваться ею для самостоятельного боя, во первых, потому, что она слаба и слишком малочисленна для такого боя, а, во вторых, что дивизионная конница разбросана. Дивизионная конница, как сила охранения, прикрытие или завеса,

*) Примеч. редакции. В настоящее время установлено иметь в дивизии 2-х эскадронный див. и 3 отдельных эскадрона при бригадах, а всего 5 эскадронов — около 750 сабель.

непригодна и вряд ли пехотные начальники могли бы надеяться на охрану слабой конницы, тем более в ночное время.

На западном фронте, по приблизительному подсчету, имелось до 6000 сабель дивизионной конницы, разбросанной по всем бригадам и дивизиям. В период наступления и особенно во время отступления вся эта конная масса разбрелась по хуторам и деревням, или же удирала впереди всех, не представляя собой никакой боевой силы.

Между тем, своевременное сведение их в 1 или 2 кавкорпуса могло оказать фронту большую услугу.

Таким образом, нынешнюю организацию (по штату № 220) дивизионной конницы можно считать не особенно удачной и подлежащей пересмотру. Практика гражданской войны уже научила, что конницу не нужно дробить, распылять, а нужно собрать и массировать, если, конечно, мы полагаем иметь подвижную, боевую, самостоятельную и серьезную силу.

Нам известны из опыта факты, когда пехотные начдивы, покойной душой, дробили приданные им кавполки по пехотным полкам и бригадам.

По моему мнению, корень зла заключается именно в том, что зачастую конницу подчиняют низшим пехотным начальникам. С этим явлением нужно бороться.

На основании опыта, полагал бы целесообразным, если ресурсы страны позволяют, дивизионную конницу иметь только в виде бригад 3-х полкового состава, приданных пехотным дивизиям. Пора покончить раз навсегда с отдельными эскадронами и дивизионами. Стрелковая дивизия, в составе 6 полков пехоты и 3-х полков конницы, была бы для нас наилучшей боевой единицей (смешанной) из всех родов оружия. Только при такой группировке возможно пред'явление требования коннице: быть средством ближней разведки, охранения и боевой самостоятельной единицей.

Если ресурсы страны не позволяют иметь много кавалерии, то предпочтение, безусловно, нужно отдать стратегической коннице, и, помимо отдельных формирований, необходимо усилить ее за счет дивизионной.

Нет сомнения, что в последней гражданской войне значение и роль кавалерии должны проявиться только в армейской коннице. Только усиление такого рода формирований даст возможность решить стратегические задания, а потому было бы целесообразным: увеличить команды конных разведчиков в полках, довести их число до $1/2$ эскадрона (или сотни) в 20 рядов, а остальную кон. превратить в армейскую.

Надо пересмотреть также состав кавалерийских частей. В этом отношении у нас полная неразбериха и неоднообразие, т. е. число рядов и отделений дивизионной и армейской конницы различны. Эскадроны, входящие в состав отдельных кавдивизионов, и эскадроны, входящие в состав дивизии,—различного состава и величины. Требования пред'являемое к тактической единице кавалерии—эскадрону, а именно подвижность, удобоуправляемость и самостоятельность, вполне отно-

сятся как к дивизионной, так и к армейской коннице. Согласно штата № 460 в эскадроне кавдивизии 160 сабель, 20 рядного состава; и если это об'ясняется только тем, что для разрешения стратегических задач разведывательные эскадроны несут большой наряд, то это еще не доказывает, что эскадроны дивизионной конницы, имеющие такие же наряды, если, конечно, они правильно группированы, должны быть иными.

Такое разнообразие в организация кавалерии, склонен думать, происходит только благодаря разбросанности дивизионной конницы. Казалось бы, что необходимо усилить состав отдельно действующих и слабых, во всех отношениях, особых эскадронов и отдельных дивизионов. Однако, кроме чисто технических затруднений, разновидный состав организаций кавалерийских эскадронов нарушает также общую гармонию красной конницы, как единого самостоятельного рода оружия. Помимо того, что на практике у нас нет и вряд ли будут эскадроны в 160 сабель, такой эскадрон неповоротлив и обходится страшно дорого. Эскадрон в 120 сабель, 15 рядного состава, полагаю вполне нормальным, подвижным и сильным, как в тактических, так и в стратегическом отношениях.

III.

Стратегическая конница.

С развитием военной техники, усовершенствованием огнестрельного оружия, применением воздушного флота и ряда других вспомогательных сил в военном деле, конница, на первый взгляд, кажется не защитной, в сравнении с другими родами оружия. Но в широко маневренной, гражданской войне значение кавалерийской разведки, завесы, набега, преследования, конных атак, действий на флангах и в тылу, и, главное, вытеснения неприятельской конницы с поля—остаются исключительно привиллегией конницы. Дабы не отстать от прогрессирующей военной техники других родов оружия, конница, в свою очередь, также нуждается в периодическом прогрессе, по составу, по качеству и по вооружению. Нужно признать тот факт, что наша красная стратегическая конница, в силу своей относительной малочисленности, не в состоянии иметь в бою то значение, какое требуется вообще от армейской конницы. Не нужно забывать, что мы считаем себя авангардом мировой социальной революции, а посему гражданская война в будущем, и наши блажайшие задачи, особенно на Востоке, настоятельно требуют от нашего высшего командования упорядочить систему организации кавалерии и довести число Красной Конницы до $^1/_4$ общего количества Красной Армии, как в мирное, так и в военное время.

У нас, в процентном отношении, конница составляет около $^1/_{12}$ вооруженных действующих сил Республики. В организации стратегической конницы и ее высших соединениях, нет совершенно единой

системы и однообразия. На практике можно встретить кавдивизии в 4, 5, 6, 7, 8, 9 иногда до 11 полкового состава, сведенных в 2, 3, и 4 бригады.

Количество эскадронов в полках и число рядов в эскадронах тоже различны. Имеются полки 3-х, 4 и 5 эскадронного состава, а о количестве сабель в эскадронах нечего и говорить—полная неразбериха.

В 3 кон. корпусе западного—фронта имелось 2 кавдивизия по 5 полков в каждой. Во 2 кав. корпусе Кавказского фронта—4 кавдивизии от 4 до 9 полков в каждой. В 1 кав. корпусе южного фронта—3 кавдивизии, различного состава. Сколько эскадронов, или сколько сабель было в полках и эскадронах вряд-ли кто-либо из начдивов знал, ввиду отсутствия единой организации и пополнения и проч.

С этой ненормальностью нужно покончить раньше всего, пока имеем в нашем распоряжении время. Тактику „воевать и формироваться“ нужно бросить и приступить немедленно к реорганизации кавалерии по единой системе.

Согласно штата № 460, наши кавдивизии формируются в составе 6 полков 4-х эскадронного состава, сведенных в 3 кавбригады, по 2 полка в каждой. Такая система организации армейской конницы, на основании практических выводов—не удобна для управления и слаба. Неудобство управления выражается первоначально в бригадах. Комбриг, получив боевое задание и участок, без сомнения, действует одним полком, оставив другой полк в резерве. Компслка, оставив что либо в резерве, остальными частями полка должен прикрыть весь участок данный для бригады, вернее он должен 1 или 2 эскадронами защищать половину участка дивизии. Дабы избежать вторжения в права компслка, комбриг должен или вовсе отказаться от бригадного резерва, что и бывает на практике, или же он должен распределить свои силы, как мы сказали. Если участок и задание довольно серьезны, на какой же резерв должен расчитывать комбриг? Очевидно, только на дивизионный, т. е. на 3-ю бригаду. Ненормальность заключается именно в этом. Очень часто кавбригады могут иметь совершенно отдельные задачи, как то: удар на фланги, набеги, рейды, наконец могут направляться армией самостоятельным заданием и иногда не иметь совершенно связи с главными силами. Кавбригады, по приказанию начдива или командарма, могут отправиться на довольно продолжительное время и удалиться довольно далеко. Как быть тогда? Слабость такой организации еще больше усиливает неудобство управления.

Бесконечные наряды в кавалерии, как то: разведка, охранение, транспортирование, прикрытие, убыль в походе, убыль в бою и т. д. отнимают не менее $^1/_3$ наличного состава бригады. Остается $^2/_3$ сил для непосредственного боя, как с кавалерией, так и с пехотой противника. Если прибавить к сказаным недостаткам возможную необходимость боя в пешем строю, когда почти $^1/_3$ наличного состава расходуется на коноводов и охрану лошадей, то ясно, что такая слабая

кавбригада двухполкового состава не в состоянии оправдать возложенной на нее задачи. По моему мнению, именно, трехполковый состав бригады есть наивыгоднейшее сочетание для кавалерии во всех отношениях и весьма облегчает ведение и управление боя в гражданской войне. Возражения, главным образом, со стороны старых военспецов против такого состава, и их мотивировка о том, что требование такой системы является следствием неумения управлять в бою и совершать перегруппировку, по моему глубокому убеждению, происходит благодаря непониманию кав. дела в гражданской войне, отсутствию практики и в силу теоретической подготовки. Практика диктует, что нужно организовать кавбригады трех полкового состава и кавдивизии из 9 полков, сведенные в 3 бригады.

При такой организации комбриг сумеет, при любом участке, оставить один полк в резерве, а начдив не только сможет усилить фронт, любой фланг или участок, но иногда сможет без особого ущерба отделить одну бригаду для самостоятельной задачи.

IV.

Высшее соединение конницы.

У нас, в Кр. Армии, высшим соединением армейской конницы является отд. кавбригада, дивизия, корпус и конная армия. Как видно, в организации высших соединений Красной конницы у нас также отсутствует единая система. Мне не известны причины такой ненормальности: вызвано ли это обстоятельствами момента или еще окончательно не установлено, какая система организации удобна для высших кавалерийских соединений в гражданской войне?

Во всяком случае, практика уже показала, что отдельно действующие кавдивизии нынешего состава не представляют серьезной стратегической единицы и сведение их в одно целое крайне необходимо.

Но сведение 5—6 кавдивизий в конную армию, по моему мнению, также излишне. Конная армия неудобно—управляема, слишком громоздка, и для создания такой армии приходится лишать конницы другие участки. Помимо того, что для питания такой громоздкой массы необходимо создать огромные тылы и аппараты снабжения, конная армия не в состоянии обслуживать нужды фронта полностью. Если учитывать потребность в кавалерии на войне, то увидим, что она необходима на всех театрах военных действий в одинаковой мере. Вместе с тем рессурсы страны, крайняя трудность создания вообще кавалерии, не дает нам возможности сформировать несколько конных армий. Сводя 5—6 кавдивизий в конную армию и лишая этим остальные участки конницы, в конце—концов мы вынуждаем себя к внутренним переброскам конной армии с одного фронта на другой, что фактически и делается у нас.

а) тылы первой конной армии занимают много эшелонов. Такой громоздкий аппарат, фактически, никогда не мог и не питал армию, так как оставался в 500—600 верстах в тылу.

б) первую конную армию перебрасывали с Кавказа на Киев, с Юго-Запада на Запад, с Запада на Юг и так далее. Иногда снимали с данного ей важного участка, не дав окончить уже начатую операцию, т. к. на другом участке, за отсутствием конницы, противник теснил наши части.

Такое действие, т. е. переброска конной армии с одного фронта на другой, не является перегруппировкой сил, как стараются об'яснить, а является вынужденной переброской громоздкой конной армии, ввиду неправильного создания высшего соединения конницы, за счет ослабления других участков*).

Очевидно, для организации высших соединений конницы придется выбрать среднее из существующих, по моему мнению самое удобное соединение. Это—конный корпус 3 дивизионного состава. Существующие ныне конные корпуса 2-х дивизионного состава слабы и не удобны для управления. Все то, что я сказал в защиту 3-х членного состава кавбригады, можно отнести также к корпусу 2-х дивизионного состава. На практике, при такой организации комкор никогда не имеет резерва, приходится или вторгаться в узкие права начдивов, отняв у них полки и составить смешанный корпусный резерв—что очень не желательно, или же самому играть роль резерва. Хорошо, конечно, если комкор пользуется среди кавалеристов популярностью и своим появлением на фронте может восстановить порядок и вернуть утраченное.

2-х дивизионный состав корпуса слаб, как сплоченная боевая единица, еще тем, что корпусу в гражданской войне приходится самостоятельно сражаться не только с кавалерией, но и с пехотой противника, иногда нужно брать сильно укрепленные полосы, даже форты и крепости. Сколь ни странно такое явление, однако, факт остается фактом; красной коннице приказывалось брать крепости и форты:

1 конная армия на Юго-западном фронте оперировала почти исключительно в укрепленной полосе, взяв атакою сильно укрепленный пункт РОВНО и дралась под Львовскими укреплениями. Третий конкорпус на западном фронте, конными атаками, овладел крепостями Гродно, Осовец, Ломжа и укрепленной полосой Дукшта, Новые и Старые Свенцяны, Цеханов, Прасныш, Плоцк и др.

В таких случаях безусловно придется большую часть корпуса спешивать, вести пеший бой, а остальной частью маневрировать. Практика нам показала, что красная конница в пешем строю очень плохая пехота, не умеет действовать, не подготовлена и необходимо в 2—3 раза больше спешенной кавалерии, чем настоящей пехоты.

Ссылаясь на практику, полагаю, что как в военное, так и в мирное время, самой удобной и сильной формой для конницы, как высшее соединение является кавалерийский корпус 3-х дивизионного состава.

---

*) Примеч. ред. личное мнение автора.

Надо признать необходимым, составить в мирное время кавалерийские корпуса для внутренней и гарнизонной службы. Нам всем известно, что гражданская война еще не кончена, она будет продолжаться долгие годы. Пока Советская Россия окружена буржуазными государствами, нам не дадут спокойно существовать—это аксиома. Раз это так, то было бы ошибкой черезмерно ослаблять нашу военную мощь, тем более кавалерию.

Для того, чтобы конница была реальной силой в военное время, требуется сплоченность кавчастей, а это может быть достигнуто только в мирное время, путем тщательной подготовки.

Малая война, партизанские выступления, Махновщина, Антоновщина и неугасающие волнения со стороны мелкой буржуазии и кулачества не так скоро будут прекращены. Необходимо также прикрыть и охранять границы нашей социалистической Республики, и иметь сильные кавалерийские гарнизоны: на Кубани, на Дону, на Кавказе, на Украине, в Туркестане, в Сибири и т. д.

Все вышеизложенные мотивы настоятельно требуют от нас сохранить в мирное время кавалерийские корпуса, подчинив их военным округам.

Недостатка в фураже не может и не должно быть, т. к. у нас очень много губерний, дающих громадный урожай фуража. Один лишь Дон и Кубань могут прокормить сотни тысяч лошадей.

V.

Вооружение Красной Конницы.

В утихшей гражданской войне недостатки вооружения Красной конницы играли громадную роль. В общих чертах, можно сказать, что наша конница большей частью нуждается в усилении пулеметов, конно-горных батарей, в ручных гранатах, револьверах и технических войсках.

Рассмотрим эти недостатки в отдельности.

а) **Пулеметы.** Согласно существующего ныне штата № 460 кавполку положено 4 пулемета—значит, в кавдивизии 24 пулемета. Этого количества крайне мало. Фактически кавполки и дивизии имели в 2—3 раза больше пулеметов, чем полагается по штату, и при подаче сведений административного—боевого состава, всегда о лишних пулеметах кавначальники благоразумно умалчивали. Это умалчивание для меня, как кавалериста, вполне понятно. Жизнь требует своего. Красная конница в боях убедилась, что тот побеждает, у кого больше пулеметов и кто умеет ими пользоваться. Практика показала, что чем больше применять в бою сосредоточенный огонь пулеметов, тем скорее и ярче моральное действие, наносимое поражение, а, главное—сбережение своих живых сил. В боях взвод пулеметов заменяет эскадрон конницы и при умелом массировании пулеметного огня центр тяжести ударов переходит на фланги. Против пехоты (иногда и против кавалерии) наилучшего успеха можно достигнуть при сосредоточении полковых и дивизионных

пулеметов на среднем участке. Интенсивным, сосредоточенным огнем, удерживая неприятельскую пехоту с фронта, которая безусловно при таком применении огня должна лечь в 800—1000 шагах, остальными силами кавалерии охватить фланги неприятеля, с одновременным ударом в тыл. Вот система конного маневра, которую я всегда предпочитал и применял на практике.

При наступлении, обороне или отступлении, сосредоточенный огонь пулеметов в большем количестве производит сильное моральное воздействие и поражает как по фронту, так и в глубину. Огонь пехоты и артиллерии, по моему мнению, не так страшен для кавалерии, как огневая завеса пулеметов.

Кавказская кавдивизия в составе 4 полков, имея 60 пулеметов, в декабре 1919 года была окружена 2-мя конными корпусами Мамонтова на Маныче. Благодаря массированию всех пулеметов удалось удержать противника до темноты и выйти из окружения благополучно.

Способ перевозки пулеметов также имеет большое значение.

Пулеметы на вьюках не всегда практичны, т. к. при такой перевозке обязательно нужны запасные лошади, для смены; перевозка мало подвижна и совершенно невозможно пользоваться пулеметным огнем при отступлении. Пулеметы на „тачанках" или специально оборудованных повозках имеют то преимущество, что при движении всегда готовы для обстрела в любом направлении, не требуют запасных лошадей, номерные находятся тут-же на «тачанке», а главное при отступлении—на ходу обстреливают по трем направлениям, скоро и легко можно маневрировать. Однако, учитывая необходимость вьючной перевозки пулеметов в горной и лесистой местности, мы предполагаем на пулеметных „тачанках" иметь запасные вьюки. При ближних и дальних разведках, раз'ездах, заставах и дозорах, крайне полезно иметь пулеметы, но только ручные. В практике гражданской войны было очень много случаев, когда раз'езды силою в один взвод, вооруженные ручными пулеметами, брали большие селения с трофеями и сражались с успехом, против пехоты не менее одной роты.

Полагаю, поэтому, нужным: увеличить число пулеметов в кавчастях, придать каждому кавполку отдельные полковые пулеметные команды из 8 пулеметов, помимо этого придать каждому эскадрону взвод пулеметов как составной, т. е. 5-й взвод эскадрона и по одному ручному пулемету на отделение.

Таким образом, в полку будет 16 пулеметов Максима (или Кольта) и 48 ручных пулеметов. Пусть не кажется эта норма большой, в бою добрая половина пулеметов портится, а починить их в боевой обстановке невозможно.

б) Артиллерия. Согласно штата № 160 в кавдивизии имеется 3 легк. батареи и одна конно-мортирн. 45" гауб. Для каждой кавбригады 3-х членного состава, 1 конная батарея вполне достаточна, она легко применима; что же касается гаубичн., то нам кажется, что ее нужно из'ять из дивизии. Правда, красной коннице приходится в

гражданской войне брать крепости и форты, но это случается редко, и при том кавдивизия в составе корпуса вряд ли будет самостоятельно иметь дело с укрепленными позициями. Во время наступления и отступления гаубичная батарея для кавдивизии только обуза и тяжесть; тяжелые пушки всегда отстают от конницы и на практике не применяются. Увеличить число легких батарей также излишне; полевая артиллерия (образца 1900 и 1912 годов) фактически не очень удобна для конницы, она тяжела, может двигаться только по хорошим дорогам.

Конные батареи 3 корпуса, ввиду песчано-лесистой и пресеченной местности, в большинстве случаев не могли догнать конницу. Приходилось отправлять их окружным путем, благодаря чему они всегда опаздывали к боям.

В гористых, лесистых и пресеченных местностях, очень удачно действуют только конно-горные батареи, они незаменимы при действиях на флангах и при горной войне. Полагаю, было бы целесообразно взамен гаубичных батарей кавдивизиям придать конно-горные батареи. Только корпуса, как самостоятельная сильная единица, могут применить гаубицы, а посему конн. 45 линейн. гаубичн. батареи оставить только корпусам. Против прогрессирующей авиации, которая склонна постепенно уменьшать значение конницы, необходимо непременно вооружить конные корпуса двумя противо-самолетными батареями. Отдельный Конно-Артиллерийский дивизион при корпусе, в составе 2-х противо-самолетных и 2-х конно-гаубичных батарей, был бы наилучшим и надежным вооружением для всех дивизий кавкорпуса.

а) Ручные гранаты и револьверы. В гражданской войне очень часто борьба происходит не за рубежи, а за населенные пункты, за деревни и города. Благодаря этому явлению, неизбежны уличные бои и атаки укрепленных населенных пунктов. Во время уличных боев большую пользу оказывают ручные гранаты и револьверы, которыми необходимо вооружить красную конницу. Не будет преувеличением, если сказать, что в гражданском бою ПИКА, как оружие, оказалось почти лишней, ненужной.

В 3-х годичной гражданской войне невозможно указать хотя бы одного случая, когда крупные кавалерийские массы столкнулись бы сомкнутыми рядами и использовали пики. Такого случая не было и вряд ли будет. Скорость и сила нынешнего огнестрельного оружия не даст возможности применять атаки в сомкнутых строях; лава, как единственный боевой порядок, предпочитается в гражданской войне и пользуется большим успехом. В минувших боях сабля имела много преимуществ перед пикой и, полагаю, было бы целесообразно вооружить конницу взамен пик револьверами и гранатами. Правда, пики имеют моральное значение, но в общем, они являются только тяжестью. Фактически пики нужны при сомкнутых атаках, в остальных-же случаях, в разведках, в раз'ездах и дорогах, они излишни,

сгибаются или ломаются. Нет в красной коннице ни одного полка или дивизии, которые, выступив на фронт, не бросили бы там полученные пики. Наши полки, в лучшем случае, пики везут в обозе II разряда. Красноармейцы инстинктивно чувствуют, какой род оружия им более нужен, бросая свои пики, они надеются только на шашку, с которой лучше, скорее и удобнее справляться с противником—в открытом бою. Что касается уличных боев, то здесь красноармеец с пикой уже бессилен. Очень часто можно наблюдать, как красноармейцы, испортив ружье, укорачивают ствол и делают короткие карабины в роде револьвера. Это стремление естественно, и если предложить кавалеристу, что он предпочитает: пику, или револьвер, то безусловно он возьмет последний. В старое время, если не бросали пики, это во первых потому, что очень строго наказывали за это, и во вторых, что кавалерист долго муштровался для применения пики.

Нам кажется, что пики отжили свой век, и крайне необходимо вооружить немедленно нашу конницу, хотя бы вторые шеренги, револьверами и ручными гранатами.

VI.

Технические средства.

Применение технических средств в кавалерии обуславливается 4-мя основными принципами:

1) Сберечь по возможности больше физических и нравственных сил кавалерии для маневрирования.

2) Нанести противнику наиболее вреда.

3) Борьба с техническими силами противника.

4) Вспомогательное содействие кавалерии при исполнении стратегических задач.

Дабы не затруднять подвижность конницы многочисленностью технических войск, учитывая опыт гражданской войны, нахожу крайне необходимым кр. конницу обильно снабдить средствами технической, живой и смешанной связи.

Значение связи в коннице, и подготовка лиц, ведающих связью—наш больной вопрос. Мы все знаем и кричим о необходимости прочной связи на войне, но одного этого мало. Наши добрые пожелания дальше „штата" не пошли.

Если внимательно изучить операции гражданской войны, мы увидим, что 90% причин поражения происходили благодаря отсутствию связи. Гибель 4 и 15 красной армии на западном фронте, главным образом, можно об'яснить отсутствием связи шт. фронта с армиями и армий с дивизиями. Допускаю мысль, что 3 конный корпус не перешел бы германских границ, если бы имел прочную связь с армией.

По приказу командарма 4 были отобраны все телеграфно-телефонное имущество, автомобили и другие средства связи 3 корпуса, т. к. по мнению командарма 4 Шуваева коннице не нужна техническая связь, когда у нее имеется конь. Благодаря таким действиям армии, корпус очутился в критическом положении и не имел связи, как с армией, так и с соседями. В то время, когда в тылу у корпуса происходила катастрофа (это было 15/III) части корпуса брали Влоцлавск и собирались форсировать Вислу.

Эта болезнь поражала старую армию в империалистической войне с 1914 по 18 год. Операции I и II армии в Восточной Пруссии явно указывают о полном отсутствии связи. Много можно было привести примеров, но, кажется, мы, красные командиры, лично испытавшие за 3 года все печальные последствия отсутствия связи в частях,— вполне согласимся, что необходимо в первую очередь усилить команды связи в Красной Армии. Полагаю необходимым помимо технических эскадронов в кавдивизии иметь в корпусе „Отдел связи“ из следующих под‘отделов.

1) Управление связи, эксплоатационное и техническое отделение, отделение по личному составу и снабжения. Пеконт, Шестовое отделение, Кабельное отделение, Теконт, взвод внутренней связи, взвод конных ординарцев, Радио-телеграфный эскадрон, эскадрон конной связи, Авто-мотоциклетный взвод и эскадрон самокатчиков. Подробности о службе перечисленных отделов будем рассматривать в главе о штатах.

Технический дивизион. В гражданской войне, очень часто, за отсутствием сапер, понтонных и подрывных команд, Красная Кавалерия вынуждена была останавливать дальнейшее преследование. Противник, взорвав переправы и мосты, уходил спокойно на глазах у преследующей конницы. Непроходимые болотистые ручейки, большие реки часто останавливали наше продвижение на несколько дней, до подхода технических частей стрелковых дивизий.

1 Кавказская Кавдивизия, взяв станицу Великокняжескую на Маныче, не могла преследовать противника, т. к. два моста через реку оказались взорванными бронепоездом пр-ка.

3 Конный корпус, за отсутствием понтонных средств и команд, потерял два дня в Гродно, пока штакор подыскал частного подрядчика— инженера, согласившегося за большие деньги устроить понтонный мост через реку Неман. Противник, пользуясь этим, спас свои тылы от разгрома и укрепился на левом берегу Немана, причинив нам впоследствии большие хлопоты. Корпусу пришлось форсировать реку в 15 верстах севернее города в брод, конечно, оставив все тыловые учреждения далеко в тылу—до устройства мостов средствами армии.

При набегах, рейдах мы имеем много затруднений, благодаря отсутствию команды подрывников и сапер. Хотя по приказанию РВСР за № 29 положено иметь в техническом эскадроне 2 взвода подрывников, но этого мало. Нужно иметь в коннице сильные по составу и „самостоятельные единицы сапер“—подрывников. При корпусе технический дивизион в составе 3-х эскадронов (по одному эскадрону сапер, подрывников и понтонных войск), полагаю, был бы сильной инже-

нерной единицей. Означенный дивизион необходимо подчинить непосредственно наштакору.

Авиационный отряд. С развитием авиации, когда воздушный флот свободно обнаруживает всякое движение конницы, необходимо кр. кавалерии придать авиационные отряды. Конница — глаза и уши армии на земле, авиация играет ту же роль, только в воздухе.

Сочетание и взаимодействие двух могучих маневренных сил даст желаемый результат как в области разведки, так и боя. Красная конница в минувшей гражданской войне не имела авиационных аппаратов и неоднократно терпела неудачи.

1) Конная армия была сильно уязвлена эскадрильей польских аэропланов под Львовом и потеряла многое. В дальнейшем, действия конармии почти были парализованы ввиду отсутствия собственной авиации. Планомерный отход 3 корпуса на западном фронте сопровождался всегда польскими аэропланами, которые постоянно, обстреливая нас пулеметным огнем и бомбами, не давали покоя. Будучи бессильным бороться с воздушным противником и рассеивая свои полки, корпус обнаруживал свои силы и маневр.

Полагаю крайне необходимым придать корпусу авиационный отряд из 6 аппаратов, который будет являться могучим средством не только связи, но и боевым и разведывательным.

Нужно придать корпусу, конечно, если позволяет местность, бронеотряд из 4 машин и бронепоезд. На западном фронте мы крайне ощущали большую нужду в бронемашинах, бронепоездах и автомобилях, тогда как противник широко пользовался ими с большим успехом.

VII.

Ездящая пехота.

Благодаря сильному развитию огнестрельного оружия, кавалерийский строй постепенно от сомкнутого переходит к разомкнутому. Атака в сомкнутом строю постепенно теряет свою форму, т. к. пехота ищет в бою пересеченную местность, а артиллерия прибегает к маскировке и щитам. Прежде, когда пехота вела бой сомкнутыми массами (колонны и фланги), обстреливая фронт редким огнем, атака конницы была расчитана на победу сомкнутым строем (эпоха Фридриха). Но теперь, когда пехота на расстоянии 1000—1500 шагов поражает атакующую цепь, оставаясь скрытой, задача конницы меняется и ей приходится вести бой частью в пешем строю, стараясь одновременно охватить фланги противника. В гражданской войне, как мы уже сказали, часто выпадает на долю конницы атаковать укрепленные рубежи, иногда форты и крепости.

В этом случае, безусловно, конница бессильна в конном строю и вынуждена спешивать большую часть кавалерии, примерно $^{3}/_{4}$ и более. Пеший бой, однако, не соответствует духу и основному свойству конницы — подвижности.

Последнее собственно и оправдывает существование кавалерии. Пеший бой не выгоден еще тем, что требует много времени, отнимает от строя часть людей (на коноводов) и ослабляет дух кавалериста вследствии разлучения всадника с конем.

Хотя наши уставы гласят, что по упорству и настойчивости действия спешенной конницы ничем не должны отличаться от действия пехоты и наши спецы требуют, „чтобы спешенная конница даже не пахла кавалерией“ (Михневич), однако, можно с уверенностью сказать, что спешенная конница — очень плохая пехота. Уверяют, что донские казаки в Русско-Японской войне ходили в атаку, в пешем строю, с пиками... на проволочные заграждения и побеждали. Возможно, что это так. В истории красной конницы гораздо больше подобной лихости, но единичные случаи не доказывают еще, что конница одинаково сильна, как на коне, так и в пешем бою. Долговременная и усиленная подготовка конницы для пешего боя, может увиличить только ее устойчивость в оборонительном бою.

На коне кавалерия знает только активное действие, т. е. атаку. Совсем не то пешком. Спешенная конница может вести преимущественно оборонительный бой. Кавалерия способна только взять, захватить, а закрепить, в полном смысле слова, это уже дело пехоты. Против сильно укрепленных пунктов, конница, без содействия пехоты, благоприятного результата достигнуть не может. В минувшей (да и в будущей) гражданской войне, Красная конница, действуя против укреплений, побеждала лишь тогда, когда имела поддержку своей пехоты.

3 Конный корпус под укреплениями Ломжи, ведя исключительно пеший бой, потерял целый день безрезультатно, пока подошла одна бригада 12 пех. дивизии, и при ее содействии Ломжа была взята конницей ударом с запада и Юго-запада.

1-ой Конной армии, на всех фронтах, часто подчиняли пехотные дивизии; благодаря их содействию конармия выходила всегда победоносной.

Если иметь ввиду, что на войне всегда противник на флангах или в тылу будет опираться на опорные укрепленные пункты, то ясно, что конница обязана сочетать пеший бой (с участием регулярной пехоты) с боем на коне.

В таких случаях необходима поддержка пехоты, хотя бы для закрепления результатов достигнутых кавалерией. Это требование в дивизионной коннице легко осуществить, т. к. здесь нет самостоятельности конных масс. Что касается армейской, стратегической конницы, то во всяком случае она должна быть вполне самостоятельной, для активных предприятий, независимо от случайной поддержки

пехоты. Иначе стратегическая конница будет двигаться рубежами (как дивизионная) и ее действия будут незаметными.

Дабы избежать этих явлений, опыт гражданской войны указал, что в крупных кавчастях крайне необходимо иметь свою ездящую пехоту.

По моему мнению это легко достижимо. Хорошо обученная пехота на самокатах, или на „тачанках“ вполне оправдывает требование кавалерии. Экономическое состояние Республики, вероятно, сейчас не позволяет иметь требуемое количество самокатов, и, пожалуй, наилучшим средством, для перевозки ездящей пехоты, была бы „тачанка“ или линейка. Особо оборудованная легкая „тачанка“ (в виде пулеметной, применяемой на Украине) свободно вместит 7—8 человек (один ездовой). Можно назвать это отделением, 4 отделения—взвод, 4 взвода—рота и т. д.

Если кавалерийскому корпусу придать 3 пехотных (ездящих) баталиона, без тылов (в составе 1000—1200 штыков), то для перевозки означенной пехоты. с пулеметной командой (18 пулеметов), нужно не более 200 тачанок, что для Республики не трудно организовать.

Ездящая пехота, воспитанная для действия с кавалерией, при такой системе движения, никогда не отстанет от конницы. Такая система, по моему мнению, даст возможность в будущей гражданской войне, использовать действия конницы подвижной, ездящей с пехотой.

Нам, конечно, нужно обратить внимание и усилить подготовку конницы в пешем строю, но необходимы прежде всего реальные меры для усиления конницы в смысле увеличения огневой мощи.

А этого можно достигнуть только созданием при каждом кавкорпусе ездящего пехотного полка 3-х баталионного состава. Тогда только высшее командование вправе предъявить кр. кавалерии требование: атаковать укрепленные пункты и форты, помимо прямой обязанности конницы.

VIII

Формирование, воспитание и комплектование Красной Конницы.

Переходя к краткому рассмотрению свойств конницы с административной точки зрения, прежде всего нужно признать, что благодаря трудности формирования, конница обходится Республике дорого. Трудность и дороговизна формирования увеличивается еще больше при необходимости подготовки кавалериста и его лошади к строю. Нужно 3—4 года*) для того только, чтобы новобранец усвоил строй, обращение с лошадью, с вооружением и проч. В старое время из простого обывателя путем долголетней муштровки, палочной дисциплины создавали кавалерию, но она обладала, большей частью, только искусственно привитыми качествами, природного же дара кавалериста не было. Вот почему старая русская кавалерия (за исключением казачьей

*) Прим. ред. Как рядовой боец кавалерист в старой армии подготовлялся только год, а на втором году уже готовились унтер-офицеры.

и туземной) оставалась незаметной и бездействовала в период Русско-Японской и в империалистической войне. Как в старой, так и в гражданской войне преимуществвно отличались только казачьи и туземные части и это для нас вполне понятно. Всем известно, что кавалерист должен обладать высокими природными качествами, т. е. лихостью, хорошим слухом, отличным зрением, ловкостью, беззаветной храбростью и даже известным весом тела (не более 4 п. 20 ф.). Можно ли создать, путем учения, людей обладающих означенными дарованиями, хотя бы долговременной муштровкой? Я в этом сомневаюсь. Природа не в одинаковой мере одаряет людей и жители городов уступают жителям гор и степей в смысле качеств и даровитости нужных кавалеристу. Дабы быть идеальным кавалеристом, по моему, необходимо родиться с некоторыми качествами свойственными кавалеристу.

Старые драгунские регулярные полки сильно уступали в боевом качестве казачьим войскам, именно потому, что они обучались манежной езде, а природные качества лихости, удали и умения обращаться с лошадью были введены в их ряды искусственно.

Красной армии нужна только легкая конница, имеющая от природы все основные качества кавалериста. Нам нужна конница, без долголетней „деревянной“ подготовки, со знанием только строя, умеющая побеждать. У нас есть Красное казачество, Советский Кавказ и „инородцы“. Вот где очаг для формирования красной конницы. Свободные сыновья горных вершин и степей, могут дать нам достаточное количество и требуемый элемент для кр. кавалерии. Татары, киргизы, туркмены, лезгины и осетины в старое время были совершенно игнорированы и казачество в руках царских ставленников служило надежным оружием против рабочих и крестьян. Мы должны из казачества и горцев создать мощных защитников III интернационала. Это требует также наша международная и восточная политика... Умелое воспитание, обучение, комплектование и политическая обработка горцев, казачества и народностей Кавказа, являются основными факторами для создания красной кавалерии. В минувшей гражданской войне 9/10 красной конницы были казачьи и кавказские полки и дивизии. Они вполне оправдали себя и дали нам основание развить начатое дело и создать красную кавалерию исключительно из казачества и горцев. В настоящее время вся земля бывших казачьих войск (Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Оренбургское, Уральское, Симбирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское), а также Кавказ и Туркестан находятся в руках Советской власти. Мы обязаны воспользоваться этим пока не поздно... Было бы целесеобразно создать конные корпуса на территориальном принципе и наименовании (т. е. I Донской кон. корпус, II Кубанск. кон. корпус, III Кавказ. кон. корпус и т. д.).

Создание Красной конницы из казачества и Кавказцев, главным образом, я мотивирую по следующим соображениям:

а) В гражданской войне только казачьи и кавказские конные части отличались высоким боевым качеством.

б) В каждом казаке сильно развита выносливость, ловкость, хитрость, удаль, беззаветная храбрость, развито зрение, слух и другие боевые качества.

в) Привязанность друг к другу, сильно развитое чувство товарищества, взаимная выручка, любовь и послушность начальнику и проч.

г) жизнь в степях выработала из казаков и горцев отличных наездников, привязанность и любовь к лошади, особую казачью посадку, езду и джигитовку.

д) Отличное владение огнестрельным и холодным оружием.

е) Богатство лошадей у казаков; отличительная черта степных лошадей—скорый шаг—ход, до 7 верст в час, выносливость, неутомимость казачьих лошадей.

Формирование Красной конницы на Кавказе и вообще на Юге России облегчается еще в том отношении, что географические условия способствуют этому; урожай фуража гораздо больше, чем в средней России, есть много старых коннозаводств, которые нужно восстановить и поднять культ коневодства гораздо шире.

Конского снаряжения, кожи и других принадлежностей также много на юге; нужно только организовать все и рационально использовать.

А. Роговский.

Дивизионная конница.

Желательная организация дивизионной конницы в Красной Армии.

В Красной Армии, при принятой системе самостоятельных дивизий, имеющих, согласно штата, большую численность, включена в их состав и конница. Количество этой конницы, за прошедшее время существования Красной Армии, подвергалась неоднократным изменениям, равно, как и самая организация кавалерийских частей, входивших в состав стрелковых дивизий. Принимая во внимание секретность организационных сведений, мы будем рассматривать не существующие формы организации, а те, которые были бы желательны, как наиболее отвечающие духу действительной самостоятельности стрелковых дивизий, согласно условий, в которых велись, как наша гражданская война, так и операции против наших белых и иноземных противников, т. е. в условиях чисто маневренной войны с прерывчатыми боевыми порядками, дающими широкий простор для действий и применения конницы, как стратегической так и дивизионной. Это обстоятельство, в связи с наличием довольно многочисленной конницы в белых армиях, вызвало лозунг, «пролетарий на коня», создавший в короткое время довольно значительные массы стратегической конницы, достаточно проявившей свою деятельность и оказавшей большие услуги в достижении успехов, выпавших на долю Красной армии. Однако, стремление к созданию необходимых, по обстановке операций, крупных кавалерийских соединений неблагоприятно отразилось на частях дивизионной конницы. Они имели как бы второстепенное значение и высшее командование уделяло им меньше внимания, а в силу этого чрезвычайно затруд-

нялись условия укомплектования и снабжения материальными средствами этих частей. Такое отношение к дивизионной коннице врядли справедливо, т. к., если действия конных масс, предводимых т. т. Буденным, Гая и другими, и давали видные и решительные результаты, то и действия мелких частей дивизионной конницы оказывали свое влияние на ход операций ведшихся их дивизиями. Правда, у этих частей почти не было блестящих дел, но причина тому не в них самих, а скорее в их малочисленности и в частом обезличивании, раздергиванием по бригадам и даже отдельным стрелковым полкам настолько, что во многих дивизионных оперативных сводках совсем не упоминается о частях дивизионной конницы, как будто таковых и не существует вовсе.

Но не надо забывать, что были армии, в которых не оказывалось другой конницы кроме дивизионной и только силами этих численно слабых частей велась разведка, перед фронтом армий и выполнялись задачи присущие кавалерии. Поэтому, казалось было бы вполне целесообразным обратить теперь же и безотлагательно внимание на части дивизионной конницы.

Какая же организация признавалась бы наиболее подходящей для дивизионной конницы? Мое личное мнение и глубокое убеждение, основанное на опыте двух-летней службы в должностях инспекторов кавалерии армии и фронта, поддерживаемое мнением некоторых лиц высшего командного состава Красной армии,—что на стрелковую дивизию необходимо иметь минимум 5-ти эскадронный полк (лучше конечно 6-ти эскадронный), подчиненный непосредственно начальнику дивизии.

Существуют еще мнения о желательности иметь: 1) четыре 2-х эскадронных дивизиона, полагая по одному на бригаду и один при штабе дивизии. 2) Полк в 4 эскадрона при штабе дивизии и по одному эскадрону в каждой бригаде и 3) Дивизион при штабе дивизии и по эскадрону в каждой бригаде.

Таким образом, согласно с приведенными мнениями, в первом случае в дивизии было бы 8 эскадронов, при 4-х штабах и отдельных хозяйствах, во втором—7 эскадронов, при одной большой и 3-х мелких хозяйственных частях и в третьем—5 эскадронов, при 4-х хозяйствах.

Уже самое увеличение числа штабов и отдельных хозяйственных аппаратов говорит не в пользу приведенных мнений.

Разбирая дальше, мы видим, что число эскадронов 8 и 7 на дивизию, конечно, было бы желательно, но представляется едва ли возможным, по состоянию коневых и материальных средств страны. Тем более, что этого не могли себе позволить даже крупные империалистические государства, несмотря на процветавшие в них идеи милитаризма.

Таким образом, приходится остановиться на цифрах 5—6 эскадронов на дивизию.

Теперь является вопрос, что же выгоднее.? Иметь ли их все в одной части, или разделить между бригадами и штабом дивизии?.

Полагая бы, что следует остановиться на первом решении, т. к. этим достигаются следующие выгоды:

1) Начальник дивизии имеет достаточную конную часть, которую, при отсутствии армейской конницы впереди дивизии, может выдвинуть для более дальней разведки в главном операционном направлении дивизии.

2) Он может сам организовать широкую разведку перед фронтом дивизии и получить интересующие его сведения без посредства бригад.

3) Он имеет право считать, что в дивизии есть определенная конная часть, которая сможет выполнить ту или другую задачу, из числа обыкновенно возлагаемых на дивизионную конницу.

4) Вся дивизионная конница об'единена постоянно под одним командованием при выполнении задач, для которых нужны все силы дивизионной конницы; представляет сплоченную часть, а не случайное соединение неизвестных командованию и друг другу мелких частей, собрать которые, к тому же весьма трудно, так как часть их будет всегда израсходована по разным бригадным нарядам.

5) Состоящие под одним командованием 5 эскадронов представляют силу, которую можно учитывать для применения в бою, тогда как при распределении по бригадно они распылятся, раздавши всадников по мелким нарядам бригад и дивизий, и потеряют всякое боевое значение.

6) Получение задач непосредственно от начальника дивизии даст возможность расчитывать на более правильное и целесообразное применение кавалерии.

7) Обеспечивается сбережение дивизионной конницы и сохранение ее работоспособности, т. к.. в бригадах эскадроны, неся большое число мелких нарядов, не будут в состоянии давать отдых лошадям и быстро начнут таять при самом начале боевых действий, особенно имея ввиду, что вся разведка будет, при этих условиях, лежать на бригадах. Дивизион же, оставшийся при штабе дивизии, за выделением нарядов для обслуживания потребностей штаба и связи, будет также представлять часть неспособную к выполнению какой либо серьезной задачи, в которой он мог бы чем либо заметным проявить свою боевую деятельность.

8) Представляется возможность, в зависимости от обстановки и данной задачи, той или иной бригаде придать не только один, но два и три эскадрона, не встречая неожиданных для этого препятствий, вроде того, что бригада, из которой передается эскадрон, уже израсходовала большую часть его всадников па разведку или в другие наряды, из которых также трудно или невозможно собрать их к определенному сроку. Не говоря уже о том, что штабу дивизии часто придется, торговаться по этому поводу с командирами бригад.

9) Увеличивается надежность лучшего и одинакового обучения эскадронов дивизионной конницы под руководством более опытного кавалерийского начальника, каковым явится командир полка.

10) Достигается сокращение расхода всадников по нарядам, неимеющим непосредственно боевого значения, и равномерность несения работы эскадронами, вследствие чего улучшается вопрос сохранения работоспособности конского состава.

11) Уменьшается до одного—число отдельных войсковых хозяйств.

12) Облегчается необходимый учет для соображений как оперативных, так и по организации укомплектований.

13) Упрощается дело с пополнением личным и конским составом и материальной частью, т. к. посылка дробных, мелких пополнений не целыми маршевыми эскадронами, а особенно лошадей мелкими партиями—технически трудно выполнима.

14) Обеспечивается равномерность снабжения эскадронов и наблюдение за состоянием конского состава и материальной части.

На это возразят, что в таком случае бригады останутся совсем без кавалерии. Да, это так. Но что же делать?

Бригады не являются вполне самостоятельными войсковыми соединениями: задачи их сравнительно узки; и кроме того им могут временно придаваться эскадроны от кавалерийского полка дивизии, но, как указано выше, в соответствии с обстановкой, только тем из них, которым нужнее и задача которых ответственней, при этом иногда в большем количестве, чем один эскадрон.

При разделении 5 эскадронов между бригадами и штабом дивизии, можно сказать с уверенностью, что месяца через 2, после начала боевых действий, в дивизии кавалерии почти не будет.

Останется небольшая часть в дивизионе приданном штабу дивизии. Эскадроны же при бригадах—растают.

Начало операций маневренной войны требует особо оживленной деятельности от конницы. В штабах и среди высшего командования, наблюдается несколько повышенная нервная напряженность, т. к. первые успехи или неудачи влияют на психику. Все хотят скорее иметь более точные и подробные сведения о противнике,—и кавалерии дают разные задачи не считаясь с силами коней, заставляя их изо дня в день покрывать пространство в 60—80 верст. Отдыха лошадям нет, и через неделю эскадроны начинают таять. Уменьшающиеся численно, они продолжают нести ту же работу, распределяя ее между все меньшим количеством всадников, отчего она делается труднее и непосильнее для конского состава.

В высших штабах принимаются во внимание эскадроны и не всегда точно учитывается, что же представляет собой, тот или другой эскадрон, так как сведения о их состоянии поступают с опозданием и, следовательно, устарелые. Затем, при расходе по нарядам розданных в бригады эскадронов, если в дневной наряд уйдет в каждом бригадном эскадроне 3 взвода, то оставшийся 4-й ничего уже не представляет, как боевая сила. Также и в дивизионе при штабе дивизии, считая 3/4 эскадрона в расходе, остающиеся $1^1/_4$ эскадрона слишком малая величина для какого нибудь задания. Между тем, если все те же наряды будут от 5-ти эскадронного полка, то в распоряжении начальника дивизии останется два эскадрона, а

учитывая, что при таком положении некоторые наряды отпадут, то можно будет иметь и 3, т. е. уже силу, которой можно дать то или иное боевое задание. Поэтому считаю, что лучше иметь конницу только в дивизиях и оставить без таковой бригады, чем ее вовсе не иметь для операций или в черезчур малой численности.

Однако, полагаю нежелательным оставить бригады и даже стрелковые полки совсем без конных частей. Было бы правильным и необходимым обязательно иметь при них, равно как и при штабах дивизий, команды конных ординарцев и, кроме того, при полках хотя бы не большие команды конных разведчиков. Как те, так и другие команды, можно бы иметь на мелкорослых лошадях под казачьими седлами. Это не нанесет особого ущерба для ремонтирования и снабжения материальной частью конницы. А этим командам конь нужен как средство передвижения и драться верхом им вряд ли придется.

Существование этих команд освободит дивизионную конницу от части нарядов, и тем даст возможность лучше использовать ее для выполнения чисто кавалерийских задач.

Задачи дивизионной конницы. Какие же задачи должна и может выполнять дивизионная конница?

1) Разведка. Полевой устав Рабоче-Крестьянской Красной Армии, утвержденный 22-го Декабря 1918 года и являющийся почти копией устава старой армии, предусматривает разведку корпусной конницей. Ввиду отсутствия теперь пехотных корпусов и самостоятельности наших дивизий, изложенное в соответствующих параграфах, должно быть отнесено к разведке дивизионной конницей. Цель этой разведки—сбор сведений о противнике и местности, согласно положений даваемых уставом (§ 122-ой), ограничивается пределами задачи, возложенной на дивизию. Отсюда ясно, что разведка дивизионной конницей ведется в полосе дивизионных разграничительных линий и ею собираются не вообще все сведения о противнике и местности, а лишь те, которые необходимы начальнику дивизии для наилучшего выполнения возложенной на дивизию задачи. Поэтому, распоряжения даваемые по организации разведки, должны быть вполне ясны и определенны и иметь целью сбор недостающих в штабе диви-

зии сведений, для проведения плана действий намеченного начальником дивизии.

Такой порядок будет в дивизии действующей между другими.

Дивизия оперирующая на крайнем фланге, вероятно, будет иметь, со стороны открытого фланга или впереди себя, части армейской конницы. Иначе состав, имеющейся в ней дивизионной конницы, должен быть усилен, также как и в дивизии, выделенной для самостоятельной операции, в каковом случае, задачи дивизионной конницы будут подходить к задачам выполняемым армейской конницей.

Условия и порядок разведки дивизионной конницей будут разниться от того, выдвинута или нет перед фронтом дивизии армейская конница.

В первом случае задача дивизионной конницы будет проста. Ее обязанность сведется к тому, что-бы поддерживая связь с армейской конницей, находиться в курсе ее оперативных намерений и быть в готовности, когда, по тем или иным причинам, армейская конница очистить фронт, своевременно выслать свои разведывательные органы на замену разведывательных частей армейской конницы. Причем, часто разведка ее, ввиду, приближения противника, будет носить уже характер ближней разведки, на которой остановимся ниже.

Во втором случае дивизионная конница должна будет вести дальнюю разведку, по интересным для начальника дивизии направлениям, самостоятельно.

Обыкновенно эта разведка будет выполняться отдельными раз'ездами с выдвижением иногда довольно сильной заставы, для сбора донесений, т. к. дивизионная конница по своей малочисленности не может выслать разведывательных эскадронов. Но иногда явится возможность, а может случится и необходимость, выдвинуть все свободные силы дивизионной конницы вперед по главному направлению, чтобы проложить путь разведке и служить ей опорой. Для этой цели, при 5-ти эскадронном полку дивизионной конницы, принимая в соображение необходимость ближней разведки впереди колонн дивизии и внутренние наряды, можно будет выделить 3 1/2 и, при полной экономии в расходе конницы по нарядам, 4 эскадрона. Количество выделяемых эскадронов много зависит от наличия

и численности конно-разведческих и ординарческих команд, могущих заменить отчасти конницу в службе ближней разведки, походного охранения и связи.

Удаление выдвинутой вперед дивизионной конницы зависит от близости противника, силы его конницы перед фронтом и степени ее активности. В то время, как стратегическая конница должна стремиться парализовать деятельность неприятельской кавалерии, это в редких случаях удасться достигнуть самостоятельно дивизионной коннице, опять таки по причине своей малочисленности. Поэтому, а также и в силу необходимости сохранения тесного соприкосновения с частями дивизий, дивизионная конница, продвигаясь от рубежа к рубежу, должна устраиваться так, чтобы иметь возможность, в случае нужды, найти опору в головных частях своей пехоты.

Независимо от высланных вперед дальних раз'ездов, как от кавалерийского полка, так и от колонн дивизии, должна быть выслана ближняя конная разведка также отдельными раз'ездами. При сближении с противником и переходе на фронте исключительно к ближней разведке, в предвидении возможности боевых столкновений, число раз'ездов увеличивается, а затем, при дальнейшем сближении, они отходят к флангам, заменяясь постепенно пехотной разведкой.

Ближнюю разведку, впереди колонн дивизии, чтобы меньше ослаблять дивизионную конницу, необходимо вести также и конно-разведческими командами, при наличии таковых.

Ближняя разведка, кроме сбора сведений о противнике и местности, может быть использована еще отчасти и как активная завеса, прикрывающая дивизию от разведки противника. Поэтому ближние раз'езды, в противоположность раз'ездам дальней разведки, не имеющим за собой никакой поддержки, должны стремиться к уничтожению встречаемых неприятельских раз'ездов и перехватыванию доставляемых от них донесений, пользуясь возможностью отхода на свои части при неудаче столкновения.

Перед боем и во время его, конница продолжает разведку на флангах противника, принимая все меры, чтобы выяснить, что делается у него в тылу.

2) Охранение. В этой отрасли службы, при расположении на месте, вся тяжесть непосредственного ох-

ранения, в соответствии с § 205-м Полевого устава, должна лежать на пехоте. Дивизионная конница тут, а также при походных движениях и при организации пассивной завесы на рубежах, когда таковая применяется, лишь содействует общему выполнению задачи, путем несения обязанностей по ближней разведке, службе дозоров при походном движении, выставлении отдельных полевых караулов и наблюдательных постов в удаленных, но важных для наблюдения, пунктах и по доставке донесений (при отсутствии ординарческих команд).

3) Наблюдение за свободными пространствами на флангах дивизионных участков в пределах дивизионных разграничительных линий.

В маневренной войне, при прерывчатом расположении частей, сплошь и рядом дивизионной кавалерии приходится вести наблюдение за очень большими по фронту участками. В этих случаях малочисленная дивизионная конница, конечно, не сможет оказать противодействия направившимся в эти перерывы сколько нибудь значительным силам противника, но она должна своевременно открыть движение неприятеля в этом направлении и установить его силы.

При возложении на конницу подобных задач, войсковые начальники часто совершенно не основательно употребляют в отдаваемых приказаниях выражение: «упорно оборонять порученный участок». Понятно, что участок, часто свыше 20-ти верст, 3—4 эскадрона упорно оборонять никак не могут и речи об этом быть не должно.

Лучшее наблюдение будет путем высылки раз'ездов по направлениям возможного движения противника и выставлением вперед наблюдательных постов, держа остальные силы конницы вместе на главнейшей дороге или вблизи ее, в пункте, из которого по наиболее коротким путям можно выдвинуться к любому пункту наблюдаемого участка.

При обнаружении наступающего противника на охраняемый участок, конница выдвинется к нему навстречу и, если силы его таковы, что позволяют вести борьбу с ним, то применяясь к местности и используя внезапность, атакует его в конном строю или же, занимая ряд последовательных позиций, преимущественно на рубежах, старается задержать его продвижение, продолжая раз'ездами вести наблюдение за остальными

путями участков. При движении противника в больших силах, конница, выдвинувшись ему навстречу и ведя тщательное разведывание сил наступающего, производит ряд огневых нападений с дальних дистанций и последовательно меняемых позиций. Находчивость и лихость командиров конницы могут оказать здесь большое влияние на удачный исход действий. Тут применимо выражение: «Дерзайте, на войне все возможно».

4) Захват переправ, дефиле, передовых пунктов, имеющих важное значение, и удержание их до подхода своей пехоты. Высланные для выполнения этих задач части дивизионной конницы должны будут, в случае необходимости, вести бой преимущественно в пешем строю. И вот тут, если захват произведен, оборона должна быть упорной и самоотверженной. Однако, начальник дающий задачу должен учесть, с какими примерно силами придется встретиться коннице, и назначить, во избежание бесцельных потерь и расстройства высланных эскадронов, соответственное число их, двинув на поддержку следом части пехоты, если надо и возможно,—посаженной на подводы.

5) Участие в бою дивизии.

Оно выразится, прежде всего, сосредоточением кавалерии к свободному флангу, если другим дивизия соприкасается с частями соседней дивизии. В противном случае и на другой фланг должна быть выдвинута часть кавалерии. При этом, конница ведет разведку, как указано выше, на флангах и, по возможности—в тылу противника. При обеспечении обоих флангов, конница может быть использована, как быстро подвижной резерв в один из решительных моментов боя.

Выдвинутые на фланги части дивизионной кавалерии располагаются уступом вперед и, кроме разведки противника, высылают ближние раз'езды и наблюдательные посты для непосредственного охранения флангов. В случае обхода, действия конницы должны быть решительными до дерзости. Кавалерийский командир, стоящий во главе находящейся на фланге конной части, учитывая моральное значение обхода, должен быть готов проявить большую находчивость, безумную отвагу и самопожертвование и своими действиями дать время руководящему боем начальнику принять соответствующие меры для противодействия обходу. Пример действий Австрийского эска-

дрона ротмистра Берхтольсгейма в бою у Чивитта-Векии в 1859 году должен быть в памяти у каждого кавалериста, выполняющего эту задачу. Там один эскадрон, предводимый истинно лихим кавалерийским командиром, обнаружив обход Итальянской дивизии, двигавшейся без тщательного охранения, бросился в атаку, не считая врагов, на дивизию, изрубил двигавшийся во главе штаб и пронесся вперед и назад вдоль всей колонны. Правда, эскадрон почти весь погиб; но разве жертва не стоила достигнутых результатов! Дивизия была расстроена и обход противнику не удался.

Находясь на фланге, части конницы не должны считать, что их роль ограничивается только наблюдением за этим флангом. Непосредственно для этого выделяется сравнительно небольшая часть, а все, что останется свободным, если не получено особого приказания, должно принять участие в общем бою, действуя преимущественно во фланг противнику, сообразуясь с обстоятельствами и выбрав удобный момент, в конном или пешем строю.

Употребление конницы для боя в пешем строю в общей линии пехоты—нецелесообразно, так как два-три эскадрона, прибавляя очень незначительное число пеших бойцов, не окажут того влияния, которое могло бы быть проявлено, применив свойство подвижности, действиями против флангов противника.

6) Преследование. Тотчас после окончания удачного для своих войск боя, части дивизионной конницы должны начать преследование противника, согласно полученных на этот предмет указаний, которые должны быть даны заранее, так как потеря времени тут особенно вредна. Важно не утерять соприкосновения с противником и использовать подавленность его психики от неудачи и усталость его частей после боя.

7) Прикрытие отхода своих войск. Выразится в том, что коннида должна помешать преследованию конницей противника, а затем, занимая ряд последовательных позиций, преимущественно на рубежах, стараться огнем с дальних дистанций замедлять движение преследующих частей. При этом, имея ввиду неизбежность своего отхода, частям кавалерии следует выполнять его не ожидая сближения противника на короткие дистанции, при которых посадка на лошадей и отход будут трудны и сопряжены с большими потерями.

Кроме того, разведывательные части конницы должны точно определить: главное направление движения преследующих; ведется ли оно значительными силами и не оторвались ли непосредственно преследующие части от своих главных сил.

8). **Усиленная разведка перед боем.** Может быть произведена при содействии конницы, маневрирующей лавой, против определенных пунктов или групп противника и нащупывающей в конном и в пешем строю его фланги.

9). **Набеги.** Могут выполняться, как отдельно частями конницы, так и совместно с пехотой. В последнем случае конница или поддерживается пехотой и опирается на нее, или придается для выполнения разведывательной и дозорной службы. От этого зависит количество ее в совершающем набег отряде.

10). **Служба связи.** Малочисленность дивизионной конницы и приведенные выше более важные случаи ее применения, подсказывают, что для этого рода службы кавалеристов надо использовать лишь в крайности и с возможной экономией, заменяя их, насколько возможно, самокатчиками, мотоциклистами, конными ординарцами и даже людьми пехоты на подводах.

Меры для сбережения сил и численности дивизионной конницы. Разнообразие случаев боевого применения конницы, ее недостаточность и трудность формирований и укомплектований, заставляют обратить особое внимание и заботы на ее сбережение и поддержание в возможно большей численности ее боевого состава. Первое место, конечно, в этом занимает конский состав, пропадающий не столько от действия неприятельского оружия, как от чрезмерной работы, недостатка корма и надлежащего ухода. Одной из главных причин быстрого таяния конского состава в коннице и приведения его в то состояние, при котором конница теряет свое главное свойство—подвижность, является ненормальность в сочетании корма, отдыха и работы. Многие из начальников, в ведение которых попадает конница, не знают и не понимают сколько может работать лошадь, какой ей нужен отдых и как долго можно требовать от нее форсирующей ее силы работы. Полевой устав

определяет величину нормальных переходов конницы в 30—35 верст. Конечно, лошадь может, при соответствующем корме, работать и больше. Можно сделать переходы и в 50—60 верст, а втянутые лошади, особенно в небольших частях, пройдут и 100, но такую работу можно требовать немного дней подряд, а не изо дня в день, без перерывов.

Силы лошадей изматываются и чем дальше тем скорее, а на обессиленных лошадях, с трудом переходящих на рысь, а затем и совсем перестающих отвечать на посыл и понуждения, конница не может ничего сделать и является не только бесполезной, но составляет уже обузу для войсковых соединений, которым придана. О том, чтобы потребовать атаки от частей конницы, в которых лошади не могут идти галопом, нечего и говорить. Да и разведка много хорошего не даст. Еще вперед как нибудь, со скоростью 4-х верст в час, протащутся, если не станут добычей неприятельской конницы на более свежих лошадях, а уж назад придется доставлять донесения пешком, таща лошадей в поводу. При одной операции, осенью прошлого года, кавалерийская часть подвигалась гоня перед собой лошадей, так как везти всадников они отказывались. Что могла сделать такая кавалерийская часть! А между тем от нее требовали боевой работы и основывали расчеты на ее участии в бою, как конной части, учитывая наличие ее людского и конского состава.

В заключение обвиняются кавалерийские части и их командиры в бездействии, тогда как следовало бы винить тех начальников, которые давали задачи на большие переходы изо дня в день, не считаясь с питанием лошадей и с тем, что лошади—живые существа и что они могут дать отказ в работе.

Причиной этому является, в значительной степени, то обстоятельство, что дивизионная конница распыляется по бригадам и полкам. Каждый из этих начальников хочет только возможно больше эксплоатировать ее для лучшего достижения данной ему задачи, не считаясь с тем, что через несколько дней у другого, а может быть и опять у него, эта часть не сможет уже выполнить задание по измотанности лошадей.

Французская конница, преследуя в 1806 году Пруссаков, разбитых у Иены, сделала в 23 дня 700 верст, т. е. около 30-ти верст в сутки, а бригада Лассаля в то же время 830 верст.

т. е. по 36 верст в сутки ежедневно, без дневок, и в результате потеряна была половина конского состава. Но ведь там призом было полное уничтожение всей Прусской армии, чем достигался конец этой кампании.

В Японскую войну вторая бригада 4-й Донской казачьей дивизии, сделав, зимой 1904 года, согласно данных приказаний, переход из Убаньюлу в Гунчжулин свыше 400 верст в 6 суток, со средней скоростью 65 верст в день, потеряла много лошадей и оказалась, по состоянию остальных, неспособной для выполнения той задачи, для которой передвигалась.

Эти примеры следует запомнить начальникам, имеющим обыкновение давать коннице изо дня в день задачи с превышающими норму переходами.

При всякой возможности дивизионная конница должна располагаться для отдыха под прикрытием общего пехотного охранения, так как выполнение такового своими силами, по малочисленности состава, скоро изнурит дивизионную конницу.

Корм лошадей имеет также большое значение. Профессор старой военной академии Матковский пишет: «От сытого можно требовать несравненно больших усилий, чем от голодного». Положение справедливое как по отношению к человеку, так и к лошади, поэтому забота о довольствии лошади тесно связана с вопросами ее движения.

Ввиду этого те войсковые начальники, которые хотят чтобы конница у них хорошо работала, должны принимать меры к тому, чтобы лошади ее аккуратно и хорошо кормились.

Ковка и седловка должны быть предметами особых забот самих кавалерийских начальников. Осматривая лошадей частей дивизионной конницы, во время операций 1920 года, я видел до 50% лошадей с набивками, делавшими невозможным продолжение работы на них. Вопрос этот требует особого обсуждения и является общим, как для дивизионной, так и стратегической конницы, а потому я воздержусь от развития его в этой статье.

Особенности подготовки личного состава и частей дивизионной конницы.

Подготовка частей дивизионной конницы, являясь одинаковой с подготовкой частей конницы стратегической, должна однако обратить на себя внимание некоторыми особенностями. В то время, как части страте-

гической конницы подготовляются для действия в массах, дивизионная конница должна быть готова к действиям мелкими частями, поэтому командный состав этих частей должен быть особенно подготовлен и способен к принятию самостоятельных решений и проявлению инициативы. От него требуется основательное знание условий ведения боя другими родами оружия. Дальняя разведка дивизионной конницей ведется отдельными раз'ездами. За ними нет поддержек, в виде разведывательных эскадронов, и таким образом, как пишет генерал Бернгарди в своем труде „Служба конницы“: „раз'езды дивизионной кавалерии чаще всего должны будут стремиться к достижению цели хитростью и быстротой и только при особо благоприятных условиях, например, если встреченный противник не имеет за собой поддержки, или вообще может быть атакован с очевидным успехом, они смогут переходить в наступление“ . . . . . и дальше: „такие задачи могут быть решаемы с успехом при наличии превосходно подготовленного офицерского и унтерофицерского состава и при конском материале быстром, выносливом и не знающим препятствий. Но и остальные чины, дабы быть на высоте пред'являемых к ним здесь требований, должны представлять собой ловких, решительных, умеющих владеть оружием всадников и рассудительных людей, которые в случае крайности не побоятся превосходного противника и на которых безусловно можно положиться. Именно к этим раз'ездам должны быть пред'явлены наивысшие кавалерийские требования“.

Авторитет Бернгарди утвержден прочно. Его трудами пользуются все кавалеристы Европы, а может быть и других стран света, и его цитируют многие военные писатели, разбирающие вопросы о коннице. А потому скажем и мы, что подготовка личного состава дивизионной кавалерии должна вестись с большой тщательностью, особенно разведчиков, которых надлежит выделить в каждом эскадроне для особых занятий. На планомерное и регулярное укомплектование этих частей соответствующим людским и конским составом надо обратить также особое внимание.

Наконец, эти части должны привыкнуть к совместным действиям с другими родами оружия и напрактиковаться в них.

Вооружение и снаряжение.

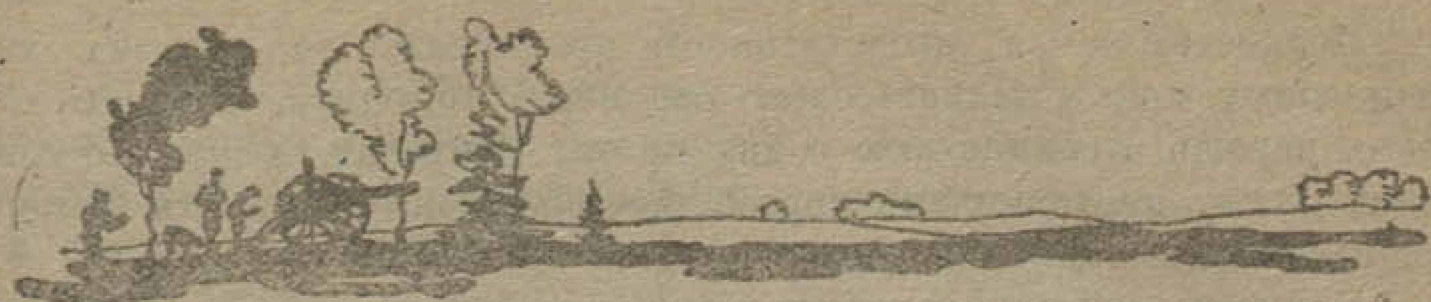
Вооружение и снаряжение в дивизионной коннице ничем не должно разниться от принятого в коннице стратегической. Разве

только пулеметов надо иметь побольше. Необходимо, кроме полковых пулеметных команд, обязательно иметь не меньше одного ружья—пулемета на каждый взвод, следовательно 4 на эскадрон, принимая во внимание службу дивизионной конницы мелкими частями с частым применением спешивания при разрешении выпадающих на ее долю задач.

Заключение. В заключение считаю нужным еще раз сказать, что на состояние дивизионной конницы необходимо обратить серьезное внимание. Конница стратегическая безусловно важна, задачи ее сложны, но и без дивизионной конницы, правильно организованной, достаточно укомплектованной, хорошо обученной и снаряженной, не обойтись. Стрелковая дивизия без конницы подобна слепцу, или, во всяком случае, человеку очень плохо и не далеко видящему. Я лишь вскользь коснулся здесь вопросов общих для стратегической и дивизионной конницы, считая, что под тем заглавием, под которым идет статья, не место рассуждениям о вопросах касающихся конницы вообще, не считаясь с ее видами, и потому, если представится возможность, помещу их в особой статье, в которой интересующиеся найдут более полное освещение всех затронутых вопросов. Эту же статью заканчиваю словами профессора Матковского из его книги «Конница», в которых так много значения для кавалериста: «Целесообразно подготовив и соответственно пользуясь способностью конницы к движениям—ее подвижностью—с конницей можно достичь многого».

М. Баторский.

Вождение войск.

В германском ежегоднике, вышедшем в 1920 г., помещена статья известного в военном мире Германии, генерала Фрейтаг фон Лорингофена, касающаяся весьма интересного вопроса—вождения войск.

В сжатой форме, базируясь на опыт европейской войны, он выдвигает в этой статье ряд основных положений, из которых наиболее существенными являются: 1) Принцип единства руководства, 2) Твердость управления, 3) Подготовка штабов и значение единства взглядов, 4) Внутренние операционные линии, 5) Значение правильной оценки обстановки, 6) Влияние ж. дорог на ведение операции, 7) Воспитание войск в наступательном духе, 8) Значение и разница тактического и стратегического преследования, 9) охват и прорыв, 10) Влияние тыла на развитие хода операции, 11) Значение авиации, 12) Значение переноса войны на территорию противника и вытекающее отсюда, как следствие, требование активности.

Веденная нами трехлетняя гражданская война, дает возможность сделать оценку, насколько эти принципы сохранили свою силу при современных условиях ведения войны и какие были внесены коррективы.

Для полноты оценки приводим в переводе статью г. Фрейтаг фон Лорингофена.

* * *

„Основным условием успешного управления армиями является единство руководства. Массы войск, участвующие ныне в бою, вызывают разделение их на армии, совместные же действия их, выдвигает в основу всего принцип единства руководства.

Несмотря на ясность потребности единого командования, во время войны часто допускались отклонения.

Оглядываясь на исторические примеры войны, приходишь к заключению, что успех на войне, за отсутствием единства в руководстве, был не раз под сомнением и мог привести к отрицательным результатам.

Блестящие примеры военных действий не всегда составляют в этом отношении исключения. Даже первоклассные полководцы, благодаря неудачному подбору отдельных руководителей, зачастую допускали двойственность в командовании.

Полностью такая двойственность проявлялась во времена коалиционных войн. Следует только вспомнить обоюдную ревность союзных держав в семилетнюю войну против Пруссии, или о неурядицах между противниками первой Французской Республики и первой империи.

Единство действий при переговорах достигалось долгим путем. В ряде коаллиционных войн 18 и 19 столетия, лишь совместные действия принца Евгения и герцога Малборо в Испании, составляют главное исключение.

Европейская война дала нам на обоих сторонах союз нескольких государств. Для наших противников, затруднения в управлении заключались в большом по местности,—удалении фронтов друг от друга.

Даже наличие радио или прочей телеграфной связи через Скандинавский полуостров не могло дать полного поручительства в согласованности действий между русскими и французско-английско-итальянскими войсками. Тем не менее, коаллицией наших противников, по сравнению с прежними временами, было многое достигнуто, в особенности если принять во внимание расхождение их интересов в вопросах о ближнем Востоке.

Временами, разумеется, в зависимости от того, где в тот или иной момент лежал центр тяжести операции, во Франции или на Востоке, отмечался некоторый раскол со стороны управления английскими войсками.

Условия ведения операции на фронтах Антанты были настолько различны, что нельзя было поручиться за полную одновременность действий.

Сознание, что единство действий является непременным требованием, окончательно созрело у союзников после многочисленных неудач. Так, предпринятое летом 1916 года, почти одновременное наступление англичан и французов на Сомме и Брусилова в Волыни и Восточной Галиции, привели к освобождению Вердена.

В начале, однако, на одном и том же театре военных действий не было достигнуто полного единства. Осенью 1914 года на Западе было заметно, что против нашей, руководимой единой волей, армии стояли армии трех союзных держав.

Были случаи несогласий между французскими генералами и ген. Френч. Так, после Марнского сражения, он настоял на выводе с фронта английских корпусов на том основании, что интересы Англии требовали введения их в действие на побережьи канала Ламанш.

И впоследствии, при предпринятых активных действиях на Западе, один из наших противников был вынужден не раз дожидаться готовности другого. Лишь в начале 1918 года, растущее сознание потребности единого руководства, привело к об'единению его в руках маршала Фоша и дало союзникам успех.

Потребность этого мероприятия вызывалась и в силу появления войск третьей державы — Америки, необходимостью поддержать английский фронт французскими дивизиями, и обменом войск на итальянском фронте. На нашей стороне, по отношению к нашему союзнику Австро-Венгрии отмечались трения, как это обыкновенно бывает в коаллиционных войнах, но благодаря принятым с самого начала, с обоих сторон, мерам предосторожности, таковые были ограничены до минимальных размеров.

В Германии, как и в Габсбургской монархии, вполне проникались полной ответственностью, которую несешь перед страной. Сознание, что речь шла о высокой, святой обязанности бороться за существование и жизнь страны, не допускало возможности проявления чувства зависти и личных интересов, как это отмечалось в прежних кабинетных войнах, или несогласованности общих интересов, как это было на стороне противника. Совместные действия императорских-королевских войск с германскими силами на восточном фронте не носили первоначально вполне законченного характера, причем основная услуга, оказанная нам союзной австрийской армией, выразилась в привлечении на себя главной массы русских войск.

Поддержка, которая была оказана нами австро-венгерской армия наступлением 9-й армии в Польше, сдвиг императорской-королевской 2-й армии к Верхне-Силезской границе, вкрапливание отдельных германских дивизий на фронт союзных с ней держав, создание германской южной армии в Карпатах и, наконец, полное слияние войск обоих держав в армейские соединения, как это первоначально имело место в начале 1915 года под командой Макензена, а впоследствии в армейской группе Линзингена, указывают на последовательные этапы взаимного об'единения обоих армий, что имело место и в операциях против Сербии и Румынии.

Это об'единение потребовало длительной совместной работы командования обоих сторон, которая привела к изданию временного положения удовлетворяющего, как гл. Германскую квартиру в Плесс, так и Австро-Венгерскую гл. квартиру в Тешене. К этому же вынуждали условия необходимой переброски войск с восточного фронта на юго-западную границу Австро-Венгерской монархии против Италии, требовавшие обоюдной согласованности в действиях.

Первенствующее значение немецкого влияния, все более и более сказывающееся с течением времени, было вполне понятным, в особенности с появлением на театре военных действий, среди воюющих держав Турции и с осени 1915 года—Болгарии.

При совместных операциях на востоке это особенно сказалось с момента, когда фельдмаршалу Гинденбургу с ген. Людендорфом было поручено руководство операциями на этом фронте.

В полной мере единство управления достигалось присутствием государя в гл. квартире.

В лице его об'единялось военное и политическое руководство Европейской войной на суше и на море.

Авторитет монарха выявил свое значение во всех посредственных и существенных вопросах. Он был также в высшей степени ценен в вопросах прочности союза центральных держав.

Помимо этого, самое пребывание императора в армии, было особо важно для самой армии.

Присутствие высочайшего военного руководителя не только влияло вдохновляюще на войска, но и придавало большой вес издаваемым гл. квартирой распоряжениям, как исходившим непосредственно от его имени.

Этим самым избежали того положения, которое в прежнее время так часто связывало действия полководца и которое Мольтке охарактеризовал словами: „Самым несчастным бывает полководец, имеющий над собой контроль и обязанный ежедневно или ежечасно давать отчеты о своих предположениях, планах и намерениях представителю высшей власти и гл. квартире, или по проводу в тыл". При таких обстоятельствах должна отпасть всякая самостоятельность, всякая возможность принятия быстрого решения, возможность риска, без которых никакую войну вести нельзя.

Это же применимо и по отношению к руководителям отдельно действующих войсковых соединений, но с известными ограничениями.

Для них должно быть сохранено право свободы действий, но, конечно, в пределах допускаемых общими соображениями.

Это однако не исключает обязанности Командующих Армиями считаться и принимать к исполнению указания, передаваемые Начальником Штаба Главной Квартиры, от имени Верховного Главнокомандующего.

В 1866 году Мольтке лично, убедился насколько сказывается в этом отношении всякий промах. Несмотря на данные им еще из Берлина указания, по отношению к ведению операции против Ганновера, таковая не была проведена соответственно его желаниям. Сравнительно с тем периодом войн, значительно расширившееся соотношение сил в Европейской войне, настоятельно требовало единства управления.

Уже с самого начала нам пришлось иметь дело с 2-мя театрами военных действий, позднее с тремя, потом четырьмя и под конец, вследствии принятого нами частичного участия на Восточно-Азиатском театре и в Италии—с шестью различными театрами военных действий.

При современных условиях растянутости фронтов, по сравнению с временами Мольтке, требовалась гораздо большая твердость в управлении, чем раньше, тем более, что ввиду невозможности учесть все с одного места, приходилось дробить управление, предоставляя инициативу частным начальникам.

Современные армии по понятиям эпохи Наполеона и отчасти 1870/71 года, могут быть приравнены к тогдашним корпусам.

В своей совокупности, разница между управлением современными массами войск и 1870 годом значительно больше, чем между численностью войск, коими располагал Наполеон и теми, которыми оперировал Мольтке.

И в отношении руководства существовала разница. В начале кампании на западе, при движении вперед, было еще возможно давать армиям указания из главной квартиры на определенный фазис операции, ибо была возможность заранее предопределить ход событий. При дальнейшем развитии и более близком сопрокосновении войск с противником, главная квартира была лишена возможности уследить за быстро меняющейся боевой обстановкой.

Здесь приходилось считаться с необходимостью зря не лишать командующих армиями инициативы, связывая их своими решениями, и теряя тем самым часть, столь ценной на войне, моральной и духовной силы подчиненных,—воскресив „телеграфную зависимость" подчиненного от старшего начальника, против которой так ратовал Мольтке.

Совершенно иначе складывались взаимоотношения при позиционной войне: здесь требовалось твердое руководство приказами свыше, если не хотели обречь намечаемую операцию на поражение.

Часто это до известной степени вынуждало высший штаб к определенной сдержанности.

Использование телефона не должно носить характера опеки старшего начальника над младшим, с навязыванием ему своего решения, что может привести к нежелательным результатам. Этим только парализуются силы подчиненных, которые при возможности проявить инициативу, могли бы дать положительные результаты. Вместо оберегаемой ответственности вызывается нервность, в то время, когда на лице должно быть полное спокойствие.

Самое главное,—умение высшего штаба своевременно отпустить или натянуть вожжи, что достигается соответствующим воспитанием Генерального Штаба в мирное время, и этим самым приводить к единству взглядов старших начальников по всем существенным вопросам ведения войны по опыту Мольтке и Шлиффена, давшим блестящие результаты.

Единство взглядов всех штабов служило всегда гарантией успешного проведения, намеченного старшим штабом, плана и способствовало сокращению неизбежно возникающих трений при отдаче распоряжений: этим мы не мало обязаны нашим успехам в Европейской войне.

Существовавшая духовная связь во многом парализовала невыгоды, создаваемые большими пространствами.

Намечавшиеся на восточном фронте большие операции осенью 1914 года, необходимость разделения армий для действия в Восточной Пруссии и Польше и об'единение их руководства, потребовали назначения единого командования на востоке, в лице главнокомандую-

щего восточным фронтом, с расширенными полномочиями. Если задания, падающие на восточные и западные фронты и не были между собой связаны, тем не менее находились в теснейшей между собой зависимости, в отношении распределения и переброски войск, с одного фронта на другой и наоборот.

Верным осталось до конца, что исход кампании должен решиться на западе, поэтому на востоке должна быть устранена всякая опасность.

К этому же побуждало нас и наше отношение к нашим союзникам.

Таким образом, весной 1915 года наше поведение на западном фронте было всецело поставлено в зависимость от требования восточного фронта, где к тому времени, в предпринимаемой операции, старались найти решение к исходу кампании на этом фронте.

При этих обстоятельствах обнаружилась вся выгода наличия в крупном масштабе внутренних операционных линий, как это имело место в Австро-Венгрии, по отношению к России, Сербии и Италии. Наше положение напоминало положение Фридриха Великого в 7-ми летнюю войну, окруженного врагами. Северо-Немецкий театр военных действий, на котором начали развиваться операции, расширился в Европейский.

Расширившийся до огромных размеров внутренний плацдарм между фронтами преодолевался по железной дороге скорее, чем ограниченный в 7-ми летнюю войну район, проходившийся походными маршами. Значение железных дорог, как средства войны, было первоначально оценено в полной мере Мольтке, после чего и приступлено было к возможно широкому их развитию.

С тех пор их техническое усовершенствование и их применение делали постоянные успехи.

Уверенное руководство транспортной техникой, при соответствующей подготовке органов, подчиненных начальнику железных дорог армии, умевших преодолевать встречавшиеся затруднения и трения, дали не только возможность благополучно провести все переброски в августе 1914 года на запад и восток, но привели также и к тому, что командование могло быть уверено, что все переброски, как крупного, так и мелкого масштаба будут всегда выполнены своевременно.

Дорогам пришлось вести переброски не только целых армий с одного фронта на другой, но зачастую на отдельных фронтах прибегали к ним для проведения в жизнь того или иного маневра местного характера.

В этом отношении французы, с их богато развитой железнодорожной сетью, были поставлены в высшей степени выгодные условия, в особенности в начале кампании, когда мы были заняты восстановлением Бельгийских дорог.

Русская железнодорожная сеть была значительно менее развита, но тем не менее вполне допускала производство перебросок с одного фланга на другой, в то время, как мы и наши союзники могли производить таковые лишь обходными путями, и то эксплоатируемые железнодорожные линии не всегда выводили непосредственно в район операции.

Величина войсковых масс, принявших участие в Европейской войне, выдвинула условие большой зависимости от железных дорог.

В подвижной маневренной войне развитие операции не ставилось в такую зависимость от железных дорог, как в позиционной, при которой утвердилось мнение, что удержание позиции возможно только, если железными дорогами будет обеспечена своевременная подача огнеприпасов, продовольствия, пополнения людьми, эвакуация раненых, равно, как и планомерная организация всей санитарной части. Лишь временами бывало возможно отказаться от железных дорог и базироваться на авто-грузо-транспорт. Таковой на Западе, при наличии хороших шоссе, оказал не мало услуг, при совместной работе с железными дорогами, в особенности во Французской армии; в самостоятельном же применении он не мог всецело заменить железной дороги.

Прежнее мнение, о большой якобы чувствительности железных дорог, не могущими, при произведенных разрушениях, служить орудием войны, оказалось совершенно несостоятельным.

Восстановление разрушенных сооружений в 1870 году встречало затруднения; в данную войну современная техника находила необходимые средства к сравнительно быстрому устранению всех этих препятствий и тем самым восстановлению сквозного движения.

Там, где по пути движения встречались особые затруднения в исправлении пути, как осенью 1915 года в Македонии, операции должны были приостанавливаться или задерживаться в развитии.

Как неоспоримо то, что современные массы войск могут работать лишь при помощи железных дорог, снабжающих их всем необходимым для их жизни, так же ясно и то, что они не могут существовать при отсутствии связи и органов разведки. В своем описании осенней кампании 1813 года ген. лейт. ф. Фридрих приписывает поражение Наполеона отсутствию у командования возможности своевременно поддержать дравшиеся в Саксонии, Силезии, в Маркграфстве Бранденбургском, на нижней Эльбе и в Баварии войска Французской армии и сосредоточить своевременно до ½ миллиона, что было бы осуществлено лишь при наличии железных дорог или телеграфа. В то время численность армий переросла свою технику.

Даже и после, при открытии первых железных дорог и в начале применения телеграфа, эти недостатки техники не оказалось возможным сразу устранить, вследствие ограниченности технических средств, предоставленных первоначально в распоряжение войск.

В 1866 и 1870—71 годах были нередки случаи, когда телеграфная связь или отсутствовала полностью, или слабо работала.

В Европейской войне, в противоположность этому, командование и войска были богато снабжены всеми техническими усовершенствованиями, как то: телефонами, телеграфом и радио. Наличие легковых машин и железных дорог давало возможность осуществлять обмен мнений взаимным личным посещением руководителей или через особо доверенных лиц.

Если бы в данное время пришлось иметь дело с техникой времени 1870 года, войска и штабы должны были бы отказаться от развития операций. Как бы ценными ни оказались вспомогательные средства, представляемые ныне войскам для ведения войны, они все же не в состоянии были бы устранить и изменить всех тяжестей, лежащих в основе ведения самой операции.

Как раньше, так и теперь война сохраняет за собой элементы неизвестности и всевозможных трений в исполнении.

При составлении структуры главной квартиры, в основу был взят образец построения Пол. Управления 1870—71 года, но, принимая во внимание численность участвующих в войне армий, растяжку театра военных действий и необходимость большого развития отдельных технических управлений, пришлось таковые значительно расширить.

Непосредственно с Начальником Штаба главной квартиры совместно работали: Оперативное отделение, со временем Начальник железнодорожного Управления, Начальник Разведывательного Управления, Отделение по изучению иностранных армий, политическое отделение по доставке разведывательных данных, всех видов и вопросов, касающихся прессы, впоследствии еще Начальник Полевой Авиации и к концу войны Командующий—генерал всех воздушных сил.

Генерал—квартирмейстеру подчинялись: этапная и санитарная часть, Полевой Оберпочтмейстер, Генерал—Интендант гл. квартиры, Управление оккупированных областей, поскольку они еще не были выделены и об'единены в генерал—губернаторства. Генерал—квартирмейстер, таким образом, составлял часть Полевого Штаба, его назначение было освободить Начальника Штаба от всех тыловых забот.

Организация Армейских Штабов походила во многом на организацию гл. квартиры, но в меньшем масштабе. Для разгрузки Начальника Штаба, при Командующем состоял квартирмейстер армии, на которого выпадали все заботы о тыле; этим самым на него возлагалось непосредственное сообщение с Армейской Инспекцией этапов.

Однотипность органов управления армии и их неизменяемость облегчали руководство ими. Поэтому, основным желанием было сохранение ее в целом и устранение всяких стремлений отклонения от основной структуры.

Никакая, однако, организация не может удовлетворять всем могущим возникнуть на войне положениям, поэтому она должна быть так сконструирована, чтобы быть везде легко применимой.

Стремление сохранить первоначальное войсковое расчленение и этим самым предоставить командующим высшими соединениями воз-

можно дольшее влияние на войска, не оказалось возможным выполнить, по крайней мере пришлось его ограничить на дивизии.

. Им пришлось предоставить большую оперативную сомостоятельность, с вытекающими из этого последствиями.

Армейский корпус был зачастую превращаем в армейскую группу, дивизии которой часто менялись, как это приходится делать в позиционной войне для смены первой линии: в это же время, командование данного корпуса или группы, коему поручался определенный боевой участок, оставалось на месте. Число дивизий, подчиняемых такому командованию, колебалось между двумя и четырьмя.

Теоретически узаконенный вопрос о пользе применения в высших соединениях принципа „тройки“ должен был уступить господствующим требованиям, выдвигаемым войной.

Этот принцип ни в коем случае не представляет собой ничего нового и не связан исключительно с условиями позиционной войны.

Наполеон никогда не задумывался над вопросом количества дивизий, входящих в его корпуса.

Дивизии сводились в корпуса в зависимости от требований обстоновки, от личности командира корпуса и числа имевшихся в распоряжении низших войсковых соединений.

В эту войну, новостью, ранее не предусмотренной, было об‘единение в руках одного лица нескольких армий. Это вызывалось численным наростанием количества армий.

По мнению Клаузевица, на войне доминирующей над всеми целью—является уничтожение живой силы противника.

Теоретически Мольтке придерживался этого мнения и перенес его на практику во время войны. Его поучения были развиты Шлифеном. Он стремился поддерживать в войсках, еще в мирное время, всеми способами, мысль об уничтожении живой силы противника. Нас по существу воспитывали в стремлении к решительной победе, достигаемой простейшими путями, при невозможности—двойным охватывающим движением и к достижению результатов битвы при Каннах.

Следуя этим урокам, мы выступили в европейскую войну. Ей соответствовало наше распределение сил: на востоке — число войск строго необходимое лишь для защиты нашей границы, на западе— далеко превосходящие силы противника, массы германских войск, с намерением сразу же достигнуть на этом фронте решающих результатов.

Германский план 1914 года сводился к тому, чтобы правое крыло ускоренно продвинуть через Бельгию, тем самым выгадать пространство на левом фланге противника и постепенно продвигаться вперед обоими фланговыми армиями и двумя центральными на юг.

Этим путем были обойдены крепости на восточной границе Франции, 5-я армия, упираясь своим флангом в группу крепостей Мец—Дидеегофен, должна была заходить плечем. 6-й и 7-й армиям, равно, как войскам, защищающим Верхний Рейн, была поставлена

задача—воспрепятствовать французам, если бы они попытались, выдвинуться с линии крепостей в сторону Эльзас-Лотарингии. Быстрое развитие операции в Бельгии и победа, одержанная 6-й и правым флангом 7-й армии 30 августа в Лотарингии, давали основание расчитывать на возможность осуществления двойного охвата франко-англо-бельгийских сил. В то время, как правое крыло германской армии брало направление на Париж, левый должен был прорваться между Тулем и Эпиналем. Такой прорыв расстраивал планы французов, расчитывавших на свои крепости.

Охват их левого фланга не удался полностью.

Германская 1-я армия, по достижении линии реки Марны, оказалась сама под угрозой охвата со стороны Парижа. Правда, ей удалось отразить угрозу ее флангу, но между ней и 11-й армией противнику удалось прорваться большими силами. Тактически, германская армия дралась победоносно на всем фронте, но при своей слабости, она была вынуждена к отходу. Мы недосчитывались с начала операции четырех армейских корпусов. Два было переброшено в Восточную Пруссию, находившуюся под непосредственной угрозой вторжения в нее одной из русских армий, и по одному было оставлено в Антверпене и Мобеже.

Противник, в противовес нам, с отходом усиливался, превосходя нас примерно на $^3/_4$ миллиона. Здесь повторилось старое положение, являющееся результатом ослабления наступательной операции. Если бы мы располагали уступом за правым флангом, хотя бы одной армией, можно было бы возобновить попытку наступления. Выгоды французского расположения заключались в том, что их правый фланг был защищен линией крепостей, прикрывающих их восточную границу, а железные дороги давали возможность производить переброски войск кратчайшим путем. Эти выгоды сохранились и после отхода германских войск за Айзн.

Хотя наши противники и располагали богатыми средствами сообщения страны и господством на море, в то время, как мы базировались на разрушенные дороги Бельгии, однако же они не были в состоянии, после победы на Марне, перейти от тактического преследования—к стратегическому.

Попытки противника охватить наш правый фланг, при содействии с моря, удалось предотвратить своевременной переброской войск на правый фланг, за счет значительного ослабления центра и выдвижением корпусов, вновь сформированных в стране.

Ход событий осенью 1914 года во Франции свидетельствует о тех затруднениях, с которыми приходится встречаться, при выполнении задачи по охвату миллионных армий, если считать, что таковая задача при современных условиях выполнима. Аналогичное этому—разыгралось позже на Востоке.

В Мазурской операции в феврале 1915 г. посчастливилось разгромить русскую правофланговую армию. Не взирая на существенное

значение местного характера, которое имела эта операция, в конечном итоге она мало отразилась на общем положении всего фронта: влияние ее было в этом отношении ограниченное. Осенью того же года не удалось, как на то надеялись, развить в широком масштабе хорошо задуманную операцию—охвата русской армии со стороны Вильно.

Наших сил хватило для выполнения задачи по уничтожению значительных русских сил, но им не удалось развить достигнутых успехов. Громадные пространства территории, отдаваемые русскими, облегчали им задачи, давая возможность уклониться от удара. Удар, нанесенный на одном из флангов растянутого фронта, не мог иметь того же значения, которое он сыграл бы при более коротком общем фронте. В данном случае, применение учения Шлиффена о принципах битвы при Каннах, не может получить полного развития и является ограниченным, по вышеизложенным причинам.

Как показал опыт, гораздо легче провести операцию охвата отдельной армии, чем всего фронта противника, что и подтвердилось в полной мере под Танненбергом, (разгром армии Самсонова. М. Б.) равно, как под Ангербургом—в Мазурских озерах и в меньшем масштабе в Германштадте, в 1916 году.

Из этого, однако, не следует, что значение охватов флангов выходящих за пределы частных задач отдельных армейских участков, утратило свое значение, оно остается по прежнему в силе, о чем свидетельствует ход событий операции ноября 1914 года между Вартой и Вислой, когда русские армии, имевшие задачей выдвижение к Познанской и Силезской границам, были приостановлены движением им во фланг девятой германской армии.

Русские армии приостановились, две из них были вынуждены принять к северу.

Прием, предпринятый немцами, по замыслу напоминает фланговый удар Фридриха под Люценом.

Если на восточном фронте вышеуказанные обстоятельства служили препятствием к охвату, то на западном,—охват стал невозможен с осени 1914 года, когда обе воюющие стороны оказались, на протяжении 750 кил., засевшими друг против друга за укрепленными линиями, фланги которых упирались в море и в нейтральную Швейцарию.

Это привело к необходимости искать решения задач, как на востоке, так и на западе, в прорыве расположения противника, применением массовых действий тяжелой артиллерии и минометов.

Этот прием, примененный впервые 2/V 1915 года под Горлицей и Тарновым, привел к блестящим результатам. Оперативное значение его, в данном случае, было потому столь велико, что удар одновременно отразился и на правом фланге Карпатского фронта, вследствии чего последний, под влиянием распространяющегося и на него действия преследования, был вынужден к постепенному отходу. При

дальнейшем своем продвижении в Галиции и между Вислой и Гудом армейская группа Макензена, для дальнейшего прорыва русского фронта, при встрече с его стороны упорного сопротивления, преодолевала его путем массирования большого количества механических средств боя, в пунктах намеченных для прорыва, чем и достигла успеха. Войска, оказавшиеся по соседству с прорывным участком, вследствии отхода их и под угрозой нашего охвата, также отходили. Бои армейской группы Гальвица, приведшие к форсированию р. Нарев, могут быть также отнесены к боям, носящим характер прорыва. Подобного рода фронтальные атаки требуют тщательной подготовки и точной отдачи боевых распоряжений, если только прорыв укрепленной позиции преследует достижение намеченной цели, а не бесполезных, не приводящих к положительным результатам, потерь.

Отдельные боевые эпизоды, при современной технике вооружения, не могут дать сразу решительных результатов и протекают с молниеносной быстротой. Они требуют от руководителей и их штабов большой выдержки и терпения.

Тщетно пытались русские осуществить то, что нами было достигнуто в 1915 году и 1917 году под Тарнополем, равно как и в 1917 году на итальянском фронте под Толмшеном. Правда, Брусилов достиг значительных результатов своим наступлением, предпринятом в 1916 году в Волыни и Галиции, но развить свой успех он не смог. Веденные на нашем западном фронте французами и англичанами повторные атаки, зимой 1914—1915 года и 1917 года, с применением с их стороны огромного расхода снарядов, в такой же степени не увенчались успехом; им не удалось помощью техники сломить моральную силу германских войск и достигнутые ими успехи были лишь местного характера. Наравне с русскими, атаки наших противников на западе носили отпечаток—бесцеремонного ввода в действие человеческих масс.

Этому наступлению масс противника мы противопоставили всю силу современного оружия.

В 1915 и 1916 годах мы сочли себя вынужденными, ввиду превосходства противника, придерживаться пассивной обороны, при которой, однако, у нас была полная уверенность сохранить занимаемые позиции. Как бы ни было тяжело, но наши доблестные войска должны были выдерживать ураганный огонь противника. Лишь в 1917 году нам удалось, в силу успехов своего военного производства, сравняться с противником в количестве артиллерии, огнеприпасов, пулеметов и, одновременно, путем достигнутого сокращения фронта и сформирования новых дивизий, обеспечить стоящие на фронте войска значительными резервами, что дало возможность перейти к активной обороне. Мы не цеплялись теперь прочно за определенную линию, а стремились создать глубину обороны. Этим мы оградили свою пехоту от больших потерь, которые она несла в первой линии: мы стали держать в ней минимальное количество войск.

В случае проникновения противника в первую линию, наши пулеметы оказывали свое могучее действие и противник отбрасывался подоспевшими резервами.

Отражение этих аттак разыгрывалось весьма различно, в зависимости от условий местности.

Поэтому, изложенный выше способ действий, не мог быть принят за правило; однако, были случаи, когда оказывалось нередко выгоднее применять старый прием и занимать первую линию обороны большим числом людей.

И в отношении обороны, слова Фридриха Великого остаются в силе: „Каждое поле сражения приводит к новому виду боя“.

Согласно существовавшим до войны взглядам на ведение операций, мог возникнуть вопрос о предоставлении противнику, по заранее обдуманному с нашей стороны плану, производства прорыва с тем, чтобы после этого принудить его, на полях оккупированной Франции и Бельгии, к большому встречному сражению и этим видоизменить дальнейший ход кампании.

Но и такой встречный удар крупного масштаба, в конечном счете, опять таки, привел бы к необходимости преодоления вновь созданных позиций. Если бы наш план не удался, он привел бы к постепенному, частичному очищению оккупированных нами земель противника. К этому надо еще добавить причины морального свойства, печать противника не преминула бы истолковать ход событий в выгодном для нее и ее стороны освещении, раздувая чрезмерно события и нанося нам этим удар в спину; дело шло о слишком серьезных вопросах и о действительной защите родины, которое было нам гарантировано владением территории противника, чтобы мы решились, хотя бы временно, уступить эту территорию. Мы должны были, кроме того, стремиться к использованию богатой фабрично-заводской деятельности края в нашу пользу. Частичный добровольный отход наш в районе Анкра, на Сомме и Уазе, на укрепленные „позиции Зигфрида“ (наименование укрепленной полосы. М. Б.) предпринятый зимой 1917 года, вызывался необходимостью улучшить наше положение и укрепить фронт.

Последнее было необходимо, так как позиции, как проходившие на территории боев осени 1914 года, не были заранее предназначены и не удовлетворяли всем требованиям. Отход на „позиции Зигфрида“ являлся сам по себе активной обороной; для противника же он на большом своем протяжении являлся неожиданностью. Наш легко выполненный отход дал нам выигрыш во времени, большую прочность, и позволил создать, путем сокращения фронта, необходимые резервы, противнику же преследование стоило больших жертв.

Перемирие и мир на восточном фронте дали нам возможность, к началу 1918 года, сравняться в силах на западе. Предпринятое нами в конце марта, после превосходной артиллерийской подготовки наступление привело к тяжелому поражению 2-х английских армий

Это наступление лишний раз доказало, что при соответствующей подготовке операций, прорыв фронта противника, даже при наличии современных технических приспособлений и хорошо укрепленных позиций, вполне возможен. Тому же нас учат успешные атаки германской армии на Фландрском фронте и на Айэне в конце мая, которые привели нашу 7-ю армию к берегам Марны. Вопрос невозможности нашему командованию развить достигнутый успех и тем самым дать конечный исход кампании, не противоречит основной мысли о прорыве. Уже при наступлении германских и австро-венгерских армий в Галиции летом 1915 г., было указано, что предпринимаемое большое наступление должно иметь свой предел и быть выиграно в ограниченном пространстве, к чему вынуждает необходимость подвоза огнеприпасов и прочих предметов потребления войск, связывая этим волю руководителя.

Во Франции в 1918 году, где мы имели дело с противником, богато снабженным всевозможными техническими средствами и броневыми машинами всех видов, в значительно большей степени, чем русские в 1915 году, эта теория тем более приложима.

Тяжелые потери, понесенные в начале 1918 года англичанами и французами, компенсировались появлением американских войск и вводом их в боевую линию, что привело снова к такому соотношению сил, при котором противник нас численно превосходил. Можно было бы опасаться, что при получившейся растянутости фронта, мы не сможем удержать занятой территории, противник же, об,единенный к тому времени в руках одного начальника, мог подумывать о контр наступлении, в особенности, после неудачно предпринятого нами наступления на Реймс и связанного с ним по времени набега через Марну. Скрыть от противника это наступление не удалось. Здесь, не впервые в эту войну, сказались большие затруднения, испытываемые командованием от воздушной разведки противника. Правда, мы извлекали не мало пользы от данных нашей воздушной разведки, но возможность застигнуть противника врасплох, значительно ею ограничивалась.

Обороняющийся, в этих случаях, поставлен в более выгодные условия, чем наступающий, стремящийся к достижению намеченной цели.

Ему придется для подхода к полю сражения и сосредоточения, использовать покров ночной темноты, как это и практиковалось нами с начала весеннего наступления, хотя самый бой больших масс войск должен вестись при дневном свете. Тем не менее, многочисленные примеры Европейской войны указывают, что случаи захвата противника врасплох не могут почитаться за исключение.

Успехи германских летчиков росли не переставая.

Их умение и превосходство наших систем в большинстве случаев компенсировали численное превосходство противника.

Это должно служить указанием, что если не оказалось бы возможным заглянуть глубоко в тыл противнику, пользуясь превосход-

ством своей конницы, выполнение этой задачи могло быть поставлено боеспособной воздушной эскадрилье.

Парализование воздушной разведки противника, позволит нам свободно заглядывать к нему в тыл, разгадывая его намерения, будучи в состоянии одновременно скрывать свои. Воздушная разведка в Европейскую войну заменила собой кавалерийскую разведку. Все же конница необходима. На подвижных фронтах она многократно была применяема с пользой и даже в больших массах. . . Когда, летом 1918 года, противник перешел большими силами в наступление юго-западнее и южнее Суассона, потом севернее Айэна и между Уазой и Айэн, германская главная квартира не сочла возможным удержать имеющимися силами растянутый фронт и приготовилась к отходу, первоначально на те позиции, с которых было предпринято весеннее наступление. В случае предпринятого противником контр-наступления, занимаемые нами окопы возникшие на линии, не доведенного до конца нашего наступления, не давали гарантии возможности упорной обороны, как не приспособленные к ней и не расчитанные на экономию сил. В силу этого, их оборудование не отвечало всем требованиям позиционной войны. Когда же были частично прорваны и эти позиции, нашему командованию удалось, путем искусно веденного отступления, месяцами еще держаться на территории противника, что позднее было признано и противником. Такой отход возможно осуществить лишь с хорошими войсками, что и было доказано.

Независимо от неудачи наступления у Реймса, помышлять об активности в течение лета 1918 года было бы возможно лишь при условии, если бы мы располагали большими силами и соответствующими техническими средствами, которые позволили бы нам перейти в наступление одновременно в нескольких пунктах. Лишь при этих условиях можно было надеяться на успешный исход, если вообще о нем возможно говорить на войне, в особенности, учитывая невыгоды нашего сильно выдвинутого к западу расположения, севернее Вердена и у Реймса.

Занятая нами территория служила хорошей защитой родине и прекрасным плацдармом против Англии. Однако этот район долго был под угрозой, как с юга, так и востока. Предпринимаемая из этого района большая, длительная наступательная операция, встретила бы на своем пути не мало затруднений, ввиду того, что фланги атакующего были бы все время под угрозой противника. Впрочем, это в порядке вещей, и каждый прорыв фронта противника, по мере его развития, приводит к необеспеченности флангов, и лишь в том случае, если хватит сил принудить весь фронт противника к отходу— можно расчитывать на полный успех и считать прорыв удавшимся в полной мере. Затруднения, которые пришлось преодолеть и выгоды которыми располагал противник, не было возможно сразу оценить.

При помощи богато развитой железно-дорожной сети, противник мог всегда использовать выгоды своего концентрического положения

и своевременно подать резервы, тем самым приостанавливая наш удар и смыкая прорванный фронт.

Наше расположение в Сев. Франции и Бельгии напоминало, до известной степени, большую осажденную крепость, а наши атаки уподоблялись вылазкам в крепостной войне. Лишь если бы в нашем распоряжении оказались большие силы, которыми мы были бы в состоянии предпринять и одновременное наступление по Эльзас-Лотарингия, эти невыгоды сгладились бы.

Совершенно ошибочно утверждать, что в будущем позиционная война будет также доминировать, как и в Европейскую войну.

У нас, на западе, она приобрела столь существенное значение вследствие того, что здесь мы были вынуждены иметь дело с противником, готовившимся к войне годами и потому, что даже и в 1918 году, с имевшимися в нашем распоряжении силами, мы не смогли бы долго вести полевую войну.

Но это не говорит в пользу сил и умения наших противников, которые, обладая уже в 1915 году и в последующие периоды войны превосходстом сил и техники, не могли использовать невыгоды растянутости нашего фронта, не атаковали и не отбросили нас, тогда же за Рейн. Когда в 1918 году они достигли явного превосходства сил и стали при помощи своих бронемашин и танков последовательно прорывать наш фронт, мы все же оказались способными противопоставить им упорную оборону.

Этим была доказана возможность серьезного сопротивления и при современной технике, и при наличии хороших войск. Вряд ли окажется возможным противопоставить танку более действительные средста, чем те, коими мы располагали. В будущих войнах все стремления должны быть направлены к тому, чтобы сохранить за характером боя его подвижность, так как только этим достигались наиболее существенные результаты в европейской войне.

Придется также учесть необходимость участия элементов позиционной войны, а с ними и применения всех технических средств борьбы на суше и в воздухе. Следует добиться того, чтобы разбитый противник был лишен возможности оказывать сопротивление, на заранее устроенных тыловых позициях, что оказывается выполнимым при современной технике оружия, а для этого в первую очередь следует уничтожить силу огня его пулеметов.

Ход событий в начале кампании на западе в 1914 году,—блестящая операция по освобождении В. Пруссии, веденная по внутренним операционным линиям фельдмаршалом Гинденбургом, германо-австро-венгерское наступление, веденное в Галиции и Польше летом 1915 года, сражения в Сербии и Румынии, служат доказательством, что полевая маневренная война не только не утратила своего значения, но что лишь она одна может привести к решающим результатам.

К этого рода ведению войны мы и были воспитаны, и в этом отношении превосходили своих противников. Американские и английские войска никогда не могли достигнуть той подготовки, которая требовалась от войск для маневренной войны. Они могли удовлетворять лишь требованиям позиционной войны. Причины, по которым мы не могли продолжать наступление, изложены выше. Там же, где оно нами применялось, мы доказали высокую степень подготовленности, как наших войск, так и их руководителей, умевших преодолевать все встречающиеся на пути препятствия.

Время проведенное нами в окопах, защита которых нам была поручена, нисколько не противоречит, как решающему значению, присущему активному ведению войны, так и старой истине, что „вести войну—значит атаковать". Европейская война, с ее новой техникой оружия, внесла некоторые поправки в основные положения вождения войск. Дальнобойность, равно как большая меткость отдельного выстрела и воздушная война, требуют большого опыта, отражающегося на самом процессе ведения войны.

Оборона выиграла в силе своего сопротивления, оценка местности частично стала иной, чем прежде, равно как и вопросы обороны рек и горной войны, но, все же, было бы неосновательно делать из этого выводы полного изменения основных принципов войны. Новые средства войны требуют от вождя большой осторожности, но как раньше, так и теперь, смелость остается первым требованием. И при современной технике оружия остаются в силе слова Клаузевица, который считает, что для всякого—от конюха и до полководца, она является благороднейшей добродетелью, дающей оружию из хорошей стали должный блеск и остроту".

* *
*

Рассмотрим те же положения в условиях гражданской войны:

1) Принцип единства руководства—Советской России пришлось фактически вести войну против многочисленных врагов единолично, если не считать временное участие красных венгерских войск и Советской Баварии, а также и Украйны, в период первого ее освобождения, когда она пользовалась большей самостоятельностью в военном деле, чем теперь.

Фактически, полная изолированность Баварии и Венгрии от нас не давала нам возможности, в какой либо степени, влиять на ход операций этих войск и поддержать их, что привело обе неокрепшие Республики к поражению. Есть полное основание считать, что положение Советской Венгрии было бы иным, если бы Советская Россия имела возможность оказывать ей реальную помощь и руководить ее операциями. Ни политическая обстановка, ни самый ход операций у нас, не дал нам этой возможности.

Зато результаты самостоятельности Украйны явились блестящим доказательством тех невыгод, которые получаются при отсутствии единства руководства. В течение весьма непродолжительного времени мы лишились правобережной Украйны, которую У. С. С. Р. своими

средствами и силами, как она это предполагала, удержать не с'умела. Этот неудачный опыт привел к тому, что теперь войска и весь военный аппарат Украины, на общем основании, об'единен в руках единого командования Р. С. Ф. С. Р., от этого автономия Украины нисколько не страдает, а в деле управления и общего руководства достигнута большая стройность.

И в будущем надо считать, что, если на долю Р. С. Ф. С. Р. и выпадет задача освобождения порабощенных народов или оказание содействия пролетариату той или иной страны в его борьбе с поработителями, Русское командование, помогая ему, будет вынуждено следовать принципу сохранения единства руководства, которое лишь одно способно дать реальные и положительные результаты. Этим самым вовсе не сказано, что строющий свою Красную Армию пролетариат, той или иной страны, будет стеснен в деле создания своих национальных войск, с присущими данной стране особенностями,—ему придется лишь для собственного блага считаться с руководящими указаниями Русского командования, пока новая Армия не окрепнет и не будет вне опасности.

2) Твердость Управления:—остается неизменной во всех войсках. В гражданской же войне, как классовой, эта твердость должна быть выявлена полностью.

Лишь этой твердости мы обязаны своим победам.

Описание различных эпизодов из нашей войны дает нам ряд примеров, подтверждающих это требование. Наиболее же характерным является ход событий при взятии Перекопа и Сиваша. По имеющимся оффициальным данным—(разгром Врангеля—издание Политического Управления южного фронта)—лишь твердость командования и решение овладеть Перекопскими позициями ночным штурмом дали нам победу и разгром противника. Момент был безусловно решающий, войска были утомлены дневным боем и потерями.

Малейшая неуверенность или колебание начальников, сразу же сказались бы на подчиненных, что могло бы дать совершенно отрицательные результаты. В гражданской войне твердость должна быть проводима не только в принятом решении, но и в отношении всего управления, считая и руководство всем тылом. Малейшая неурядица в тылу, малейший беспорядок, болезненно сказываются на войсках. Поэтому и не должно быть никакой жалости в деле создания прочного, работающего как часовой механизм, тыла. Все, что в той или иной мере может мешать или вредить фронту, должно быть из'ято и обезврежено. Войска должны чувствовать, что раз отданное распоряжение должно быть исполнено, тыл должен считаться с тем, что в работе его не может быть никаких перебоев. Это в свою очередь налагает на начальника большую ответственность за отдаваемые распоряжения и требует от него большой и всесторонней его продуктивности.

В гражданской войне обстановка зачастую меняется молниеносно. Это тем более вынуждает нас заранее учесть возможные комбинации,

памятуя, что нет ничего хуже, как ряд последовательно отданных распоряжений, не связанных общей идеей, а подчас и противоречащих одно другому.

Подобная система в корне подрывает авторитет начальника и противоречит принципам твердости управления.

3) **Подготовка штабов и значение единства взглядов** является элементом, облегчающим начальникам всех степеней, а в особенности старшим войсковым начальникам, управление войсками, и в этом отношении применимо и в гражданскую войну, еще в большей степени. События развиваются в большинстве случаев с головокружительной быстротой. Времени мало, надо действовать, распоряжаться, не теряя времени, понимая своего начальника с полуслова. Вот это понимание и создается соответствующей подготовкой штабов к той работе, которую им придется выполнять во время войны и развитием среди начальников единообразного понимания военного дела, как в смысле обучения, так и в деле ведения операции.

Не останавливаясь детально на способах подготовки штабов и соответствующих начальников, могу лишь указать, что в том и другом мы сильно грешили. Основными причинами этому были — ход событий,— вынудивший нас, параллельно с формированием Красной Армии, вести войну на всех фронтах, при отсутствии готовых аппаратов и начальников. Старая армия оставила в этом отношении слабое наследство. Штабы пришлось формировать заново, подчас чуть ли не в боевой линии, кустарным способом. Во главе ставить надежных, в политическом отношении, людей, не всегда подготовленных к роли военного начальника. Так называемые военспецы, первоначально не были годны к этой роли, ни по своим убеждениям, ни потому, что дух гражданской войны им не был понятен. Лишь со временем, по истечении многих месяцев, часть бывших офицеров, влившись в ряды армии, сжилась с новыми традициями и ее духом. Одновременно появились и среди не военных отдельные „самородки“, сумевшие в короткий срок охватить основы военного дела и умело руководить операциями, нанося противнику одно поражение за другим. Все это вместе взятое привело к тому, что как организмы штабов, так и состав высших начальников, оказались крайне разнообразно подготовленными, причем отрицательной стороной этого дела было то, что тем и другим, в зависимости от фронтов, на который они попадали, приходилось всякий раз применяться к новым требованиям. И эти требования зависели не от местных или политических условий, а от разницы самой постановки дела.

Это в большой степени отражалось на ходе работ. Поэтому и сейчас можно смело считать, что принцип подготовки штабов и выработка единого взгляда на военное дело, остались и останутся, всегда и при всех условиях, в силе.

4) **Внутренние операционные линии** — в Европейскую войну дали возможность немцам выдержать беспримерную 4-х летнюю войну, кото-

рая закончилась их поражением лишь в силу истощения сил страны, внутренних осложнений и большого численного превосходства сил противника.

Нам, выгоды действий по внутренним операционным линиям, дали возможность выдержать трехлетнюю гражданскую войну, выйдя из нее победителями, не взирая на встречаемые на пути трудности. Это же подтверждается в „эпоху Фридриха Великого".

Основная выгода действий по внутренним операционным линиям—возможность сосредоточить в кратчайший срок, на любом направлении, превосходные силы и большую координированность действий. В частности, это позволило нам, широко прибегая к содействию железных дорог, бить наших противников по частям, используя отсутствие у них единства действий. В ряде целых операций, последовательно веденных на том или другом фронте, мы разгромили Колчака, потом Деникина, Врангеля и понудили Польшу к прекращению войны.

Не подлежит сомнению, что в деле разгрома наших врагов играли роль и другие причины, как-то: разруха в его армии, нежелание народных масс поддерживать белые правительства, и т. п., но все эти причины являлись следствием основной причины—того толчка, который был нам дан извне, путем использования нашего выгодного стрелкового положения.

Кроме того, действие по внутренним операционным линиям дает нам и экономию сил и средств, в силу возможности массирования того и другого на одном фронте, за счет ослабления другого, чего не мог делать наш противник, действующий по расходящимся направлениям.

К этим переброскам мы широко прибегали в течение всех трех лет гражданской войны. Это основное положение останется в силе и в будущих классовых войнах.

5) Значение правильной оценки обстановки. В Европейскую войну немцами было правильно учтено, что исход кампании следует искать на западе.

Отсутствие сил и средств, большое количество фронтов и противников, лишило их возможности искать генерального сражения на западе до 1918 года, что привело к позиционной войне, с применением, невиданных до сего времени, технических средств и в результате поставило их в такие условия, которые не исключали возможности доведения дела до решающего сражения.

Но вместе с тем они имели в своем распоряжении 3 года.

Гражданская война рождается быстро, количество фронтов зачастую сразу учесть нельзя, пролетариат может оказаться одновременно перед лицом нескольких противников.

Поэтому—правильное понимание обстановки, быстрая оценка своих противников, является еще более важным, ибо малейшая в этом отношении ошибка может привести к полному поражению. Умение учесть все стороны, понять своих противников, их силу и качества—удел немногих и зависит от индивидуальных качеств вождя. В этом отношении положительным примером служит операция восточного фронта против Колчака, завершившаяся его разгромом, и как следствие,—последовательный разгром Деникина. Следует отметить, что операция была начата по почину командующего восточным фронтом, помимо указаний полевого штаба, считавшего тогда более выгодным операцию против Деникина; соответствующая оценка обстановки дала в наши руки победу над двумя, наиболее опасными противниками.

И в будущем, надо полагать, это положение останется в силе.

6) **Влияние железных дорог на операции**—в условиях гражданской войны играет первенствующее значение.

Влияние элемента быстроты приводит к необходимости широкого использования железно-дорожной сети; как нигде, в гражданской войне, существенно своевременно поддержать восставший пролетариат.

Не столь существенно численное превосходство, как моральное значение и под'ем, достигаемый своевременной подачей хотя бы и небольших частей, что может быть достигнуто лишь путем железно-дорожных перебросок.

Поэтому всесторонняя опека и забота о железно-дорожной сети является одной из главных забот. Развитие ее и преумножение должно являться одним из основных требований строительства страны.

С другой стороны, это приводит к необходимости пролетариату, готовящемуся к борьбе и его вождям, иметь весь железно-дорожный аппарат на своей стороне и на особом учете. В остальном, все основные положения остаются неизменно приложимыми.

В частности, уместно указать на огромное значение, которое приобрели бронепоезда и на то влияние, которое они будут иметь в будущем.

Опыт нашей трехлетней гражданской войны дает нам в этом отношении весьма богатый материал. Применение бронепоездов на всех фронтах получило широкое распространение и работа их оказала, не раз, неоценимые услуги нашим красным бойцам.

7) **Воспитание войск в наступательном духе**,—из всех видов войн наиболее применимо в гражданской войне, по характеру своему подвижной и маневренной. Маневрировать же могут только те войска, которые воспитаны в духе активности.

Помимо этого надо иметь ввиду, что инициатива в операции в руках того, кто будет наступать. В гражданской войне нередко мо-

гут представиться случаи, когда от небольшой части потребуется проявление максимума энергии и наступательного порыва, от которого будет зависеть успех и перевес на стороне наступающего. Воевать значит драться, а драться—значит наступать.

Кроме того следует помнить, что наступающий имеет все преимущества на своей стороне: он подчиняет волю противника себе, влияет на его моральные стороны, заставляет общественное мнение считаться с ним.

Это своего рода гипноз.

В гражданской войне, где события развертываются гораздо быстрее, чем в условиях проведения операции империалистических войн, „промедление—смерти подобно".

Одно, два быстрых продвижения, своевременная переброска и поддержка того или другого района—и победа может оказаться в руках пролетариата, оградив его от лишних потерь и пролития крови.

Таким образом, всемерно следует воспитывать в войсках импульс движения вперед, вселять в них дух ударности действий, как единственное средство, приводящее к решению и дающее войскам победу на полях сражения и инициативу начальникам.

8) Значение и разница тактического и стратегического преследования.

В Европейскую войну усовершенствованная техника приводила к тому, что войска, прорвавшие фронт противника, не были в состоянии довести дело до стратегического преследования, т. к. они наталкивались по пути своего движения на новые позиции, за которые укрывался отошедший противник, и были вынуждены снова приступить к правильно веденной атаке, с применением всех средств новейшей техники. К тому же, прорыв укрепленной позиции, помимо огромных расходов в технических средствах и снарядах, требует огромного морального напряжения, на которое могут быть способны лишь крепкие и прекрасно подготовленные войска. Поэтому в позиционной войне каждая операция вряд ли будет доведена сразу же до стратегического преследования, т. е. до момента, когда весь фронт придет в движение и противник будет вынужден перейти от позиционной войны, к маневренной—полевой. В полевой войне, где нет сплошных линий окопов, исход кампании ищут в сражении: шансов на стратегическое преследование в этом случае гораздо больше.

В гражданской войне, операцию следует вести с таким расчетом, чтобы она непременно приводила к сдвигу противника, и при том не частичному, а по всему фронту. Иначе говоря, необходимо доводить бой до конца и начинать его при таком соотношении сил и группировке, чтобы он закончился стратегическим отходом противника и нашим преследованием. Самое преследование должно вестись по всем правилам, а марш—маневр должен таить в себе ту группировку, которая диктуется стратегической и политической обстановкой. Последнее в особенности важно, так как войска требуют постоянного руководства и управления. Оно должно быть тем тверже, чем серьезнее

наш противник, дабы предотвратить всякую возможность поражения наших частей. Война на польском фронте служит блестящим примером. Произведя сдвиг всего фронта и стратегически преследуя противника, мы, по мере нашего дальнейшего продвижения, не только оторвались от своих баз, но и потеряли фактически управление войсками, что привело к необходимости очистить почти всю территорию и к большим потерям. Во всяком случае, в маневренной войне, каковой по типу является гражданская, надо искать и добиваться случаев стратегических преследований и раз начав его, доводить до конца, не давая противнику одуматься. Положительным примером служит разгром Колчака. Наоборот, на южном фронте нам не удалось закончить Деникинского разгрома, что вызывалось разными обстоятельствами и в результате мы имели Врангеля, с которым покончили лишь в 1920 году. Последствия его пребывания на юге в Крыму, определенно сказывались на всем ходе польской операции и, поневоле, вынуждали нас иметь глаз на Крымский полуостров, со стороны которого мы должны были ожидать всяких неприятностей, не говоря уже о необходимости держать там войска.

9) **Охват и прорыв.** В германскую войну немцы применяли прорыв на западном фронте и оба вида на остальных фронтах. Учитывая подвижность и маневренность гражданской войны, можно считать, что охвату будет уделено больше внимания. При отсутствии сплошных линий, охват окажется легче применимым, чем прорыв, который потребует большой затраты сил, энергии, тактики и технических средств. Если же придется применять систему прорыва, то формы его не будут носить того характера, как в европейскую войну.

Мало вероятий, что в будущих классовых войнах нам придется встречать сплошные укрепленные линии западного французского фронта. Скоротечность войны, появление отдельных очагов борьбы дает уверенность, что в течение долгого, во всяком случае, времени не будет сплошного фронта, а лишь прерывчатый и решение охвата будет само напрашиваться. Кстати, следует указать, что это обстоятельство, необеспеченности флангов, требует соответствующей выучки и подготовки войск в духе небоязни охвата наших флангов и постоянных забот об обеспеченности их резервами. В этом отношении мы далеки от совершенства и следует признаться, что в большой мере наш отход из под Варшавы был вызван и полным отсутствием резервов на левом крыле западного фронта, и слабостью дерущихся там войск.

10) **Влияние тыла на развитие хода операций.** Немцы совершенно справедливо указывают на то, что развитие операции, в смысле ее наступательного движения, во многом поставлено в зависимость от своего тыла, его организации и готовности.

При неготовности тыла, операцию приходится приостановить. Эти рассуждения применимы и к гражданской войне, т. е. здесь наше движение поставлено в зависимость от своего тыла, но с той разницей, что бывают случаи, когда обстановка вынудит командование, не взирая на тыл, все же продолжать наступление. В этом отношении рецептов давать не приходится.

Все зависит от внутреннего чутья, от понимания самой обстановки,—подсказывание здесь не поможет. Многое зависит и от самого противника, его качества. На Востоке мы имели дело с колчаковскими войсками, их следовало преследовать беспрерывно, не давая ни днем, ни ночью отдыха. Всякое промедление могло дать им передышку и возможность оправиться. Следовательно, здесь можно было пренебречь тылом, во имя самого главного—полного разгрома армий белых.

На западе, наоборот, этот Восточный прием был неприменим. Польская армия, правда потрепанная, отходила от нас в большом порядке, с маневром, ускользая от нашего удара. Это ставило нам требование совершать марш—маневр с большой осторожностью и с вполне налаженным тылом, что не всегда имело место в действительности.

11) **Значение авиации.**—В будущем, авиации принадлежит самое широкое поле деятельности. Ее придется применять всесторонне и как средство связи, и как средство разведки, и для чисто боевых и политических целей.

Уже эти три года войны показали, какое огромное значение приобрела авиация в гражданскую войну, какой она была нам пособницей в операциях, и как многим мы ей обязаны.

Соответствующее развитие ее, является не только военным делом, но чисто государственным. Выигрыш боев будет на стороне тех, кто сумеет правильно использовать воздушный флот, и будет богаче этими техническими средствами.

12) **Значение переноса войны на территорию противника и вытекающее отсюда, как следствие, требование активности.**

В империалистических войнах этот принцип,—ведения войны на чужой земле ради сохранения своей, был вполне естественным уже по одному тому, что была возможность заранее расчитать силы сторон, вычислить степень возможности быстрого сосредоточения, перехода границы и т. п.

В гражданской войне все это не исключено, но возможны и такие случаи, когда фронты возникнут сразу и неожиданно, в районах заранее непредусмотренных, поэтому можно считать желательным перенос действий на территорию противника, но не обязательным, по вышеизложенным причинам.

Вообще же надо считаться с тем, что в большинстве случаев войну придется вести вне зависимости от того, на чьей земле решается бой.

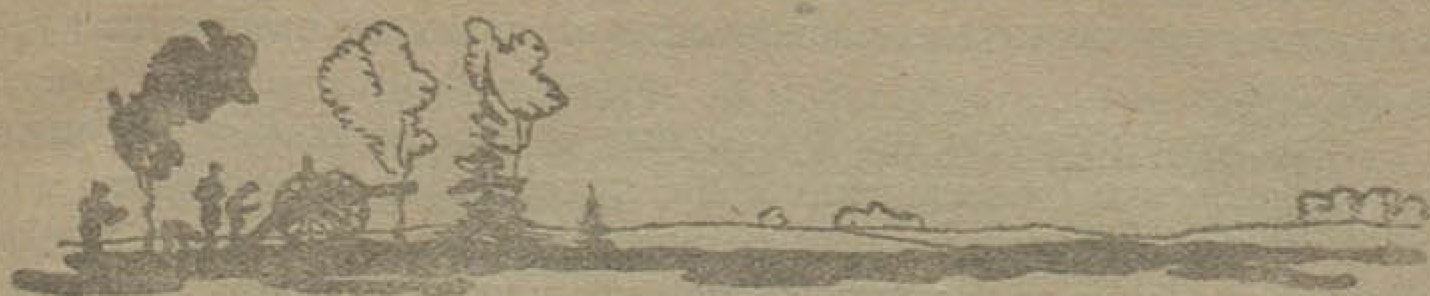
Подвижность фронта, его постоянная изменяемость, которая является особенностью гражданских войн, приводит к заключению, что колебания будут большие. Войска, дравшиеся на предгорьях Урала, отходили за Пермь, а в конце концов прошли всю Сибирь. Деникин, дошедший до Орла, потерпел полное поражение. Красные войска, стоящие в середине августа под Варшавой, в октябре оказались на линии Минска и Слуцка.

Эти примеры достаточно красноречиво говорят за то, что шаблон в этом вопросе сейчас отпадает.

В заключение следует указать, что во всех войнах, классовых и не классовых, в какой бы плоскости они не велись, и как бы не пришлось их вести, неизменно применимы основные принципы стратегии, выработанные веками, которые останутся незыблемыми на многие годы. Ими пользовались наши деды, ими будут пользоваться и наши внуки. Надо лишь уметь применить их и приложить к современным условиям и требованиям, а это всецело зависит от индивидуальных качеств лица, коему поручено командование, от его военного образования и подготовленности к восприятию требований и форм новой жизни.

В. Цейтлин

Оперативные пункты и полевые штабы.

(В операции май—сентябрь 1920 г. на Западном фронте).

На войну 1914—17 г. г. мы выступили с самым смутным представлением о службе связи, но жестоко расплатились рядом разгромов за неподготовленность нашего Генерального Штаба.

Оффициальные разборы многих операций империалистической войны определенно указывали, что одним из главных факторов неудачи являлось отсутствие связи, а следовательно и управления войсками, ибо связь от управления неотделима. Несмотря на первые кровавые уроки войны, весь опыт ее проходил мимо нашей армии совершенно неиспользованным и прежние ошибки повторялись не только на других фронтах, но и на том же самом. Это неумение использовать опыт прошедших операций было хронической болезнью русской армии до ее стихийной демобилизации.

Прогресс каждого дела, в том числе и военного, возможен только при исследовании и использовании опыта прошлого, а такой опыт, нам, военным, особенно дают две прошедшие войны с 1914 по 1920 год!

Шесть лет войны, чему только они не научили отдельных лиц, какая богатая практика!

Но для того, чтобы накопленный опыт отдельных лиц не пропал даром, чтобы для будущих молодых работников, не бывших на войне, или работавших по другой специальности, можно было изучить дело и подготовиться, необходимо собрать весь материал, систематизировать его, преподнести в готовом, сжатом виде с конкретными указаниями и выводами.

Цель настоящей статьи—затронуть некоторые вопросы по службе связи, выдвинутые последними операциями на Западном фронте, дабы, после обмена мнений, придти к правильным выводам и решениям.

Непонимание службы связи Генеральным Штабом в прежней войне, пренебрежительное к ней отношение командования, перешедшее отчасти вместе с крупными военспецами в Красную Армию, должно заставить работников связи утроить усилия, дабы поставить в Красной Армии службу связи на подобающее ей место.

Было время,—воевали княжеские дружины, потом стали воевать кадровые армии, наконец—вооруженные народы, нации, а теперь воюют и будут воевать классы. Современная Гражданская война ведется всем напряжением страны, а тем более будущая, где придется, быть может, столкнуться с коалицией капиталистических держав.

Если ранее требовалось полное единение фронта с тылом, то теперь вся страна, самый глубокий тыл, должны жить жизнью фронта, вся страна—стать военным вооруженным лагерем.

Многие военспецы до сих пор не уясняют себе разницы в службе связи, когда на фронтах от моря до моря, на необ'ятных полях сражений, воюют миллионы людей, и прежними войнами, где на небольших театрах войны,—действовало несколько армий.

Неподготовленность в смысле связи к войне 14 года, неумение хотя бы отчасти предугадать масштаб будущей войны, ярко сказались, например, хотя бы в том, что Ставка в 1915 году имела всего 2 аппарата Морзе со штабом Юго-Западного фронта (Ровно) и Северо-Западным (Белосток); штабы армий и корпусов имели только крайне ограниченное число Морзе, в полках и дивизиях даже не хватало телефонов.

По полевому положению все средства связи оказались распыленными и раздробленными, не было специальных войск связи, не было Начальников связи и т. д.

Война 1914—1917 года велась между нациями. Границы государств перед началом войны существовали несколько десятков лет, все возможные передовые театры военных действий были где лучше, где хуже подготовлены.

Линия фронта, в большинстве случаев, представляла сплошную, сравнительно узкую полосу, в которой были сконцентрированы главные силы противников.

В этих узких территориальных рамках происходили все военные операции.

Служба связи сначала была совершенно неорганизована, а потом развивалась и совершенствовалась под углом зрения позиционной войны. Огромные массы людей были растянуты по всему фронту, от моря до моря, плечом к плечу. Корпуса наступали на фронтах 10—20 верст. Штабы дивизий и корпусов были недалеко друг от друга, передвигались вперед и назад (маневренные периоды), на не-

значительные расстояния, средства связи и самая их организация, начиная от инвентаря и кончая живой технической силой; были заранее подготовлены и приспособлены к этому характеру войны.

Телеграфные магистрали были в полном порядке, снабжение имуществом всякого типа—хотя и не было на высоте, но все же постепенно улучшалось, пополнение не представляло особых затруднений, за счет разорения гражданских потель—учреждений.

Фронт имел определенно устойчивый характер, не расплываясь по бесконечным пространствам России.

С началом Гражданской войны положение совершенно изменилось: вместо двух фронтов, Европейского и Кавказского, получилось сплошное фронтовое кольцо вокруг наиболее жизненных центров Республики.

Фронты сплошь и рядом возникали то в тылу, то на фланге, словом,—некоторые периоды Гражданской войны, фронт и тыл тесно сливались между собой.

Восстания в нашем тылу заставляли часто армии оборачиваться назад, а восстания в тылу противника сразу отодвигали его фронт на громадные расстояния. Не было почти ни одной губернии, кроме самых центральных, где бы не происходили военные действия. Фронт гражданской войны стал весьма подвижным, расплывчатым.

Запасы технических средств быстро были исчерпаны, много имущества погибло во время Февральского наступления немцев, захвативших полосу сосредоточения всего нашего военного имущества; при стихийной демобилизации много имущества также распылилось.

Вполне естественно, что снабжение и пополнение имуществом стало крайне затруднительным и при организации службы связи приходилось принимать во внимание бедность Республики.

Телеграфные магистрали к концу империалистической войны пришли в некоторый упадок, гражданская война еще его усилила, что также крайне отразилось на связи.

Очевидно, что служба связи в Гражданской войне не могла быть организована по типу войны империалистической, связь—слишком живое дело, слишком тесно связана с боевой работой войск, и она не могла не эволюционировать.

И действительно, на протяжении самого небольшого периода, с 1914 по 1921 год, мы можем наблюдать, как связь, считающаяся неизменной в своей сущности и тем более формах, меняет свой вид и свой характер в зависимости от условий войны и боевой обстановки.

Развитие и правильная организация службы связи возможна только при отсутствии шаблона и трафарета, это еще раз резко подчеркнул опыт прошедших двух операций на Западном фронте.

Сразу с началом операции стало ясно, что война с Польщей не будет походить на прежние операции гражданской войны, что наступление необходимо будет вести на широком фронте, по многим магистралям, что война эта по стратегической форме полу-классовая, полу-национальная и армия противника организована и снабжена по европейски.

Энергичное наступление широким, но не сплошным фронтом потребовало и быстрого продвижения штабов, а следовательно и гибкости службы связи, следствием чего явилось выделение полевых штабов (полештармов и полештадивов) и создание оперативных пунктов (оперпунктов).

Это разумное и необходимое по условиям обстановки нововведение сразу облегчило организацию связи, дав возможность штабам армий направить все свои усилия вперед, не озираясь на тыл.

Создание оперпунктов тесно связано с вопросом о месте старшего начальника и его штаба, почему, прежде чем о них говорить, необходимо сказать несколько слов о месте старшего начальника и его штаба.

Место старшего начальника и его штаба, и какое имеет это отношение к связи. Вопрос о месте старшего начальника очень много дебатировался в военной литературе, в период времени после Японской войны, т. е. с 1907 по 1914 год. Всем вероятно памятен рисунок Английского журнала, где, во время Ляоанского сражения, маршал Ойяма, Главнокомандующий японскими армиями в войне 1904—1905 г., сидит спокойно далеко в тылу, удит рыбу и принимает донесения о ходе боя. До Японской войны, впервые выдвинувшей большое протяжение фронтов и длительность боев, командование всегда рисовалось в сфере поля сражения, среди огня, дыма и т. д.

Балканско—Турецкая война 1912 года снова подчеркнула, что в современных войнах управление боем зиждется на новых началах, и что если личный пример начальника и необходим иногда, то все же штаб его должен быть в тылу и связь с ним должна быть надежна и не зависеть от каждого разрыва.

Мировая война показала, что в нашей армии не было все же точных и определенных указаний и Самсоновская катастрофа яркий пример: Ген. Самсонов выезжает вместе со штабом вперед в XV корпус, теряет последнюю связь со штабом фронта и остальными корпусами, и старается личным примером ободрить войска.

Конечно, начальник в критическую минуту должен подать личный пример, но начальник штаба и весь штаб должны остаться в тылу и нести работу в общем об'еме.

На современных полях сражений личный пример высшего начальника мало заметен.

Таких ошибок и примеров можно было бы много указать. Для связи особенно важны ошибки в расположении штабов, причем, здесь заметны две тенденции: штаб располагается или слишком далеко или слишком близко.

К сожалению, в большинстве случаев, приходится констатировать, что главным фактором выбора места штаба являлись удобства расквартирования, а не требования связи.

Если в стороне от дороги, по которой идут провода, был хороший господский двор, то большинство штабов обязательно устраивалось там; даже и тогда, когда дело шло о том, чтобы прожить день-два, из за этого тратилось много сил и средств на организацию связи. В этих случаях не играло роли и удаление от фронта, и часто из за господского двора штаб корпуса или дивизии отскакивал на 5—10 лишних верст назад, пока высший штаб не проталкивал его вперед.

Если, наоборот, удобная стоянка была близко от линии фронта, то штаб устраивался в ней, хотя с началом же боя управление становилось невозможным, примеры: штарм XII в Риге, штаб 28 арм. корпуса—баронский замок Крейцбург, причем никаких мер на случай отхода назад принято не было. Основным же правилом является, что всегда переход назад и вперед должны быть детально обдуманы.

Часть начальников, даже командиры полков в империалистической войне, слишком близко к сердцу приняли пример маршала Ойямы и оставались в тылу тогда, когда они должны были быть впереди, что вызывало иногда очень резкие приказы, чуть ли не с укором в трусости, многие же высшие начальники рвались вперед и их приходилось ловить.

В редких штабах, будущий переход штаба обсуждался с зав связью, в отношении организации связи; об этом он узнавал последним, также его не ставил в известность и старший начальник, если предполагал выехать вперед, причем в обоих случаях отдавалось категорическое приказание „организовать связь“, а между тем,—все зависело от связи.

Такие же случаи пренебрежения к связи можно указать и из гражданской войны, когда штабы становились в пункты не обеспеченные телеграфными проводами, не уведомляли начальников связи заблаговременно о переходах и т. д.

Были случаи, когда штабы без особой надобности меняли слишком часто места стоянок, описывали какие то вензеля, что крайне

затрудняло связь, отскакивали ради некоторых личных удобств от основной магистрали (прим: полештарм XV в Глубокое, с магистрали Полоцк—Молодечно) и т. д.

Были командармы, выдвигавшиеся слишком вперед и терявшие связь с тылом.

Перед началом Польской операции на Западном фронте, после ряда указаний от высшего командования, сделанных на основании ходатайств связи, удалось установить приблизительную схему продвижения штабов при наступлении, и распределить магистрали, что значительно помогло делу, но, конечно, не всегда это исполнялось.

Характерным отрицательным примером явился переход полештарма VI из Берислава в Снегиревку (Врангелевская операция), без надлежащей подготовки, и вопреки протестам начальника связи, доказывавшего, что невозможно держать связь армий в пункте, где слишком слаб узел телеграфных магистралей. Штаб перешел и сразу же связи не стало. Полетели телеграммы, снова во всем стала виновата связь, но на этот раз удалось доказать в чем дело. Впоследствии, благодаря переходу полештарма VI, был создан целый Снегиревский телеграфный узел.

Характерен, с точки зрения связи, был также переход штаба Юго-Западного фронта из Киева в Курск, на одну магистраль с Харьковом (штабом Южного фронта), причем когда это было уже решено, то начальник связи фронта еще ровно ничего не знал и вообще к обсуждению этого вопроса представителей связи не привлекали; никому и в голову не приходило, можно ли поставить без крайней к тому необходимости два штаба фронта на одной магистрали (магистраль Москва—Тула—Орел—Харьков, являлась основной для 2-х фронтов, и отчасти Кавказского фронта).

Еще более интересным являлось желание перевести штаб Южного фронта в Полтаву (к счастью, осталось в области предположений), а то можно вообразить, какая бы была связь во время Врангелевской операции.

Полештармы: Майская операция на Западном фронте показала, что при быстром наступлении с одной стороны, и громоздкости штабов с другой, необходимость выделения из штаба наиболее существенной его части, т. е. Оперативного Управления, связи и т. д., которая была бы более гибка, подвижна и могла бы поспевать за войсками. Требование диктовалось жизнью, тем более ввиду недостаточного количества средств передвижения для всего штаба (в большинстве случаев еле хватало для передвижения полештарма).

Таким образом, создались полештармы, полештадивы и даже полештафронты.

Выделение наиболее активных частей штабов вперед сыграло громадную роль во вторую операцию, и это выделение можно было только приветствовать, но иногда оно выливалось в уродливую форму, т. е. под полештармом надо было подразумевать вагон с аппаратом Юза, или командарма в автомобиле; очевидно, что установить связь с таким „полештармом" как тылу, так и фронту было не легко.

Бывали случаи, что штабу фронта приходилось держать связь одновременно:

1) С основным штабом;

2) Полештармом;

3) Оперпунктом фронта при армии;

4) Поездом Командарма, или просто Командармом, выехавшим вперед, причем самое трудное было угадать, откуда исходит управление, с кем связь важнее всего.

Два раза выделялся также и „полештазап" в Майской операции в Витебск и в Минск, причем безусловно выделение Полевого Штаба в Минск сыграло огромную роль в смысле управления. Такое же значение имело выделение поезда Командюжа на юг в Рыково и Симферополь, во время Врангельской операции.

Полештадив большей частью состоял из Начдива, Наштадива, его помощника по строевой части, Начальника разведки, Скадива и всех средств связи. В некоторых дивизиях в полештадив входил весь Штаб, кроме Административного Отделения (4, 11 и 53 дивизий).

Как вывод, можно заключить, что идея выделения активной части вперед (Полевого Штаба) безусловно вызывалась обстановкой и сделала очень многое.

Необходимо только точно выработать на будущее время, какая именно часть выделяется, расчитать средства передвижения, и вообще сделать полевые штабы очень гибкими и подвижными. Прямым следствием выделения полештармов и их быстрого продвижения вперед, при соблюдении основного принципа „связь сверху вниз", явилось создание оперативных пунктов (оперпунктов).

Оперативные пункты, как следствие выделения полештабов и связи сверху вниз.

Оперативные пункты получили полное право гражданства на Западном фронте, были утверждены особые штаты, положения и т. д.

У них было много врагов и сторонников, причем многие (как те, так и другие), не вполне ясно усваивали назначение оперативных пунктов (к сожалению даже некоторые начальники их), и поэтому происходили на местах недоразумения.

Основной принцип полевого устава в отношении связи—связь сверху вниз. Идея этого заключается в том, чтобы направить все усилия начальников связи на установку и поддержание связи вперед; все организуют связь вперед и, таким образом, начальники связи высших соединений не заботятся о связи с тылом, в то время, когда все их помыслы впереди и войска, продвигаясь, не тратят средств для установления связи с тылом.

Так как быстрое выдвижение полевых штабов сделало невозможным тянуть к ним связь из глубины, то помощью оперативного пункта, который двигается между полештармом и штабом фронта и т. д., организуется связь от полештарма до штаба фронта, т. е. был найден выход из положения.

Вот телеграмма, рисующая как смотрело на задачи оперативного пункта фронта командование:

„Телеграмма

Скарм 3, Начоперпункт 3, Скарм 4, Начоперпункт 15, Скарм 15, Скарм 16, Скамозырьгруппы, Копия Ска

Секретно. Срочно.

Из Лит. А НР 04191, 306, 19/VI 1, 20 тлк Копия Ска.

Смоленск как сводку.

Смоленск 18/VI 20 час. как сводку. Всех ранее вышедших инструкций и распоряжений об оперпунктах приказываю принять к неуклонному руководству следующие положения Первое на оперативные пункты в отношении связи возлагается задача освободить Полевые Штабы армий от забот по организации связи со Штабом фронта и расходование на это своих средств. Второе в случае выдвижения вперед Полевого Штаба армии и оторванности его от телеграфных линий Оперпункт должен организовать передачу донесений и распоряжений с конечной юзной станции при помощи средств полевого телеграфа, а также летучей почты всех видов тчк Третье на Оперпункты возлагается срочное восстановление телеграфных линий в смысле ремонта их, а также контроля за исправным их действием от конечной юзной станции к Полевому Штабу армии.

Четвертое при наличии надежной связи Полевого Штаба армии с полевым штабом фронта Начальник Оперативного пункта, находящийся при Полевом Штабе армии, может разрешить использовать в случае необходимости свои средства связи для нужд штаба армии (кроме линейных материалов, проволочной связи и запаса горючих смазочных материалов, покрышек и камер механической связи). Такое использование средств связи допустимо лишь при соблюдении условия быстрого их сосредоточения при необходимости. Начальник Оперативного пункта по вопросам связи является полномочным пред-

ставителем начальника связи фронта в порученном ему районе, являясь одновременно и начальником телеграфного узла тчк Начальник Оперативного пункта является не только организатором передовой полевой связи, но как ближайшее к штабу армии ответственное лицо штаба фронта должен быть представителем последнего. Начальник Оперативного пункта должен следить, чтобы штаб фронта своевременно ориентировался штабом армии о всех изменениях обстановки и в случае, если это почему либо не делается, отвечает за использование всех имеющихся в его распоряжении средств связи в случае ее перерыва тчк НР 0923 СВ. Сказап ГНЕЗДИЛОВ Помсказап ЦЕЙТЛИН".

Уже из сказанного можно заключить, что начальником оперпункта должно было быть лицо, соединявшее в себе широкий военный кругозор, плюс знание службы и техники связи. Таким и явился один из начальников оперативных пунктов тов. Мансырев (нач. опер. пункта при XV армии). Удачным расположением оперпункта, умелым комбинированием средств и полным контактом в работе со скармом 15, он действительно облегчил работу фронта, и приходилось лишь жалеть, что нельзя получить всех таких начоперпунктов. Действия других оперпунктов часто вызывали жалобы на параллелизм работы, трения со скармами и т. д., что отнюдь не умаляло значения оперпунктов, а просто указывало на неясное сознание возложенных обязанностей их начальниками.

Осталось высказать наш взгляд, что вместо оперпунктов фронта, приданных каждой армии, следовало создать 2—3 мощных оперативных пункта, которые вместе с тем должны были являться узлами связи и крупными сборными пунктами донесений. Двигаясь по мере продвижения армии вперед, они об'единяли бы управление и связь с несколькими армиями и имели бы постоянную надежную связь со штабом фронта; не было бы распыления сил на приданные каждой армии оперативные пункты, понадобилось бы меньше проводов. При условии нахождения в составе такого оперативного пункта фронта — ответственного представителя Генштаба, достигалось об'единение, он, кроме самого экстренного и наиболее важного, сам бы собирал, систематизировал и уже за три армии сообщал бы оперативную обстановку.

При желании командарма получить провод, таковой всегда мог быть предоставлен путем переключения.

Опыт запфронта, когда командзапу подчинили XII, XIV и I конную армию, ярко подчеркнул, какое значение должны иметь мощные оперпункты фронта.

Наступление шло очень интенсивно, приходилось все время напрягать усилия поддерживать и сохранить связь с наступавшими IV, XV, III, XVI армиями и Мозырской группой и вдруг еще присоединяются, разделенные Полесьем, сначала две — XII и Iконная, а потом в проекте и еще одна — XIV армия, т. е. в непосредственное управление

передаются 8 единиц, что уже само по себе являлось основным нарушением незыблемых аксиом военного дела.

В результате, при всех стараниях дать связь, после чего только должно было состояться подчинение, дело крайне затягивалось. Киев постоянно „пропадал", а штабов армий почти не удавалось „достать", управление было невозможно, связь рвалась ежедневно.

Сразу же надо было создать штаб нового юго-западного фронта, к чему пришли много позже, или же мощный оперативный пункт в Киеве, что потом и было создано. В Киев выехали Инспектор УСКА Бордовский, Помощник Начальника Штаба Западного фронта Генштаба Ермолин и Инспектор связи фронта Добротворский, с необходимыми средствами, а впоследствии было создано целое управление связи, ставшее Управлением связи Юго-Западного фронта.

Таким образом, Штабу Западного фронта пришлось начать управлять 8 самостоятельными единицами, и на долю связи выпало тяжелое испытание; особенно трудно было поддержать связь по линии Минск — Жлобин,—Гомель — Чернигов — Киев, а магистраль Минск — Барановичи — Лунинец — Сарны — Ровно была неисправна, но много помог оперпункт XII армии, находившийся в Киеве.

Вообще система связи непосредственно со штабами армий была крайне затруднительна.

В свое время Начальнику Штаба фронта предлагалась схема организации связи при помощи мощных оперпунктов фронта, вместо приданных каждой армии, но сначала эта схема Начальником Штаба была отвергнута, за недостатком, якобы, средств и офицеров Генштаба, а когда пришлось к ней перейти, то уже было поздно, началось отступление и посланный в Белосток оперпункт (Генштаба Бобров и Инспектор связи Воскресенский) не доехали.

Требование боевой обстановки заставляло то же самое делать и в армиях, так например: в XVI армии всегда впереди Полештарма был свой Оперпункт — сборный пункт донесений, — который об'единял связь всех дивизий. При Оперпункте всегда был Начальник Оперативного Управления. (См. бывшую схему связи Штазапа № 1. Взяты оперативные направления без магистралей).

Причем, как фронт, так и XII, I конная и XIV армии добивались прямой связи с Минском и армией, жаловались на бывшего в Оперативном пункте XII армии Инспектора УСКА Бордовского, не имевшего возможности дать всем армиям связь. А будь в Киеве сразу полномочное лицо—и дело менялось, управление было бы гибким и перерывы связи не были страшны.

(См. предложенную схему связи при помощи системы мощных Оперативных пунктов фронта № 2).

Каждый Оперпункт должен был состоять из ответственного Генштабиста, Инспектора связи фронта и снабжен надлежащими силами

и средствами связи. При этой системе, штаб фронта держал бы связь только с 3-мя оперативными пунктами, а каждый из них с 3—4 армиями. Оперативные пункты должны были передвигаться вперед, от узла к узлу, об'единяя связь своих армий.

Конечно, нельзя считать, что нужны только такие оперпункты; вообще, никакой шаблон в организации связи недопустим; очевидно, что должно быть известное комбинирование и штаб фронта может выслать два мощных оперпункта, и один обыкновенный для одной армии, при дальнейшем наступлении варьировать еще иначе и т. д.

Оперпункт должен существовать лишь как величина переменная, а не постоянная. В зависимости от обстановки, от средств оперпункта и силы, то больше, то меньше,—следовательно не надо никаких штатов, а лишь запас людей и имущества у начальника связи, а главное—головы и души Оперпункта, т. е. его начальника.

Оперпункты должны быть подчинены непосредственно Начальнику связи фронта, а не армии, ибо они являются выброшенными вперед средствами связи фронта.

Большую роль может сыграть, как подвижной оперативный пункт фронта, также „поезд связи", созданный на основании опыта операций Западного фронта (отчет комиссии Инспектора пехоты Генштаба Надежного).

Командировка „поезда связи" на южный фронт, во время Врангелевской операции, в район Харьков—Сиваш—Симферополь, не дала хороших результатов, т. к. поезду были поставлены задачи головного, ремонтно-строительного, к чему он приспособлен не был, да и не должен быть. К сожалению, во время операции на Западном фронте, поезд не был готов.

Во время операции получились оперативные пункты 2-х категорий:

1) Оперативные пункты фронта.

2) Оперативные пункты армий, игравшие роль сборных пунктов донесений, что очень облегчало связь и управление дивизиями. (Особенно развито было в XVI армии, где в оперативном пункте всегда был начальник оперативного управления армии, что являлось совершенно правильным разрешением вопроса).

С'езд Скармов Запфронта в ноябре 20 года, обсуждая вопрос об оперпунктах, пришел к заключению о необходимости сохранения организации оперативных пунктов, но подчинив их в оперативном отношении Скармам и выработал точный расчет необходимых средств связи, каждого Скарма при соблюдении принципа, „связь сверху вниз". Вот этот расчет:

Бат. связи 1
Теконт 1

Поконт 1
Эскадрон кон. ординар. . . 1
Тел. строит. рот. 3
Эксплорот 2
Шестовых рот 1
Легковых машин . . . . . 8 для Скарма и по 3 легковых машины и по 6 мотоциклов на каждую дивизию.

Выводами из вышеизложенного являются:

1) Создание Оперпунктов на Западном фронте явилось требованием боевой обстановки, и необходимым следствием быстрого наступления войск и продвижения штабов, при соблюдении основного принципа „связь сверху вниз“;

2) Оперпункты весьма разумное нововведение, во многом облегчившее службу связи; происходившие недоразумения и иногда параллелизм в работе об'яснялись непониманием задач оперпункта, и неумением им пользоваться;

3) В организации службы связи, как слишком живом деле, недопустим никакой шаблон и трафарет, а потому и оперпункты по своему составу и назначению не могут являться чем либо постоянным, а в зависимости от боевой обстановки должны видоизменяться*);

4) Оперпункты, выделяемые штабом фронта, являются средствами связи Скафронта, выброшенными вперед, почему и должны подчиняться фронту, а не армии.

5) Так как от Начальника Оперпункта требуется слишком много, а именно: широкий военный кругозор, понимание связи, а иногда и знание техники связи, и, кроме того, он должен обладать большим тактом и выдержкой для регулирования отношений со Скармом, то очевидно на подготовку и выработку таких начальников должно быть обращено самое серьезное внимание, и при Управлении связи фронта всегда должны быть намечены будущие Начальники Оперпунктов.

6) Если оперпункт имеет своей задачей установление и поддержание связи, более чем с одной армией, то во главе его должен быть генштабист, способный принять решение и проявить инициативу в случае перерыва связи, в помощь ему—техник по связи. Иначе пропадает смысл Оперпункта.

7) Оперпункты армии, как сборные пункты донесений от дивизии, совершенно необходимы в условиях маневренной войны, а посему надо разработать этот вопрос и уложить его в определенную систему, что и послужит темой следующей статьи.

*) Примеч. ред. Это не совсем правильно. По идее командования запфронта высший штаб должен иметь оперпункт на каждый низший штаб, на случай отдельных магистралей до каждого из штабов.

Конница.

Опыт прошедшей трехлетней гражданской войны, с несомненной очевидностью доказал огромное значение конницы.

И теперь, при наступившем боевом затишьи, когда мы можем спокойно заняться учетом этого опыта, мы, конечно, не должны пройти мимо опыта и империалистической войны 1914—18 г.

В этом отношении представляются безусловно интересными те выводы, которые делаются в немецкой военной литературе, и в частности, по вопросу о применении конницы.

Для сопоставления с нашими взглядами помещаем в переводе статью ротмистра германской службы ф. Аммона.

* * *

„Во всех войнах немецкая конница проявляла себя с лучшей стороны.

Имена Дерфлингера, Цитена, Зейдлица, Катцлера и Блюхера, равно как и бои под Гогенфридбергом, Цорндорфом, Росбахом и Марс-Ла-Туром, свидетельствуют о значении и той роли, которую играла немецкая кавалерия в прежние времена.

Усовершенствование огнестрельного оружия, в особенности изобретение магазинных ружей и пулеметов, внесло значительные коррективы в дело применения конницы. Атака в конном строю не имеет прежнего решающего значения; зачастую огонь нескольких пулеметов может приостановить дальнейшее движение конницы. Война 1914—1918 г. дает тому ряд примеров. Стоит лишь вспомнить о попытках англичан и французов ввести в бой конные массы для преследования, после тщательно подготовленного, многодневным ураганным огнем, прорыва наших позиций.

Несмотря на произведенные разрушения и нравственное потрясение, перенесенное германскими войсками, неприятельская кавалерия все же постоянно терпела поражение.

Характер позиционной войны, в значительной степени, лишал конницу возможности действовать в конном строю и проявить свои

природные качества. Однако, это не служит достаточным основанием, чтобы считать роль конницы в будущих войнах ограниченной или сводимой на нет.

В Европейскую войну главная квартира отзывалась очень одобрительно о работе конницы, как в применении ее в пешем строю в окопной войне, так и в конном строю, в тех случаях, когда бои принимали маневренный характер и конница могла выявить свои природные качества.

Не следует умалять значения и содействия, оказываемого во время операции, авиацией, авто-транспортом, самокатными частями, телеграфом, радио, голубиной почтой и т. п. средствами связи и разведки. Приходится считаться с тем, что многие задачи, которые раньше разрешались исключительно конницей, как например, разведка и служба летучей почты, могут быть теперь свободно возложены также и на авиацию, авто-транспорт, самокатные части и радио; эти задачи будут выполнены ими быстрее и не хуже конницы. С другой стороны следует принять во внимание, что летчики могут вести разведку лишь при дневном свете;—следовательно все ночные движения должны будут ускользнуть из под их наблюдения.

В весеннем наступлении немцев 1918 года, авиации французов и англичан не удалось заблаговременно выяснить намерения германской армии ввиду того, что все перегруппировки производились под покровом темноты. Конница же, ввиду особенных условий позиционной войны, не могла быть в то время применена для разведки. И в маневренной войне могут также встретиться случаи, при которых потребуется проверка сведений, полученных от воздушной разведки, дополнительно высылаемой конной разведкой. Следует еще иметь ввиду, что с постепенным ростом техники противосамолетная оборона станет постепенно совершенствоваться, благодаря чему работа авиации встретит на своем пути все новые и новые затруднения. Авто-транспорт и самокаты также не могут полностью заменить конницу, ввиду их зависимости от условий почвы и состояния дороги. Все те, кто принимал участие в кампании на Восточном фронте, знают какие затруднения испытывал авто-транспорт из за отсутствия хороших дорог.

Конечно, современем техникой будут устранены многие недостатки машин и они станут более подвижными и менее зависимыми от условий грунта, но тем не менее, в некоторых случаях, все же их использование окажется невозможным: например, в лесах, где ни при каких условиях авто-машины не применимы. В равной степени не обойтись без конных ординарцев при посылке донесений.

В Европейскую войну вполне оправдалось изречение генерал-фельдмаршала фон-дер Гольца, сказавшего, что „Самым верным способом доставки донесений будет доставка при помощи хорошего конного вестового“. Работа ординарцев получила в Европейскую

войну крайне разнообразную оценку, но к концу войны ей было уделено необходимое внимание, отсутствовавшее в первые годы войны.

Еще в мирное время внимательному наблюдателю бросалась в глаза изобретательность ординарцев. Без карты, к сожалению, зачастую без достаточной ориентировки и указания пути следования, ординарцы все же доставляли свои донесения по назначению в короткий срок. Конечно, в мирное время на маневрах они имели возможность найти дорогу путем распросов местных жителей, во время же войны им приходилось расчитывать исключительно на самих себя; тем не менее они выполняли поручения и поспевали к сроку.

Все начальники имели возможность отдать должное совкости и сообразительности ординарцев. Эти качества, в особенности ярко, определились на Восточном фронте, где, вследствии тяжелых условий местности и плохих дорог, не было возможности применять посылку донесений на самокатах или автомобилях и не всегда являлось возможным использовать радио-связь.

Приходилось, главным образом, базироваться на доставку донесений при помощи конных ординарцев. Были примеры, когда ординарцы за восемнадцать часов проходили расстояние в 120 клм., по местности им незнакомой, без знания другого языка кроме немецкого, при этом по пути им приходилось огибать районы занятые еще противником; все же они двигались в среднем со скоростью 9 клм. в час. Таких примеров за время войны было не мало. В позиционной войне ординарцы нашли себе также большое применение. Их прятали с лошадью в убежищах в передовых линиях; своей службой они не раз оказали пехоте неоценимые услуги, поддерживая связь со старшими начальниками и с артиллерией. Работа конницы, в особенности армейской, в общих чертах сводилась к следующему: на западном фронте, с началом войны, приняли участие 1 и 2 кавалерийских корпуса под командой генерала фон-дер-Марвиц и Фрейгера-фон-Рихтхофена.

Задачей этих корпусов было прикрыть марш—маневр 1, 2 и 3 армий и облегчить им быстрое выдвижение вперед. Несмотря на недостаток в артиллерии и пулеметах, и движение по местности, населенной жителями враждебно настроенными к немцам, задача была выполнена и части удачно продвинулись вперед. Кавалерийские разъезды в период первого наступления подходили почти вплотную к стенам Парижа. Конница, в этот период, заслужила широкую благодарность за свою работу со стороны высшего командования.

Во время Марнских боев, конница восстановила связь между 1 и 2 армиями и закрыла образовавшийся между ними прорыв. Отход армии, последовавший вслед за этим, опять таки был прикрыт армейской конницей. Она преградила дорогу неприятельской коннице и воспрепятствовала быстрому ее продвижению вперед. Ею было оказано сопротивление вплоть до той поры, пока армии не вышли окончательно из боя и не заняли той линии, на которой они были спо-

собны оказать сопротивление. По выполнении этой задачи, по мере развития операции, армейской коннице пришлось обеспечивать правый фланг Германских армий. Ей удалось ценою тяжелых боев предотвратить охват правого крыла Германских армий и тем самым облегчить постепенную растяжку Германского фронта до самого моря.

Тем временем на фронт было переброшено новое высшее кавалерийское соединение в составе 3, 6 и Баварской кавалерийской дивизии; таким обазом, в боях на западе приняло участие восемь кавалерийских дивизий.

Следует особо отметить живший в немецкой коннице дух активности; однако, вследствии недостаточного снабжения пулеметами, шанцевым инструментом, слабой подготовки к спешенному бою, ограниченного количества положенной артиллерии, конница не могла проявить себя полностью, но все же действия ее приводили подчас к частичным успехам, как например: штурм ла-Бассе, в котором приняла участие гв. кав. дивизия. Тяжелые бои, в которых пришлось принять участие коннице, длились почти до октября месяца; они всегда будут светлой страницей в истории Германской конницы. Мало вероятным кажется, чтобы конница какой нибудь другой страны могла бы выдержать столь тяжелые бои, длившиеся в продолжении почти трех месяцев. По окончании этих боев на западе маневренная война перешла к позиционной. Большую часть армейской конницы, оставшейся на западном фронте, использовали для этапной и полицейской службы и для пограничной службы на границе Голландии.

Лишь при отходе на позиции Зигфрида, коннице вновь представилась возможность проявить свои качества. В последующие годы войны, Главной Квартире пришлось спешить часть кавалерии. Это мероприятие было вызвано недостатком в конском составе и необходимостью использовать людской элемент в окопах, как стрелковые полки.

Однако, невыгоды этого сказались в весенних сражениях 1918 г., когда отсутствие достаточного количества конницы не давало возможности полностью развить достигнутые успехи.

Этого взгляда придерживалось и командование противника, которое считало, что лишь отсутствие у нас достаточного количества конницы позволило им избежать окончательного разгрома, уйти от преследования и вывести части из боя, собрав достаточные силы для дальнейшего сопротивления. На Восточном фронте, к началу открытия военных действий, кавалерия несла охрану границы. Армейской конницей служила одна лишь кавалерийская дивизия, на которую выпала стратегическая задача прикрытия тыла 8-й армии от Неманской армии Ренненкампфа, пока она совершала наступательный марш-маневр на Наревскую армию Самсонова, приведший к сражению под Танненбергом.

К Ноябрю 1914 г. началась переброска нескольких кавалерийских дивизий с западного фронта на восточный. На этом фронте конский состав, захваченный в Бельгии и взятый в качестве пополнения на случай убыли, не оправдал себя и плохо переносил тяжелые условия питания и размещения. Во втором наступлении на Варшаву приняли участие 1 Австрийская и 4 Германская кавалерийские дивизии. Помимо этого, следует также отметить работу 6 и 9 кавалерийской дивизии. Эти дивизии должны были принять участие во взятии Лодзи с востока, действуя совместно с 25 резервным корпусом. Этим движением должно было завершиться окружение, с одновременным действием по сообщениям противника.

Окружение не удалось вследствие того, что русское командование с своей стороны ввело большие резервы, которые в свою очередь угрожали окружением 25 резервному корпусу и 6 и 9 кавалерийским дивизиям. Упорными боями неприятельское кольцо было прорвано; благодаря исключительной работе кавалерии удалось не только вывести из боя части, но эвакуировать все запасы и раненых.

Осеннее наступление на Восточном фронте к декабрю 1914 года приостановилось; с этого времени и на этом фронте маневренная война уступила место позиционной, при которой стали применять конницу, как и на Западе, в окопах, в пешем строю.

Весной 1915 года в наступлении против Неманской армии, в направлении на Шавли, приняли участие 4 кавалерийских дивизии. Во время этой операции Германской кавалерии удалось проникнуть в тыл русским войскам и 7-го Мая разрушить станцию Сеймы.

В июльских боях, начатых в Литве, армейской коннице удалось, после ряда тяжелых боев, достигнуть Якобштадта. Кроме того, в сентябре 1915 года, вдоль большака Ковно-Уцяны-Двинск, был брошен кавалерийский корпус под командой генерала Гарние, с задачей обеспечить фланг армии. Этот корпус при своем движении натолкнулся на сильные кавалерийские части русских; не взирая однако на их численное превосходство, корпус отбросил их назад. После этого он форсировал озерные дефиле у Антологи (неподалеку от Уцян) и продолжал свое движение с целью выйти на сообщение армий противника. Основной его задачей было достигнуть железнодорожного узла ст. Молодечно, который играл огромное значение для русского командования, облегчая ему все воинские переброски. Овладеть этой станцией корпусу не удалось, но части подошли к ней настолько близко, что могли держать ее под действительным артиллерийским огнем, а часть прилегающих к станции Молодечно путей и сооружений оказалась в сфере действий дальней разведки и подверглась разрушению с ее стороны. Эти успехи достойны особого внимания, ввиду тех трудностей, при которых они достигались. Самое же существенное, что противник, вне зависимости от понесенных потерь и нарушенной коммуникации, был вынужден противопоставить кавалерийскому корпусу Гарние сравнительно большие силы,

не менее армейского корпуса, дабы предотвратить полное окружение своего фланга. Несмотря на превосходство в средствах и артиллерии, русским удалось отбросить кавалерийский корпус лишь на вторые сутки, после чего он начал свой отход.

Также достойна внимания работа конницы в Румынии, руководимая генерал-лейтенантом Гр. фон-Шметтовым (Эбергардом).

В этом походе, который дал в руки немцев, в сравнительно короткий срок, почти всю Румынию, конный корпус Шметтова, после боев у Таргу-Изо был брошен для преследования противника и овладел перевалами через Карпаты. При концентрическом наступательном марше 9 армии от Семиграда и армии Макензена на Бухарест, требовалось возможно скорее восстановить связь между обоими армиями. Эта задача выпала также на конный корпус Шметтова. Несмотря на плохие дороги и неблагоприятную погоду, длившуюся в продолжении всей операции, выпавшая на корпус задача была им выполнена. До самого Бухарестского сражения корпус служил связующим звеном между обоими армиями, а с подходом к Бухаресту принял непосредственное участие во взятии города.

Работа кавалерийского корпуса Шметтова и способ его применения доказал с полной очевидностью необходимость иметь хорошо снаряженную, сильную армейскую конницу. Достижение успеха с небольшими частями осуществимо лишь при условии быстроты действия. Последнее может быть достигнуто лишь при условии, если противнику не будет дано времени опомниться, оправиться и осесть на новой позиции. До конца 1917 года применение сильных кавалерийских масс не оказалось возможным, ввиду постепенного сокращения числа кавалерийских полков.

После прорыва у Злочева предполагалось ввести в бой большие кавалерийские массы, но обстановка не позволила провести этого в жизнь.

Произведенный по приказу Керенского, 18 Июня, прорыв на Юго-Западном русском фронте, привел к отходу австрийских войск, которые были отброшены русскими. Этим отходом пути сообщения Южной Германской армии были поставлены в крайне опасное положение. Ввиду отсутствия по близости свободных Германских резервов, пришлось решиться бросить к угрожаемому месту Баварскую кавалерийскую дивизию. Своевременный ввод этой дивизии сказался впоследствии, при начатом Германском контр-наступлении. Баварская кавалерийская дивизия, усиленная бригадой лейб-гусар, должна была преследовать отходившие, после произведенного немцами прорыва, русские войска. Главным образом эта задача выпала на бригаду лейб-гусар, которая, не взирая на слабый численный состав, дала блестящие результаты.

Благодаря своему составу (лейб-гусарская бригада, полк Гардедю-Кор, 2 резервное пулеметное отделение, отделение 35 полевого конного артиллерийского полка, 5-я легкая полевая батарея 257 полка, группа

самокатчиков 26 резервного егерского баталиона и легкая искровая станция) она могла легко служить прочным обеспечением левого фланга активной группы в дни боев с 19—28 июля. 23 июля бригада была переброшена к югу, а с 24 начала преследование, продолжавшееся до реки Серета.

Учитывая, что расположенные южнее пункта прорыва русские части отходили значительно медленнее, чем быстро откатывавшиеся к северу части, германское командование сочло наиболее желательным использовать это положение и перерезать конницей пути, отходившей южной группе русских войск. Осуществление этого плана не могло быть проведено в жизнь с достаточной быстротой силами бригады, располагавшей всего 600 стрелками и 27 пулеметами. Все же постоянными наседаниями противник был вынужден ускорить свой отход, который встречал не мало затруднений, вследствии разоренности края.

В течение этой операции бригаде удалось перервать железнодорожное сообщение по линии Бучач—Чортков—Копычинцы. Кроме того было оказано давление на отходящие колонны противника. К сожалению, отсутствие при бригаде самокатных частей лишало ее достаточной огневой силы, вследствии чего и самый нажим оказался слабее.

Из остальных эпизодов следует еще отметить взятие г. Борщова, которым были опять таки обязаны быстроте действий бригады, овладевшей участком позиции, прикрытым речной преградой, заставив тем самым очистить всю позицию. В боях под Борщовым сказались достоинства легкой полевой гаубицы, огня которой не выдержал численно превосходивший нас противник. По занятии Борщова наступление продолжалось, а к 30 июля германские войска перешли Збручь. В дальнейших фазисах войны следует отметить роль конницы при занятии Украины.

Ей не пришлось воевать с дисциплинированными войсками, но зато пришлось иметь дело с населением явно тяготевшим к Советской России и враждебному к немцам. В особенности это сказывалось при высылке небольших частей и патрулей, которые постоянно подвергались нападению со стороны местного населения. Эти нападения кончались уничтожением патрулей или небольших частей. Поэтому пришлось считаться с необходимостью отправляемые части доводить до 15—20 человек, не отправляя их в меньшем числе.

Быстрому занятию Украины мы обязаны действиям 2-й кавалерийской дивизии. До переброски ее на Украинский фронт, она несла службу на позициях, в окопах. Конский состав этой дивизии был расположен в 100—200 клм. от спешенных частей и применялся не по прямому назначению. Поэтому конский состав не был подготовлен к выпадающей на него задаче, на прохождение в короткий срок больших расстояний. Это обстоятельство обострялось еще и тем, что зачастую приходилось держать лошадей при непогоде под

открытым небом, дурным состоянием дорог и затруднениями, испытываемыми в подвозе. Тем не менее, дивизия выполнила свою задачу. Так например, 25-я кавалерийская бригада сделала при снежной вьюге, в первые три дня 140 клм. Впрочем, следует отметить, что способность столь быстрого передвижения зиждилась отчасти и на том, что слабые или обессилевшие лошади сдавались населению, а на их замену брались у него свежие. Лошади, взятые у населения, оказались вполне привычны к тягостям походной жизни и приспособленными ко всякого рода заменам фуража. Без них не было бы возможности достигнуть намеченной цели и пройти в 4 месяца в среднем 3000 клм. На Украине большую роль сыграла ординарческая служба. Ввиду скорости движения, в большинстве случаев, средства связи отставали, дороги же не допускали применения самокатных частей и автомобилей. Пришлось, главным образом, базироваться на ординарцах.

Помимо обыденных задач на конницу на многих театрах военных действий выпадала также задача по обеспечению за собой завоеванной территории. Без содействия конницы не осуществить бы связь в тылу, борьбу с бандитизмом, где он существовал и не организовать этапных линий в тех местностях, где работа авто-транспорта оказалась невозможной. В одинаковой степени, но в меньшем масштабе, проявила себя дивизионная конница. На нее выпадала задача тактической (боевой) и ближней разведки. Во время маневренной войны, она зачастую страдала от количества выпадавших на нее задач по обслуживанию штабов, что ослабляло ее боеспособность.

Опыт истекшей кампании дает возможность сделать следующие выводы в отношении организации, подготовки, выездки, снаряжения, вооружения и пополнения людьми и лошадьми:

1) Организация конницы—Боеспособность конницы в значительной степени была ослаблена постоянными откомандированиями кавалеристов в разные штабы. Было бы правильнее, если бы сразу было выделено необходимое число для ординарческой службы в штабах с тем, чтобы потом уже не дробить и численно не ослаблять кавалерийских частей, на которые выпадали более ответственные боевые задачи. Усиление боеспособности конницы было бы достигнуто также усилением ее ружьями—пулеметами.

Можно считать, что командиру полка, располагающему четырьмя ружьями—пулеметами на эскадрон, притороченными к седлу, при наличии запасов материальной части на шесть ружей—пулеметов, было бы легче выполнить ту или иную боевую задачу, пользуясь силой своего огня.

Численный состав эскадрона—150 человек, был бы вполне достаточным, если бы не откомандирование ординарцев, значительно сокращавшее численный состав эскадрона.

Придача 4-х эскадронному полку одного пулеметного эскадрона (6 пулеметов и 3 резервных) и отделения связи, была бы вполне целе-

сообразной. При наступлении лейб-гусарской бригады в Галиции, наличие этих технических и огневых средств при коннице, оказалось весьма ценным.

Организация армейской конницы должна удовлетворять требованиям подвижности, силы огня и единства действий. Этим требованиям не отвечали ни кавалерийские дивизии, ни кавалерийские корпуса. В этом отношении наиболее удачным можно было признать принятую в Галицийских боях организацию лейб-гусарской бригады: 3 кавалерийских полка по 4 эскадрона, по одному пулеметному; один егерский баталион на грузовиках; один самокатный баталион, одно отделение конной артилерии в составе одной легкой батареи и одной гаубичной, иногда одну тяжелую гаубичную батарею, одно отделение саперных войск, отделение службы связи, одна тяжелая и две легких искровых станции, один артиллерийский парк. В таком виде можно считать кавалерийскую бригаду вполне подвижной и самостоятельной. Дивизионную конницу можно было бы держать в меньшем составе (в начале войны 3—4 эскадрона). Вполне достаточным было бы иметь на дивизию два эскадрона при ружьях—пулеметах; с этим числом они могли бы вполне обслуживать все нужды дивизии, по при условии, что с них сняли бы работу ординарческой службы.

2) **Подготовка (обучение).** Подготовку мирного времени следует в общем считать вполне удовлетворительной. Однако было бы ошибочным в будущем ограничиться этой же подготовкой и не стремиться к дальнейшему ее усовершенствованию, так как это могло бы превратить конницу в ездящую пехоту. В то же время война показала настоятельную необходимость в более тщательной подготовке конницы к пешему бою. Соответствующая подготовка всадника и лошади остаются в силе, ввиду того, что лишь выезженная лошадь, при хорошем ездоке, даст коннице все необходимые ей боевые качества, в то время, как конница на невыезженных лошадях будет лишь обузой. Опыт войны показал, что лишь хорошо выезженные и тренированные лошади оказались способными выдержать все тягости походной и боевой жизни. Маршевые пополнения в подготовке оказались значительно слабее. Подготовка к пешему бою была недостаточной. Следует признать, что в мирное время этому роду службы не уделялось должного внимания и большинство кавалерийских полков относилось к нему поверхностно. Повидимому, начальники предполагали искать решения боев в конных атаках, считая, что пеший строй будет исключением. Но это предположение оказалось ошибочным. Конные атаки являлись редкостью и при действиях против пехоты не дали ожидаемых результатов. За всю войну не было ни одного крупного сражения, где бы в атаке, с обоих сторон, приняли бы участие конные массы. Зато зачастую коннице пришлось вести бои в пешем строю. К сожалению, конница не была вполне подготовлена к этого рода бою: главным образом отсутствовало умение использовать силу своего огня (карабин и пулемет), неумение использовать выгодные для пешего строя бое-

вые порядки, слабое применение к местности в пешем строю, незнакомство с окопной службой.

Служба разведки и охранения также оказалась с началом войны не на должной высоте и конница оказалась не всегда способной справится с выпадавшими на нее задачами.

Маневренные привычки, от которых войска не могли сразу отучиться, оплачивались жизнью, как например, за неосторожный подход к позиции противника. Не было принято во внимание и учтено значение техники современного оружия. В течение войны быстро изменялся способ вождения раз'ездов. Они с приближением к противнику искали укрытия, с которого вели наблюдение, и предпочитали вести дальнейшую разведку в пешем строю, основываясь на прежних, дорого обошедшихся подходах в конном строю. Этим способом, приближаясь к какому нибудь пункту, они стремились вызвать огонь противника, открывая таковой с своей стороны. Если противник не отвечал, то разведка продвигалась дальше к намеченному пункту в пешем строю. Коноводы подтягивались при первой возможности. Этот способ действий оказался наиболее жизненным и получил широкое применение.

Саперная подготовка оказалась также недостаточной. В особенности сказывалось отсутствие знаний и навыка в работе по восстановлению разрушенных мостовых переправ, как это было при наступлении на Люттих, когда конница не могла собственными средствами переправиться через Маас и должна была ожидать подхода пехоты. Это потерянное время позволило противнику подтянуть резервы, вследствии чего дальнейшее развитие операции стоило Германской армии больших жертв, которые можно было бы избежать, если бы только конница сразу же переправилась на противоположный берег и неотступно преследовала противника. В одинаковой степени, не была в должной мере оценена служба связи и посылка донесений. Значение этого рода службы было сознано лишь во время самой войны.

Подготовка, полученная офицерами и унтер-офицерами в кавалерийской телеграфной школе, оказалась недостаточной, равно как и проходившиеся в войсках методы обучения.

Из вышеизложенного видно, что в современной войне коннице пред'являются самые различные и ответственные роли и задачи, которые требуют высокой подготовки и обучения ее личного состава.

3) Выездка—Значение кровности лошади выявилось на войне полностью. В особенности, хороши оказались среднего роста лошади Восточной Пруссии; они служили лучше, чем высокорослые. Этим об'ясняется то обстоятельство, что гусарские и драгунские полки, преимущественно сидевшие на этих лошадях, дольше сохраняли свою боеспособность, чем другие полки, пополнявшиеся более рослыми, но и более слабыми лошадьми.

Если конский состав в течение войны сильно сдавал, то это об'яснялось не его негодностью, а сравнительной его невтянутостью и изнеженностью мирного времени. Существовавшая до войны тенденция—держать коротко стриженых лошадей и в зимний период, вынуждала командира эскадрона проявлять особую заботу о наличии теплых конюшен, подчас даже в ущерб хорошей вентиляции. Эта система пагубно отразилась во время войны, в особенности на восточном фронте, на Украине и привела к многократным простудным болезням, которые выводили конский состав из строя на долгое время, а иногда кончались и падежом.

Поэтому правильнее было бы, еслибы в конских запасах и в войсках лошади сразу же приучались ко всем невзгодам боевой жизни, в особенности, ко всякого рода влияниям погоды и расквартированию при всяких условиях, вплоть до размещения под открытым небом. В одинаковой степени не был всесторонне разрешен фуражный вопрос. Конечно, нормы и качество фуража, выдаваемого в мирное время, были наиболее подходящими. Однако, этот корм в значительной степени избаловал лошадей, вследствие чего они туго применялись ко всякого рода заменам, к которым приходилось прибегать с первых же дней войны. Это сразу сказывалось на работоспособности лошади и чувствительности ее ко всякого рода заразным болезням. В особенности, пришлось нести чувствительные потери от чесотки. Так называемая „панская лошадь" и украинская, которыми пришлось к концу войны пополнять конницу, оказались вполне приспособленными ко всякого рода корму, вследствие чего были менее чувствительными и легче переносили тяготы боевой и походной жизни. Остается еще упомянуть о создании газовых масок для лошадей, которые оказались необходимыми, дабы сохранить конский состав от вредного влияния газовых атак. Применявшиеся на войне газовые маски не отвечали своему назначению.

Обращает на себя внимание самоотверженная работа ветеринарного персонала, в особенности в деле борьбы с болезнями и в частности с чесоткой. К сожалению, в мирное время ветеринария оказалась не на должной высоте и не была вполне подготовлена к тем задачам, которые на нее выпали во время войны. Все эти недостатки были сравнительно быстро устранены, благодаря умелому руководству Главного Ветеринара Волера и при содействии ветеринарных врачей Западного, Восточного и Юго-Восточного фронтов (последние должности были созданы во время войны). Благодаря их работе и работе полковых врачей, как действительной службы, так и призванных из запаса, ветеринария и уход за лошадьми в лазаретах достигла прекрасных результатов и дала возможность успешно бороться с сапом и другими болезнями. Применение серных газов позволило также сравнительно легко побороть эпидемии чесотки.

4) Снаряжение, обмундирование, вооружение. Снаряжение конницы, с которым она выступила на войну, оказалось недостаточным. Прежде

всего недоставало походных кухонь, которые были введены дополнительно. Без них оказалось невозможным организовать правильное питание конницы, что приводило к ослаблению ее сил, а через это и к падению боеспособности. Со временем опыт показал, что имевшееся штатное имущество, было слишком громоздким и тяжелым. В особенности это было ощутимо на Восточном фронте. Имущество конницы должно было быть способным всегда следовать за ней, дабы его можно было использовать в любой момент; этого не было, так как при движении по плохим дорогам, оно всегда отставало. Бойцу недоставало одеяла, шанцевого инструмента и ножниц для резки проволоки. Отсутствие ножниц чувствительно сказалось в Бельгии, где раз'ездам, в своем наступательном движении, не раз приходилось задерживаться, вследствии обилия проволочных заборов, стеснявших свободу действий. Принятый в армии образец седла оказался вполне отвечающим своему назначению.

Обмундирование, хотя и защитное, носило на себе отпечаток старых традиций. Желательно было иметь однотипную форму, как в пехоте, так и в кавалерии для того, чтобы противнику было труднее угадать, с каким родом войска он имеет дело. Оказалось необходимым ввести в кавалерии стальной пехотный шлем.

Вооружение кавалериста к началу войны состояло из карабина, иногда револьвера, палаша и пики. Карабин и револьвер оказались вполне отвечающими своему назначению и не требовали замен. Но зато ощущался недостаток в оружии ближнего боя, в пешем строю. По этой причине кавалерист получил тесак на замену палаша.

Правильность такой замены является сомнительной. Казалось, было бы лучше сохранить кавалеристу палаш, притрочив его к седлу, как оружие необходимое в конном строю, отобрав у него пику, которая была крайне стеснительной при спешивании и, сравнительно, редко применялась.

Что касается придачи пулеметов, то об их значении и пожеланиях изложено выше.

5) Пополнение людьми и лошадьми.

Отрицательным свойством прибывающего на фронт пополнения, была его слабая подготовка. Следовало бы дело обучения людей и доездки конского состава в маршевых эскадронах до их отправления, поручить опытным и боевым офицерам. В одинаковой степени было бы правильным назначать в инспекции вполне подходящих для этой цели лиц, что в действительности не всегда делали; в инспекции попадали лица, не подходившие к этого рода службе ни по возрасту, ни по состоянию здоровья. Война выдвинула в отношении всех родов войск требование более тщательной и повышенной подготовки. Это в особенности относится к коннице.

Не подлежит сомнению, что конница дала бы еще более блестящие результаты в своей работе, если бы в мирное время, в деле под-

готовки кавалериста и лошади, мог быть учтен боевой опыт, внесший столь большие поправки и изменения во взгляды на работу и применение конницы".

* * *

В старой армии коннице уделялось не мало внимания. Русская конница, качественно и количественно, значительно превосходила кавалерию других стран Европы и из всех родов войск оказалась наиболее подготовленной к Европейской войне.

Ряд боевых эпизодов служит тому доказательством. Можно почти с уверенностью сказать, что слабая работа той или иной кавалерийской части зависила не от ее личных качеств, а находилась всецело в зависимости от выбора начальника, в полной мере подтверждая старую истину, что «история конницы—история ее начальников".

В Красной Армии создание конницы шло крайне медленно и таковая развивалась по мере общего роста Красной Армии.

В своем развитии конница встречала ряд значительных затруднений, вызывавшихся отсутствием хорошего командного состава, материальной части и лошадей. Поэтому рост конницы в значительной степени зависил от наших побед на востоке и юге, дававших в наши руки районы богатые лошадьми и позволявших пополнить ряды конницы природными кавалеристами, каковыми являлись казаки (Кубанцы, Донцы, Уральцы, Оренбуржцы, Астраханцы и т. п.).

Этим об'ясняется то положение, которое занимала в Красной Армии конница до разгрома Колчака и Деникина и после.

Бои на Польском фронте и против Врангеля были первыми серьезными испытаниями Красной конницы, где ей пришлось иметь дело с организованной и хорошо обученной кавалерией, руководимой опытными начальниками.

Красная конница это испытание выдержала и не взирая на свою неопытность и многие недостатки, присущие всякому молодому, еще не сформировавшемуся организму, нанесла своим противникам ряд кровавых поражений, значительно превзойдя, в некоторых случаях, в своей работе, конницу царского режима.

Конец войны, равно как и боевой опыт обоих войн, дают возможность сделать сравнительно широкую оценку деятельности конницы и наметить те основные положения организации, подготовки и обучении, на которых желательно было бы обосновать будущую работу и существование кавалерии.

Организация: Если проследить историческое развитие конницы, то мы увидим, что еще во времена Наполеона существовало разделение на конницу стратегическую (армейскую) и дивизионную, для выполнения более мелких задач.

Наполеоном зачастую применялась работа конных масс, как в виде корпусов, так и резервных кавалерийских масс, сосредоточи-

заемых для решения особых задач. Это были своего рода конные армии. По окончании этих задач массы рассредоточивались.

Наиболее применяемой и приобревшей право гражданства организацией был конный корпус.

Его мы встречаем в 1865 г. в Сев.-Ам. войну у Шеридана, в Австро-Прусскую войну 1866 года и в 1877 году. Равным образом и в 1904—05 году видно стремление к созданию конных масс в виде отрядов.

Исключение представляет собой война 1870 года, причем отсутствие корпусных соединений у немцев, сразу же сказалось при развитии операции. Эту ошибку сознали немцы и в своем уставе, принятом до войны 1914 г', требовали наличия высших кавалерийских соединений. Английский устав пред'являет такие же требования. При этом последний рекомендует иметь штабы высших кавалерийских соединений еще в мирное время, тогда как по германской организации, высшие соединения предполагалось создавать с об'явлением войны.

Конница наиболее крупных держав, к началу Европейской войны, имела следующую организацию:

Английская кавалерия имела на дивизию 4 бригады по 4 полка каждая и по 3 эскадрона на полк. Это соотношение примерно рекомендовал и германский военный авторитет Фридрих-фон-Бернгарди, но по его схеме, дивизия должна была быть 3-х бригадная, а полки 4-х эскадронные. Во Франции дивизии существовали 2 и 3-х бригадные, двухполковые 4-х эскадронного состава; организация германской конницы изложена выше. Следует лишь отметить, что от бригадной к дивизионной организации, немцы перешли после мобилизации, чем и об'ясняется высокая нумерация бригад, которая была за ними сохранена.

Итальянская и австрийская конница имели организацию однотипную с русской, т. е. 4-х полковые (6-ти эскадронные) дивизии. В общем, по мирному времени, в Германии насчитывали 11 кав. див., в Австрии 9, во Франции 8.

Численность английской кавалерии до войны точно учтена не была, т. к. в русском Ген. штабе не имелось данных, сколько могут выставить английские колонии.

Наиболее богатой конницей была Россия, давшая армии, помимо отдельных единиц и бригад, 35 кав. дивизий, что представляет собой весьма внушительную величину.

При этом опыт войны показывает, что как с нашей стороны, так и со стороны немцев, в войну 1914—18 применялись конные корпуса и отряды. Наше командование, однако, начало войну, не имея таких единиц, вследствие чего первоначально появились отряды.

Дивизионная конница имела следующую организацию. В Германии, в начале войны, каждой дивизии придавался 4-х эскадронный полк. Современем пришлось перейти на меньшее число. Во Фран-

ции дивизия имела один эскадрон, а корпусу придавалась бригада в 8 эскадронов. В Австрии дивизии придавалось 3 эскадрона. В Италии—на корпус 6-ти эскадронный полк, т. е. организация наиболее приближающаяся к нашей.

В России, по мобилизации, корпусу придавался казачий полк 3-й очереди и одна второочередная сотня, для чисто ординарческой службы.

Со временем, когда армию пришлось численно увеличить, а ресурсы начали иссякать, от этих сотен пришлось отказаться, а впоследствии отняли и казачьи полки, оставив на корпус по 2 сотни, что было недостаточно и вызывало постоянные жалобы и стремления к прикомандированиям строевых эскадронов из кавалерийских дивизий.

В Красной Армии первоначальная схема предусматривала вопрос дивизионной конницы крайне широко. Дивизии должны были иметь полки, а бригады—дивизионы.

При этом допускалось иметь даже 2 полка.

Однако, отсутствие лошадей, хороших кавалеристов и самый ход формирования Красной Армии, не дал возможности столь широко снабдить дивизии кавалерийскими частями, вследствие чего дивизии имели лишь по одному, притом всегда численно неполному полку; в конечном счете от отдельных дивизионов отказались. По той же причине первоначально количество кавалерийских дивизий было крайне ограничено, а организация их была весьма разнообразна.

Последнее происходило из за того, что фронты, коим было предоставлено право утверждения штатов, формировали дивизии, в зависимости от местных условий и политической обстановки, различно.

Благодаря этому можно было встретить, как 2-х, так и 3-х бригадные дивизии, а также 4 и 6 эскадр. полки.

По мере расширения территории, в Красной Армии начали появляться высшие кавалерийские соединения, ввиде корпусов и армий, которые, к началу 1920 г., приобрели право гражданства. Дивизионная конница 1921 г. была реорганизована и вместо полков, дивизии сохранили отдельные 2-х эскадронные дивизионы, а бригады—эскадроны и были введены в штат особые ординарческие взводы при дивизиях и в бригадах. По инициативе штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии, в Москве, в феврале 1921 года была собрана особая комиссия по рассмотрению штатов и организациии Красной конницы.

Результаты ее еще неизвестны, но опыт Европейской и гражданской войны дает мне возможность сделать следующие выводы и выдвинуть следующие пожелания.

По своей работе и задачам следует иметь: 1) конницу армейскую (стратегическую), на которую должны выпасть более крупные задачи, как то: работа при об'явлении мобилизации, по прикрытию стратегического развертывания или вторжении в пределы неприятельской страны, дабы помешать сосредоточению противника и про-

извести беспорядок в ближайшей к границе полосе, задачи по прикрытию отхода, действия на флангах и в промежутках между армиями и т. п. 2) конницу дивизионную, работающую впереди фронта дивизии, по ее заданиям, примерно в 10—20 верстах, прикрывающую и обеспечивающую фланги дивизии, работающую в тылу дивизии, по прикрытии тыловой дороги (если надо), ведущую ближнюю разведку и ближнее преследование, или первоначальное прикрытие при отходе частей дивизии. 3) Конницу специально предназначенную для службы связи и ординарческой. Раньше на это не обращалось внимания, что приводило к постоянному выделению ординарцев из строевых эскадронов. Учитывая их слабый численный состав, приходилось считаться с тем, что подобное выделение понижает боеспособность дивизионной конницы, но жизнь настоятельно требовала этого выделения, во имя сохранения необходимой в боевой обстановке связи между штабами.

В конце концов на это обратили внимание учреждением специальных ординарческих взводов.

Краткий исторический очерк указывает на бесспорную необходимость иметь высшие соединения. Поэтому можно с уверенностью сказать, что они нужны и исторически оправдали свое существование. Остается лишь решить: в какую форму они должны вылиться? Войны знают 2 вида высших соединений:—корпус и армию.

Следует отдать первому предпочтение перед вторым и признать, что если армии и допускались, то не как постоянные соединения, а лишь, как временные, на определенный срок, для решения определенных задач. Конные армии мы встречаем в чистом виде лишь у Наполеона. Вновь они появляются в гражданскую войну. Но у Наполеона они носили временный характер, а в Сов. России получили вполне узаконенную и постоянную организацию.

Если они и существовали во время войны, то при внешней реорганизации их следовало бы упразднить.

Действительно, такая организация конной армии, имеющая свои большие и весьма громоздкие тылы, совершенно не отвечает духу подвижности и быстроты. Конная армия зародилась на Кавказе и в таком виде перешла на Западный театр военных действий, для борьбы с Польшей. На Кавказе, формируясь почти одновременно с работой по преследованию разбитого Деникина, все ее недостатки не смогли быть сразу обнаружены, можно даже считать существование этой конной массы, об'единенной в одних руках,—уместной. Однако, с окончанием разгрома Деникина, конную армию следовало расформировать. Между тем она продолжала существовать и в таком виде прибыла в район Юго-Западного фронта.

Первое затруднение, которое испытало командование—это был вопрос ее переброски; пришлось в силу необходимости вести конницу походом, т. к. переброска ее по железной дороге, заняла бы несколько месяцев. Самое движение походом вероятно также обошлось не без

трений, ибо приготовить на такую массу необходимый фураж и продовольствие, задача не из легких. В вопросе расквартирования также должны были встретиться недоразумения, т. к. расквартировать конную часть вообще труднее, чем пехоту, а такую массу в особенности.

Первая операция, предпринятая конной армией, по борьбе и действию в тылу Польского фронта, в районе Житомира, приведшая к отходу поляков и очищению ими Киева, доказывает, что в выполнении данной задачи, конные массы были вполне уместны. С другой стороны, становится очевидной бесполезность громоздких тылов, влачивших сравнительно жалкое существование. Принять участие в этой блестящей операции они естественно не могли.

В дальнейшем конная армия принимает участие в войне с Польшей, как самостоятельный организм, имея свой операционный участок фронта. За это время опять таки тылы ее значительно отстают от войск и польза их возбуждает сомнение. Дивизии по существу обходятся без них, равно, как и командование, которое довольствуется небольшим полевым штабом.

Таким образом, тылы оказываются нужными в период сосредоточения в тылу, при сравнительно мирной обстановке, т. е. именно тогда, когда по существу можно обойтись без них. В коннице они, таким образом, являлись паразитами.

В отношении применения самой армии и ее работы можно указать, что способ применения конных масс на подобие пехоты—является наиболее слабым и неудачным, свидетельствуя о том, что высшее командование не учитывало основных свойств конницы. Нет ничего хуже топтания кавалерии на месте и бесплодных ее попыток к прорыву позиций, сильно занятых пехотой противника. В результате—конница несет потери, теряет свою подвижность, в ряде пеших боев отвыкает от действий в конном строю, становится ездящей пехотой, и деморализуется. Придача пехотных дивизий для большей устойчивости—паллиатив.

В конечном счете кавалерийская масса обречена на пассивность, в то время, как будучи распыленной по армиям, в отдельности каждая дивизия могла бы принести большую пользу.

Это же обстоятельство в особенности ярко выступало на польском фронте. В то время, как Буденный на Юго-Западном фронте нес бесполезные потери в боях с польской пехотой, теряя в людях и конском составе, Западный фронт ощущал крайнюю нужду в коннице.

Можно с уверенностью сказать, что отход поляков получил бы совершенно иной результат, при наличии кавалерии во всех 4-х армиях западного фронта.

В то время, как Польское наступление развивалось действием конницы, шедшей впереди своей пехоты, мы пред'явить ничего не могли и прикрывали свой отход слабыми и духом, и числом, пехотными арриергардами.

Перебросить к этому времени конную армию было невозможно.

Вообще под большим сомнением, насколько осуществима в боевой обстановке такая переброска конной массы.

Движение нескольких кав. дивизий в тылу должно привести к полному его обнищанию, т. к. конница на своем пути все с'ест, не будучи в силах базироваться на собственный тыл.

Самое название и организация конной армии вынуждают подчинить ее непосредственно командованию фронта, так как подчинить ее командарму неудобно.

Это же обстоятельство приводит к необходимости дать конной армии самостоятельный участок, что во многих отношениях, как изложено выше, так же не выгодно, так как приковывает конницу к определенному месту.

Вывод ясен—конные армии Наполеоновской эпохи приемлемы и теперь, но на время решения определенной задачи, а не как постоянная организация,*) как было и есть у нас сейчас. Наиболее приемлемыми, таким образом, организациями явятся конные корпуса, в состав которых должны войти от 2 до 3 кавалерийских дивизий, предпочтительнее—две.

При этом организация конного корпуса должна существовать уже в мирное время. Это позволит командиру корпуса близко ознакомиться со своими частями, изучить их, подготовить себя и их к предстоящей боевой деятельности.

Однако, конный корпус следует рассматривать, как орган чисто оперативного управления, лишенный всяких громоздких тылов, которые во время войны, как и в конной армии, останутся в глубоком тылу частными зрителями развивающихся событий.

Это очевидно по одному тому, что при своей подвижности, конный корпус не может иметь вполне определенного тыла. Ему придется зачастую менять свою базу в зависимости от района действий и рассчитывать главным образом на местные средства.

С другой стороны, не следует считать организацию конного корпуса, в смысле вошедших в его состав войсковых организаций, чем то незыблемым.

Командарму должна быть, в зависимости от обстановки, предоставлена широкая инициатива и право распоряжаться кавдивизиями.

В случае оставления конного корпуса в составе одной дивизии, ему может быть подчинена ближайшая стрелковая дивизия и образована небольшая группа.

Я останавливаюсь на этом вопросе, учитывая то, что против такой системы, первыми будут восставать командиры корпусов, усматривая в этом дробление их сил и нарушение организации; это покажет только их нежелание считаться с тем, что к этому нас может понудить обстановка.

---

*) Примеч. ред. Личное мнение автора.

Конечно, при первой возможности организация корпуса должна быть восстановлена.

Обыкновенно, в целом ему придется действовать при стратегическом развертывании, прикрывая фланги армии, или отход и при преследовании противника. Периоды сближения с противником и завязки большого сражения будут моментами возможного дробления корпуса...

Переходя к рассмотрению организации кавалерийской дивизии следует отметить, что наиболее для нас приемлемой была бы 3-х бригадная дивизия, имеющая в каждой бригаде по 3 полка по 4 эскадрона каждый, или всего 36 эскадронов. Такая дивизия вполне устойчива, представляет собой достаточную реальную силу, маневренна и гибка в управлении. Наличие же „троек" позволяет сравнительно легко разрешать вопросы распределения сил на боевой участок и резерв.

Жизненность этой организации подтверждается как авторитетом Бернгарди, так и английским уставом.

В отношении дивизионной конницы, следует считать наиболее желательным иметь на дивизию 6-ти эскадронный кав. полк, который мог бы в таком составе нести службу разведки и служить, в случае надобности, достаточным обеспечением фланга дивизии.

Принятая ныне организация приводит лишь к распылению сил и дает, как комбригам, так и начдивам, средства слабые для самостоятельной работы и не связанные одним целым. Последнее обстоятельство приведет к тому, что впереди дивизии будет болтаться в одной и той же полосе, как бригадная, так и дивизионная конница, выполняющие одну и ту же задачу.

В нужный же момент хорошей кавалерийской части не окажется на лицо.

По своей силе, 6-ти эскадронный кав. полк может свободно вести разведку на фронте 24 версты, т. е. охватить примерный фронт стр. дивизии и будет еще располагать ядром; кавалерийскому же дивизиону это не под силу.

Кроме того, ради сохранения боевого элемента полка, дивизии и корпуса, необходимо иметь специальную конницу для несения ординарческой службы, ввиде отдельных эскадронов, приданных штабу стр. и кав. дивизии, штабу конного корпуса и армии и взводы в бригадах. Эти эскадроны могут существовать, либо как самостоятельные, или входить в состав соответствующих баталионов или дивизионной связи (технических). Наконец, численный состав эскадрона желательно иметь не меньше 120 сабель или 15 рядов во взводах.

В отношении инженерных средств и связи, придаваемых коннице, можно согласиться с автором статьи р. Аммона, что возить за собой понтоны не целесообразно; все-же следует иметь облегченные средства переправы, как например, поплавки Полянского.

В отношении организации и числа придаваемых средств, можно считать вполне достаточным, иметь на каждую дивизию технический дивизион, в составе ординарческого эскадрона, эскадрона телеграфно-телефонной связи, радиостанции и дорожно-мостовой эскадрон или 1/2 эскадрон.

На конный корпус следует иметь технический полк, в составе ординарческого эскадрона, 2-х телеграфно-телефонных эскадронов, радиостанций, и дорожно-мостового эскадрона. Этих средств будет вполне достаточно для правильного поддержания связи не только вниз, но в случае надобности и вверх, количественно это не будет обременяющим и громоздким.

Наконец, на конный корпус придется иметь небольшой артиллерийский парк для запаса огнеприпасов.

Организация кав. частей в военное время, по мобилизационному плану, должна предусматривать придачу 2-х дивизионного конного корпуса каждой армии. Если этого числа дивизий страна дать не может, то ограничиться придачей каждой из армий одной дивизии.

Во всяком случае, армейский участок должен быть обеспечен своей стратегической конницей.

Примеры прежних войн и гражданская война слишком определенно указывают нам на те последствия, которые бывают при отсутствии кавалерии.

Вооружение: Кавалерия имела на вооружении холодное и огнестрельное оружие.

Холодное оружие, колющее — пику и рубящее — саблю, палаш, шашку. Огнестрельное — ввиде карабина или винтовки и револьвера.

В отношении огнестрельного оружия почти везде были одинакового мнения о его необходимости. Существовала лишь разница в носке. Наша конница имела винтовку за плечами, германская выступила на войну с притороченной к седлу винтовкой, от этого способа однако со временем отказались.

Наиболее целесообразной следует считать вооружение винтовкой или карабином, непосредственно носимыми всадником за спиной и через правое плечо, по казачьи.

Револьвер, при наличии винтовки, по существу может и не быть у кавалериста; винтовка или карабин должен быть снабжен штыком, которые надеваются при спешивании и ведении огневого боя, в предвидении штыкового удара. У нас винтовка имела штык, у немцев штыка не было, но к концу войны кавалерист получил тесак, коим думали заменить палаши. Возможна еще придача ручных гранат, но это не обязательно.

К винтовке всадник должен иметь не менее 60 патронов. За последние годы войны замечалась тенденция увеличивать это число носимого запаса, вдвое. Полагаю, что при умении стрелять и сравнительной скоротечности кавалерийского боя 60 патронов хватит. При наличии грудных патронташей цифру можно увеличить до 90.

Надо помнить, что лишняя перегрузка всадника и лошади вредны и лишают их подвижности.

Что касается холодного оружия, то здесь существовали различные мнения. Несомненным фактом остается значение рубящего холодного оружия и при том шашки или сабли. Палаш наименее удобное оружие и скорее по типу подходит к колющему; поэтому вооружать конницу удобнее всего шашкой, как оружием среднего типа между саблей и палашем, или саблей. Наиболее спорным вопросом является пика.

Немцы до войны придавали ей огромное значение и вся их конница имела в первой шеренге пики. Мы начали вооружение всей конницы пиками, почти перед самой войной. Отрицать значение пики при фронтальном ударе нельзя. Плюсы этого оружия в общих чертах сводятся к следующему:

Характерным надо считать то, что немцы после войны стали отказываться от пики, считая ее неудобной и связывающей всадника при спешивании. В России с первых же дней войны большинство регулярных частей побросало свои пики.

И сейчас раздается много голосов, ратующих за упразднение пики, как оружия ненужного и стесняющего всадника.

Полагаю, что пика не отжила свой век, но вооружать ею поголовно всю конницу не следует; ее надо сохранить в тех частях, которые к ней привыкли, например наши казаки.

Французы, базируясь на принципе маневренности, не признают пики и в их коннице она не привилась.

Следует считать, что в Красной коннице, она не получит широкого применения и на этом не следует настаивать до тех пор, пока конница не встанет на вполне определенный фундамент. В малой войне и при преследовании, пика приобретает большое значение.

Таким образом, всадник должен иметь на себе винтовку со штыком, при 60—90 патронах и приторoченную к седлу шашку или саблю.

Револьвером должны быть вооружены те, кто не имеет винтовки, как например, командный состав.

Ручные гранаты допустимы, но не ввиде правила. Остается еще разобрать вопрос вооружения пулеметами и артиллерией.

Война 1914—18 г. произвела значительное изменение во взглядах на потребность технического оружия в коннице. До войны мало считались с необходимостью придачи ей особой устойчивости. Как видно из статьи ротм. Аммона, в Германии пеший строй и стрелковое дело были в загоне. Все зиждилось в обучении конным атакам. Тоже было и у нас.

Однако, 4 года войны, равно как и гражданская война, вполне определенно показали, насколько часто пришлось прибегать к спешиванию; невольно припоминаются слова Михневича, что „от кав. части в пешем строю не должно пахнуть конницей“, т. е. она должна уметь действовать по пехотному.

Если это так, то ей необходимо придать и огневые средства—пулеметы и артиллерию, обеспечивающие ей устойчивость.

Одновременно с этим не следует перегружать конницу. В старой армии имелись первоначально дивизионные пулем. команды, по одному взводу от полка, всего 8 пулеметов.

Современем перешли на полковые команды, что следовало бы признать более правильным. Предлагаемое ротмистром Аммоном число пулеметов надо признать слишком большим. Наиболее подходящей нормой была бы: 4 пулемета (2 взвода) и 8 пулеметов—ружей, при наличии 2 запасн. пулеметов и 4 пул. ружей на полк. Этого числа вполне достаточно, так как оно даст в общем 36 пулеметов и 72 пулемета—ружья, а всего 108 единиц на дивизию. Дальнейшее увеличение явится перегрузкой и вызовет затруднения с питанием огнеприпасами. При этом пулеметы желательно иметь не вьючные, а колесные, следует лишь озаботиться облегчить пулеметные двуколки, дабы допустить движение на разных аллюрах. Вьючные пулеметы хуже работают и при возке набивают спину лошадям. Применение их следует искать лишь в горной местности, как в Туркестане и на Кавказе. Полки дивизионной конницы также следует снабдить пулеметами, придачей пулеметного взвода и 12 ружей—пулеметов по 2 на эскадрон.

До войны австрийская дивизия имела 3 батареи по 4 орудия, французская и итальянская—2 бат. по 4 орудия, английская—одну батарею на бригаду. В России—2 батареи в 6 орудий на дивизию. Опыт войны, с несомненной очевидностью, доказал необходимость придерживаться 4-х орудийных батарей. В отношении числа батарей существовало много различных толков и сейчас, вероятно, как у нас, так и в иностранной литературе, этот вопрос должен дебатироваться.

По существу артиллерия конницы должна, с одной стороны, удовлетворять требованиям подвижности, с другой,—заменяет собой качества легкой пушки и гаубицы.

Наша пушка обр. 1902 года конно-артиллеристами признана слишком тяжелой.

Наиболее удовлетворяющей требованиям являлась бы конно-горная пушка или однотипная с ней, так как это орудие не может дать баллистических качеств гаубицы; следует еще придать коннице помимо конной и полевой пушки, облегченную гаубицу.

Наконец, непрекращающийся рост авиации потребует придачи противосамолетних пушек; таким образом, на дивизию придется придать 2 легких (конно-горного типа) батареи, один гаубичный (облегченного типа) взвод и один противосамолетний взвод; последние два, сведенные в одну батарею, а все три—в дивизион. Дальнейшее увеличение нежелательно и переобременит кавалерийскую дивизию.

За одно будет вполне уместным коснуться желательности придачи облегченных бронемашин (2—4 на дивизию) в роде тех, которые выпускались поляками. Это небольшой „Форд", покрытый срав-

нительно тонкой, но упругой сталью. Машины эти вооружены одним или двумя пулеметами. Значение их чисто моральное: воздействие на противника, а легкость хода допускает повсеместное сопровождение конницы.

Помимо этого было много сторонников придать коннице постоянную пехоту, ввиде самокатных или егерских баталионов. Если в первых можно признавать известную пользу, как более подвижных, то от вторых, по опыту войны (стрелк. дивизионы), лучше отказаться вовсе. Вместе с тем надо учитывать зависимость первых от грунта, дороги и погоды.

Такие баталионы могут входить в состав конных корпусов, но не отдельно действующих дивизий.

Снаряжение и обмундирование: Кавалериста следует в военное время одеть во все защитное; существовавший у нас покрой был вполне приемлемым. Кавалерист должен быть обязательно обут в сапоги, а не ботинки и обмотки, от которых натираются ноги, а сами они быстро протираются.

Помимо этого ему надлежит иметь шинель, плащ (непромокаемый) и одеяло. По крайней мере опыт войны 1914—18 г. показал ценность плащей и одеял; последние служили вместе с тем и потником, предохраняя лошадь от набивки. Наконец, поясной широкий ремень с подсумками или патронташ (нагрудный) и шпоры должны завершить одежду кавалериста. Таким образом, обмундирование кавалериста потребует лишь некоторых дополнений, зато конское снаряжение следует в корне пересмотреть и заменить более соответствующим.

Можно вполне определенно сказать, что наше строевое седло никуда негодно, неудобно, а главное—невероятно тяжело. Если учесть, что нормальный вес кавалериста $4^1/_2$ пуда, а вес седла до $1^1/_2$ пуд., получим 6 пуд. груза на спине лошади, из коих $^1/_2$ мертвого груза. Для средней лошади это много. Офицерское седло удавалось делать весом 20—25 ф. Следует добиться, чтобы вес строевого седла, который будет принят в армии, не превышал 35—40 ф. Последнее достижимо путем сокращения площади потника, облегчения самой системы ленчика, стремян, улучшением качества кожи и т. п.

На это обстоятельство следует безусловно обратить серьезное внимание.

В частности, надо перейти на ординарную широкую подпругу и навсегда выкинуть мундштук, как предмет роскоши и парада, но не полевой езды.

Таковыми могут быть, в общих чертах, пожелания новшеств в снаряжении и обмундировании.

Следует еще упомянуть, что при себе всадник должен иметь круг подков и гвозди к ним, принадлежности для чистки и уборки, торбу, сакву с овсом, смену белья, запас продовольствия и проч. мелочи обихода.

Подготовка (Обучение): Работа конницы требует широкого развития частного почина, вследствие чего на подготовку одиночного бойца следует обратить особенное внимание. Помимо инициативы во всаднике должна быть развита ловкость и сила, достигаемые соответствующей гимнастикой, и умение ездить и управлять конем.

По роду службы, помимо этих качеств, всадник должен быть хорошим разведчиком, уметь владеть оружием, быть стрелком и обладать в совершенстве теорией пешего и конного боя. Поэтому в деле обучения надлежит, главным образом, налечь на следующие отделы:

1) Службу разведки, 2) пеший бой, 3) атаку и бой в конном строю с широким применением маневра, 4) стрельбу, 5) владение холодным оружием, 6) езду и вольтижировку, 7) ординарческую службу.

При соответствующей работе, в год можно научить всадника всей этой премудрости, уделяя не менее половины времени работе в поле.

В отношении конного строя, надлежит все внимание уделить умению владеть конем, как в сомкнутом, так и разомкнутом строю, а также умению преодолевать препятствия.

В деле разведки обучать умению водить раз'езды и несению дозорной службы.

Вообще же в коннице следует воспитать решительность и стремление дойти до противника; последнее во многом зависит от личных свойств кавалериста и его возраста.

Это в особенности относится к командному составу, являющемуся инструкторами, вследствие чего следует обращать внимание на возраст и свойства характера.

В отношении курса обучения надлежит первоначально проводить эскадронные и полковые учения, причем в особенности налечь на эскадронные, являющиеся краеугольным камнем всей подготовки в коннице, ибо слаженный и сбитый эскадрон всегда сумеет работать в составе полка. По прохождении полковых учений, под которыми надлежит подразумевать все виды службы, т. е. строевое учение, разведку, охранение, походное движение и бой, следует в дивизионной коннице перейти к отрядным маневрам и впоследствии дивизионным, совместно со всеми родами войск. В армейской коннице: от полковых учений лучше всего перейти к дивизионным маневрам, постепенно проходя все виды службы и приучая, главным образом, войска к походной службе, к передвижениям ночью и днем, к почлегам вне казарм, к охранению и к работе совместно с пехотой, пешему и конному бою, к задачам по типу напоминающим рейд, к вопросам организации связи и довольствия на местах.

Выездка и ремонтирование: Наиболее трудным вопросом будет подготовка коня к строевой службе.

Кавалерийская лошадь должна быть крепкой, выносливой, обладать резвостью, быть хорошего нрава, не пугливой, послушной воле всадника, уметь преодолевать препятствия вышиною в 2 арш. 3—4

вершка, ходить всеми аллюрами. Качества эти даются соответствующей кровностью лошади, уходом и кормом, а также выездкой. Наиболее подходящий тип лошади—полукровка 3—4 вершков, типа наших донских лошадей. Она достаточно крепкая, обладает нужной резвостью и способна, при соответствующей подготовке, выдерживать тягости походной жизни. На развитие именно этого типа лошадей и следует обратить внимание. Более тяжелые лошади, равно как и наша деревенская лошадь, к службе в кавалерии мало пригодны. Сибирская лошадь очень крепкая и выносливая, но слишком низкорослая. В отношении корма и ухода следует отметить, что при нормальной работе лошади надо не менее 10—12 ф. овса или зернового фуража и до 15 ф. об'емистого фуража. Это количество позволяет требовать от коня соответствующей работы. Для сохранения его необходимо следить за его чисткой и кровом.

Сытая и чистая лошадь менее подвержена болезням, которые обыкновенно одолевают лошадь при истощении.

Ротм. ф. Аммон вполне правильно указывает, что лошадь следует приучить к замене корма и отсутствию теплых конюшен.

Самое же главное, это установить определенный режим. Лошадь нужно в определенные часы кормить, поить и давать ей известное число часов отдыха. Если эти условия соблюдены, можно быть уверенным, что лошадь будет в порядке.

Помимо того надо требовать ласкового отношения к лошади и не перетягивать ее сил. К сожалению, с последним многие из начальников, зачастую, совершенно не считаются, забывая, что надорванная за один день лошадь потребует месяцы для восстановления своих сил.

Поэтому еще в мирное время надо приучать начальников к умелой организации маршей и втягиванию конского состава в усиленную работу.

Однако, втягивание в работу конского состава поставлено в прямую зависимость от корма. При слабом питании нечего и думать о какой либо усиленной работе. Уход, корм и тренировка—суть те краеугольные камни, на которых зиждится благополучие и работоспособность лошади.

Выездка в старой армии зиждилась на теории Филлиса. Насколько она была хороша в цирке и манеже, настолько ей не было места в поле и в боевой обстановке. Приучая лошадь к разным фокусам и стадному началу, она не давала ровным счетом ничего для боя и к тому же была построена на мундштуке, который с первых же дней войны был заброшен всей конницей, как лишняя обуза.

Как указывалось выше, от лошади требуется послушание, умение преодолевать препятствия, движение на всех аллюрах в сомкнутом и разомкнутом строю и в одиночку.

Не имея ввиду широко освещать вопрос системы выездки, укажу лишь, что в этом отношении наиболее приемлемой системой является принятая в итальянской и французской армиях.

Во всяком случае, как всадника, так и лошадь надо постепенно учить и втягивать в езду, дабы не переутомить и не наскучить одним и тем же, доведя ее до отказа.

Поэтому, отнюдь не следует прибегать к системе постоянных ежедневных напрыгиваний, сильно отзывающихся на переде лошади, а чередовать их с легкими аллюрами и галопами в поле.

Наконец, для поднятия конского спорта и развития кавалерийского дела, следует широко организовать разного рода состязания и рекорды в вышину и ширину, пробеги, джигитовку и т. п.

Пополнение людьми и лошадьми. До войны 1914—18 г. во Франции и в Германи, с об'явлением войны, полки на местах своего постоянного расквартирования оставляли 5-ые эскадроны, которые и служили кадрами, воспринимающими и пополняющими свои полки. При этом во Франции это были постоянно 5-ые эсадроны, а в Германии номер эскадрона становился известным лишь по об'явлении мобилизации.

В России для этой цели существовали запасные полки, имевшиеся уже и в мирное время.

Наконец, в Красной Армии пополнение конницы производилось из запасных полков, с дивизиями органически ничем не связанных. Наиболее удобной, как гарантирующей спайку между частью и запасом, является Германо-Французская система. Можно быть уверенным, что эскадрон, органически связанный с полками, постарается дать хорошее маршевое пополнение на фронт, чего не замечалось при отсутствии этой связи.

Да это и вполне понятно, т. к. инструкторами являются тот же комсостав полка, причем таковой, меняясь частично, воспринимает бывших больных и раненых, которые в период своего выздоровления, до отправления на фронт, работают в запасном эскадроне, передавая людям опыт, вынесенный из боевых действий полка; запасный эскадрон является также защитником интересов полка на месте, хранителем его имущества. Систему, существовавшую в старой армии, следует считать наименее удачный.

Содержание запасных частей в мирное время по существу оправдывалось лишь неприспособленностью кадровых полков к непосредственному восприятию конского состава. При этом следует отметить, что во всех отношениях наши запасные полки оставляли желать много лучшего, являясь по большей части приемниками всего того командного состава, который армия из себя выбрасывала, как негодный элемент.

Система, принятая в Красной Армии, об'яснялась самым ходом и развитием армии. Другого способа быть не могло. Слишком часты были колебания фронта и переброски самих частей, чтобы иметь воз-

можность приписать кав. дивизии к определенным запасным частям. К тому же, зачастую, при наступлении, конница пополнялась из местных средств, не прибегая к запасу, который во многих случаях и не мог удовлетворить всех требований.

Теперь же, с наступлением затишья и общей реорганизацией, придется принять и в этом направлении определенное решение и либо остановиться на организации, бывшей ранее в Германской и Французской армии, т. е. иметь запасный эскадрон на каждый полк, или остаться при системе запасных частей и в мирное время, имея на каждый военный округ не менее одного полка или кав. дивизиона, к которому и должны быть приписаны все кав. части, входящие в состав данного округа. Лично я, склоняюсь к Германской системе и признаю ее более рациональной.

Остается еще сказать несколько слов о работе и допризывной подготовке конского состава на заводах, значении сбережения и экономии сил.

В старой армии лошади закупались ремонтными комиссиями, поступали в запасные полки, там несколько под'езжались, после чего шли в строевые части.

Обыкновенно лошади покупались в возрасте от 4 до 7 лет, причем поступали совершенно сырыми, не работанными, в запасных полках также мало работались, вследствие чего в строевых частях их приходилось доезживать, а в строй их можно было ставить лишь по истечении года.

Непосредственная постановка в строй привела бы их к гибели, вследствие полной неподготовленности и невтянутости к службе.

С такой постановкой естественно согласиться было нельзя.

Между тем это об'яснялось тем, что мелкие конно-заводчики все свое внимание обращали главным образом на то, чтобы достигуть необходимого роста и внешнего вида лошади, который удовлетворял бы требованию ремонтных комиссий. Мелкие конно-заводчики всеми имевшимися у них средствами, в том числе искусственным подбором корма, молодняк гнали в рост. В интересах мелких заводов, субсидируемых правительством, было сдать возможно большее число лошадей в армию, вне зависимости от степени их будущей работоспособности.

Признавая это явление вредным и считаясь с тем, что ныне дело конно-заводства находится в руках Правительства, следует этого избежать. Поэтому, с одной стороны следует пред'явить требование достижения кровности (не менее 50% английской крови), рост 2 арш. и 3—4 вершка, соответствующих форм и предварительного обучения.

Последнее должно выражаться в том, чтобы молодую лошадь, примерно от 2-х до 3—3½ лет, когда она может быть взята в строй, уже на заводе постепенно подрабатывать под легким весом, приучая к поводу и седлу.

Эта предварительная работа, в значительной степени, облегчит дело выездки и тренировки конского состава, поступающего в строевые части, а главное,—с ранних лет втянет лошадь в работу, что укрепит ее мускулатуру и кость и сделает более выносливой.

Последнее же свойство увеличит срок службы лошади в кавалерийских частях.

В отношении сбережения и экономии сил следует иметь ввиду, что как бы хорошо ни было поставлено дело подготовки маршевых пополнений во время войны, этот состав никогда не сравняется с тем строевым составом, с которым полк выступил на войну.

Поэтому его следует очень беречь и как можно более внимательно относиться к нему, дабы с первых же дней войны не лишиться его, как это было в войну 1914— 18 г. В особенности следует беречь спину лошади, крайне щепетильно относясь ко всякого рода наминкам и набивкам, которые при запущенности могут вывести лошадь из строя на несколько месяцев.

С этим, между прочим, очень мало считались, да и сейчас не обращают должного внимания. Лучше вывести лошадь на несколько дней, но сохранить на многие месяцы, чем продолжать ездить и совершенно ее потерять.

Наибольший % набивок получался от неаккуратной езды и седловки и преимущественно за ночные переходы. В будущих операциях они будут наиболее вероятными, вследствие роста авиации, а потому придется, еще в мирное время, уделять особое внимание организации ночных маршей.

Для излечения лошадей и поправления худоконных, с об'явлением мобилизации, надо будет организовать в армиях пункты слабосильных лошадей, где за ними должен быть особый уход и улучшенное питание.

Таковы в общих чертах основные вопросы, которые выдвинула европейская и гражданская война, освещающие наиболее наболевшие вопросы боевой работы конницы.

Пехоту считали и считают по праву царицей полей, она завершает штыковым боем и ударом всякий бой, но одна, без артиллерии и конницы, она ничего не даст. Первая—прокладывает ей путь к победе а вторая, являясь глазами армии, собирает все необходимые для пехоты сведения, прикрывает ее развертывание и венчает ее успех энергичным преследованием, а также обеспечивает ее фланги.

Поэтому и в будущих войнах всех видов, конница сохранит свою роль, а в классовой войне, где быстрота и натиск особенно ценны, ей может предстоять весьма широкое поле действий. В некоторых случаях она своей работой даже превзойдет по значению пехоту.

Поэтому правильная постановка кавалерийского дела, и соответствующая ее организация,—особенно ценны.

В. Тарасов

Радиотелеграфная и радиотелефонная связь в военном и гражданском деле.

I. Техническая сторона радиотелеграфа.

В середине минувшего столетия знаменитый Английский физик и математик Максвелль путем математичиского анализа установил аналогию между электромагнитными и световыми явлениями и пришел к заключению, что, подобно свету, экектромагнитные явления должны носить волнообразный характер. К этому же выводу пришел и его современник, великий исследователь электромагнитных явлений—Фарадей. Однако этот вывод, указывающий на существование электромагнитных волн, долгое время имел значение только гипотезы, пока наконец немецкий проф. Гертц в конце минувшего столетия не дал экспериментального подтверждения действительного существования электромагнитных волн. Гертц указал простой способ получения электромагнитных волн различной длины и способ обнаружения этих волн.

Для этого им применялись особого рода простые контуры, представленные на черт. № 1. Каждый из них состоит: а) из то... ого согнутого в кольцо медного провода, б) введенного в ...ебольшого воздушного промежутка Ф между шариками ...ика) и в) конденсатора С (прибора для сгущения или ...ания электричества. Такие контуры называются коле...и. Если к шарикам такого контура подвести пере... высокого напряжения (см. контур А), то в конту...т следующее: ток начнет накапливаться в конден-

саторе и на шариках разрядника, между которыми, наконец, и проскочит искра. В этот момент конденсатор начнет разряжаться и скопившиеся на его обкладках положительный и отрицательный заряды, будут с весьма большой быстротой обмениваться местами и, следовательно, за все время длительности искры в контуре будет происходить колебание электричества или, как принято говорить, в контуре возникнут электрические колебания высокой частоты (от полумиллиона до миллиона раз в секунду). Интенсивность этих колебаний с каждым разом слабеет, и наконец, когда искра прервется, колебания совсем прекратятся. Процесс этих колебаний в контуре за время от начала возникновения искры в разряднике до ее исчезновения легко изобразить графиком, представленным на черт. 2. Таким образом вслед за каждой искрой, проскочившей в разряднике, в колебательном контуре возникает серия электрических колебаний высокой частоты с постепенно убывающей амплитудой, кончающаяся совершенным затуханием при обрыве искры. Если искры в разряднике будут следовать одна за другой, с малыми промежутками времени, то процесс колебаний в контуре выразится графически рядом серий затухающих колебаний, представленных на черт. 3. Одновременно с колебаниями, возникающими в контуре, вокруг него возникают электромагнитные волны, скорость распространения которых в пространстве равна скорости света и выражается в 300.000 километров в секунду. Таким образом, возбуждая колебательный контур А (черт. 1) искрой, можно получить электромагнитные волны. Таков метод, примененный Гертцем.

Перейдем теперь к способу обнаружения электромагнитных волн. Для этого Гертц применял резонаторные контура. Это контура совершенно аналогичные колебательным контурам. Такой резонаторный контур Б представлен на черт. 1 вправо от колебательного контура А.

Если резонаторный контур поставить в некотором отдалении от колебательного и в этом последнем возбудить электрическая колебания высокой частоты, то излучаемые волны распространяясь по всем направлениям, встретят резонаторный контур и вызовут в нем электрические колебания высокой частоты, которые произведут искру между шариками разрядника в резонаторном контуре.

Интересно отметить, что такой легкой способностью отвечать на волны, излучаемые колебательным контуром, обладает только именно резонаторный контур. Всякий другой контур, отличающийся например от резонаторного контура Б, останется глух к электромагнитным волнам, излучаемым колебательным контуром А, и искра в нем не возникнет. Таким образом при помощи колебательного контура можно получать электромагнитные волны любой длины, а другим таким же резонаторным контуром их обнаруживать; если в колебательном контуре в течение одной сек. поддерживать искру в разряднике, то в резонаторном контуре между шариками разрядника появятся искры, продолжительностью также в одну секунду.

От описанных опытов Герца оставался один шаг до изобретения радиотелеграфа или беспроводного телеграфа, как его называли раньше. Последний был изобретен одновременно в России проф. Поповым и за границей итальянским инженером Маркони. Однако, в России это изобретение на первых же порах натолкнулось на затруднения, которые значительно затормозили его дальнейшее развитие, усовершенствование и широкое приложение к практической жизни. Такими тормазами явились достаточно общеизвестный скептицизм к русским изобретателям вообще, и проистекающей отсюда недостаток капитала на реализацию изобретений. Между тем на западе инженер Маркони, благодаря своей неутомимой энергии, сумел скоро заинтересовать своим изобретением круги, располагающие солидными средствами, и широко применить первоначальную идею радиотелеграфа к практической жизни.

Современная отправительная радиотелеграфная станция (короче радиостанция) может быть представлена такой схемой (чер. 4). В этой схеме:

Д—двигатель (бензиновый, керосиновый или нефтяной).

Э. М. Электрическая машина переменного тока.

К.—Ключ Морзе для передачи сигналов.

Тр.—Транформатор для преобразования тока, даваемого машиной, в более высокое напраженне, чтобы легче получать искры в разряднике.

Р. и С.—разрядник и конденсатор колебательного контура.

А.—сеть медных высокоподнятых на мачты проводов для излучения электромагнитных волн (антенна, как ее принято обычно называть).

З.—Заземление станции. состоящее из сети медных проводов.

Главная составная часть отправительной радиостанции—колебательный контур, (обозначен жирной линией) в идее ничем не отличается от колебательного контура, применявшегося Герцем; все же остальное носит только второстепенный вспомогательный характер.

После того, как выше была подробно разобрана работа колебательного контура в отдельности, работа отправительной радиостанции в целом становится совершенно ясной. Она происходит в такой последовательности. Двигатель вращает электрическую машину, которая доставляет ток в первичную обмотку трансформатора; во вторичной обмотке последнего индуктируется ток высокого напряжения, питающий уже колебательный контур. Этот ток сначала заряжает конденсатор до отказа, затем напряжение повышается на шариках разрядника, где наконец и проскакивает искра. При переменном токе в 500 периодов в разряднике получится 1000 искр: такая искра уже не трещит, как обычная редкая искра, а издает музыкальный тон, почему и называется музыкальной искрой. В результате такой искры в колебательном контуре возникнет в одну секунду 1000 серий колебаний высокой частоты: эти колебания передаются в связанную с контуром антенну, которая и излучает электромагнитные волны, тоже в количестве 1000 серий или посылок волн в одну секунду.

Применение антенн необходимо по следующим соображениям. Сам по себе колебательный контур отправительной радиостанции может излучать электромагнитные волны, только на небольшое расстояние. Между тем поднятая вверх антенна обладает способностью излучать свободные электромагнитные волны уже не связанные с антенной, и могущие распространяться с особой легкостью на значительное расстояние, чего требует радиотелеграфная передача.

Нажимая ключ отправительной станции на короткие или длительные промежутки времени, можно заставить антенну из-

лучать электромагнитные волны в течение таких же коротких или более длительных промежутков времени.

Рассмотрим теперь каким образом посылки электромагнитных волн, отправляемые антенной, можно принимать на другой радиостанции. Для этого ниже приводим схему современной приемной радиостанции (черт. 5).

На этой схеме: А—антенна приемной радиостанции, Са—емкость антенны,

Т—Приемный телефон,

Д—Детектор, небольшой приборчик для выпрямления электрических колебаний высокой частоты и преобразования их в импульсы тока одного и того же направления с целью получения звукового эффекта в телефоне.

—Конденсатор для повышения приемного эффекта в телефоне.

З—Заземление антенны, устроен также, как и на отправительной радиостанции.

Работа приемной радиостанции протекает в такой последовательности. Электромагнитные волны, излучаемые отправительной антенной, встречая на своем пути приемную антенну, настроенную в резонанс с отправительной, вызывают в антенне приемной станции электрические колебания высокой частоты. Эти колебания из антенны индуктируются в связанный с ней контур, где детектор выпрямляет их, преобразовывая в толчки тока одного и того же направления.

Не будь этого выпрямления электрических колебаний мембрана телефона испытывала бы чрезвычайно быстрое действие на нее весьма коротких токов переменного направления, в результате чего в телефоне не получилось бы никакого эффекта: мембрана телефона оставалась бы спокойной и мы не услышали бы никакого звука.

Под действием же выпрямленных колебаний, получается ток одного и того же направления, но изменяющийся по величине; мембрана телефона приходит в колебание и издает музыкальный тон.

Происхождение этого тона понятно. В разряднике отправительной станции в 1 секунду получается 1000 искр и, как мы видели раньше, антенна этой станции излучает в секунду 1000 серий или посылок волн, которые в антенне приемной станции возбудят столько же серий электрических колебаний высокой

частоты. Следовательно, в цепи телефона, при наличии детектора, появится постоянный ток, изменяющийся по величене также 1000 раз в секунду, а это заставит мембрану телефона колебаться с такою же частотою и она издаст звук совершенно такого же тона, которым звучит искра в разряднике отправительной станции.

Таким образом, нажимая ключ на отправительной станции на короткое мгновение, мы, тем самым, в телефоне приемной станции воспроизводим музыкальную или звуковую точку; нажатие ключа на более длительные промежутки времени вызовет в телефоне музыкальные тире. Значит, если на отправительной станции начать передавать ключем по азбуке Морзе текст, а на приемной посадить к телефону специальное лицо, могущее чатать по звуковой азбуке Морзе, то это лицо может принять и попутно записать принятый текст. Таким порядком ныне и осуществляется передача радиотелеграмм.

2. Техническая сторона радиотелефона.

После этого станет легко понятной техническая природа и радиотелефона. При радиотелеграфировании электрические колебания в отправительной радиостанции возбуждаются искрой, которая, как мы видели выше, дает ряд серий затухающих колебаний, представленных на черт. 3; таким же графиком могут быть представлены и излучаемые отправительной радиостанцией электромагнитные волны. Но такого рода затухающие и прерывающиеся после каждой искры электромагнитные волны, для передачи человеческой речи не пригодны. Для этого необходимы непрерывные или не затухающие волны. Особенность этих волн состоит в том, что они следуют непрерывно одна за другой, с одной и той-же неослабевающей амплитудой и частотой. Такие волны графически можно представить в наглядной форме чертежом 6.

Наилучший способ получения не затухающих элекрических колебаний заключается в применении особых электрических машин, изобретенных и введенных в практику инженером Гольдшмидтом, которые дают при включении в колебательный контур непосредственно электрические колебания, частотою до 20.000 в 1 секунду. Колебания при постоянном числе оборотов

машины отличаются большим постоянством в смысле частоты и амплитуд.

Не останавливаясь на сложной конструкции машин высокой частоты и разных типах их (так как теперь уже имеются подобные машины в конструкции русского инженера В. Вологдина), перейдем к отправительной радиотелефонной станции с машиной высокой частоты. Схема её приведена на черт. 7, где приняты обозначения:

М—Машина высокой частоты, включенная непосредственно в колебательный контур; Е—емкость колебательного контура; А—антенна; З—заземление антенны, и М. Ф.—микрофон.

Остановимся вкратце на микрофоне. Это есть составная часть всякого телефонного аппарата, помещенная в том месте, куда говорят. Микрофон в принципе состоит из металлической коробки, заполненной угольным порошком и прикрытой тонкой угольной пластинкой—мембраной, так что мембрана касается угольных микрофонных зерен. Если около микрофонной мембраны произносить слова, то она от звуковых волн, произведенных голосом, приходит в колебание, дрожит и в это время или плотнее налегает на угольные зерна и улучшает контакт в месте соприкосновения мембраны и зерен, от чего электрическое сопротивление цепи, в которую включен микрофон, будет уменьшаться; или наоборот, если контакт мембраны и угольных зерен будет слабее и хуже, то электрическое сопротивление в цепи микрофона будет увеличиваться.

Так как микрофон на черт. 7 включен в антенну, то голос человеческой речи, передаваясь мембране микрофона, будет сильно менять сопротивление всей антенны, а следовательно, несомненно будет сильно влиять и на излучение антенной электромагнитных волн. Это влияние человеческой речи на излучение антенны легко представить себе графиком, изображенным на черт. 8. Когда микрофон не подвержен действию человеческой речи, то между мембраной микрофона и микрофонными зернами устанавливается некоторый определенный контакт, в зависимости от которого устанавливается и амплитуда в антение. Когда микрофон подвергается действию человеческой речи, контакт между мембраной и микрофонными зернами, ввиду дрожания мембранны, все время меняется, следовательно, меняется и сопротивление антенны: когда контакт станет лучше, плот-

нее, сопротивление антенны уменьшается и это вызывает возрастание имплитуд; когда контакт станет хуже, сопротивление антенны возрастает и это вызывает уменьшение амплитуд. При больших амплитудах излучение волн антенной будет интенсивное, при малых—слабое и, наконец, излучение может в некоторые моменты совсем прекратиться, когда амплитуда падает до 0.

После сделанных раз'яснений работа отправительной радиотелефонной станции станет совершенно ясной и выражается она в такой последовательности: машина высокой частоты возбуждает электрические колебания в колебательном контуре; эти колебания передаются в антенну, где значительно деформируются под влиянием человеческой речи, произносимой в микрофон, так, как это показано на чертеже 8 и, в зависимости от этого, антенна излучает электромагнитные волны, то более сильные, то слабые и, во всяком случае, испытывающие на себе все мельчайшие изменения и вибрации человеческого голоса.

Остается еще уяснить, каким образом человеческая речь, произносимая на отправительной радиотелефонной станции, будет воспринята приемной станцией.

Для этого обратимся к схеме приемной радиотелеграфной станции, представленной на черт. 5. Приемная антенна, настроенная в резонанс с отправительной, воспринимает электромагнитные волны и в ней возникают электрические колебания высокой частоты, совершенно тождественные с колебаниями в отправительной антенне, видоизмененными действием человеческой речи.

Эти колебания передаются из антенны в связанный с нею контур и приводят мембрану приемного телефона в колебания, совершенно аналогичные тем, какие испытывает мембрана микрофона отправительной станции. Вследствие этого приемный телефон в совершенстве воспроизводит передаваемую с отправительной станции человеческую речь, со всеми ее мельчайшими особенностями и оттенками. Столь же полно и совершенно при помощи радиотелефонирования происходит передача в более сложных сочетаний звуков, например музыки в самых разнообразных ее проявлениях.

Из изложенного видно, что разница между радиотелеграфированием и радиотелефонированием в техническом отношении

заключается только в отправительных станциях, приемная же станция в том и другом случаях одинакова.

3. Применение радиотелеграфа для связи в военном и гражданском деле.

Первоначально радиотелеграф проложил себе дорогу при завоевании водных пространств. До того времени сношение через значительные водные поверхности производилось только при помощи подводных кабелей, но прокладка их дело весьма сложное, чрезвычайно дорогое и осуществимо только между станционарными пунктами. Военные же суда, постоянно перемещающиеся по водной поверхности, не могли использовать кабельного способа, поэтому изобретение радиотелеграфа для военного флота явилось весьма ценным средством связи, обеспечивающим судам в любое время связь между собой и с их опорными морскими базами.

В настоящее время военные флоты всех государств в самой широкой степени оборудованы радиотелеграфными установками, причем радиостанциями снабжены не только крупные суда,—но даже все миноносцы, а также подводные лодки и даже, во многих случаях, паровые катера; таким образом, любое судно всегда имеет возможность отправить от себя сообщение на берег, получить приказание с берега, подать сигналы о бедствии, если судно терпит аварию и получить своевременно помощь. Соответственно этому все опорные базы военного флота также снабжены радиостанциями.

Кроме того радиотелеграф может еще служить и для разведки местонахождения плавающих в море неприятельских судов. Для этого служат так называемые пеленгаторные радиостанции. Особенность их составляет сеть зонтичного типа, состоящего из 18 проводников, расположенных под равными углами на подобие спиц в зонтике, причем каждый из проводников антенны может быть включаем на приемник в отдельности.

Провода такой приемной сети воспринимают энергию приходящих электромагнитных волн неодинаково: сильнее всего воспринимает провод обращенный к неизвестной радиостанции, т. е. в направлении приходящих волн; провода же, расположенные в плоскости перпендикулярной к этому

направлению обладают наоборот самой слабой приемной способностью. Исходя из этих соображений, при помощи 2-х пеленгаторных радиостанций возможно точно установить местонахождение неизвестной радиостанции, работающей в море (черт. 9). В самом деле, первая радиостанция самый громкий прием даст по проводу расположенному по направлению СД и тем укажет, что неизвестная радиостанция лежит где-то на линии СД; вторая таким-же образом укажет, что неизвестная радиостанция лежит где-то на линии АБ; истинное же местонахождение неизвестной радиостанция определяется точкой пересечения этих двух линий.

Указанный способ, конечно, в одинаковой степени применим как на море, так и на суше и во многих случаях боевой обстановки может дать весьма ценный материал—на море о местонахождении или расположении неприятельского флота или отдельных судов, а на суше—о группировке боевых сил противника, так как большею частью наперед бывает известно, какого рода боевым соединениям, приданы радиостанции в армии противника.

На суше снабжение радиостанцями приобретает особо важное значение для крепостей и укрепленных районов. Каждая крепость, при окружении ее противником, теряет всякую техническую и живую связь с остальными силами и единственным надежным и верным средством связи для нее тогда является радиотелеграф. Поэтому каждая крепость, морская и сухопутная, непременно снабжается в настоящее время радиостанцией, обеспечивающей ей надежную связь с соседними крепостями и высшим войсковым командованием.

В сухопутной армии всех стран радиотелеграфные установки ныне получили применение еще более широкое, чем во флоте. Правда, большая часть работы по связи штабов разных войсковых соединений лежит на проволочной связи—телеграфе и телефоне, но основной принцип связи—ее непрерывность—не позволяет ограничиваться только этими техническими средствами; приходится их дублировать другими средствами связи, из которых, для более или менее значительных расстояний, самым быстрым, надежным и верным является радиотелеграф.

По этим соображениям все штабы высших войсковых соединений, отделенные более или менее значительными рас-

стояниями, в армиях всех стран, ныне снабжаются радиотелеграфными установками. Высшее командование вооруженными силами страны имеет радиотелеграфную связь с командованием фронта, последнее располагает радиотелеграфною связью с подчиненными ему армиями и соседними фронтами: командование армиями держит по радиотелеграфу связь со своими дивизиями и соседними армиями, а последние во многих случаях имеют радиотелеграфную связь с своими бригадами.

Таким образом, в случае перерыва проволочной связи,— а это случается часто и по боевой обстановке и по технической неисправности линий и аппаратов, перечисленные выше войсковые соединения связываются по радиотелеграфу и связь не прерывается.

Переход работы с проволочного телеграфа, в случае его повреждения, на радиотелеграф должен происходить быстро, без потери времени. Поэтому штабные телеграфные станции всегда связываются с радиостанциями приданными тем же штабом особой линией проволочного телеграфа, по которой нагрузка проволочного телеграфа в любой момент может быть передана на радиостанцию для дальнейшего следования по радиотелеграфу.

В некоторых Европейских армиях применение радиостанций не ограничивается штабами дивизий, а идет гораздо дальше. Например есть сведения, что во Французской армии даже баталионные командиры располагают радиоприемниками, т. е. небольшими радиостанциями, при помощи которых они могут получать общую сводку своей армии и директивы высшего командования.

Соответственно разным целям и задачам в сухопутных армиях применяются разные типы радиостанций. Для высших штабов (верховного командования и фронтов), которые большею частью остаются на одном месте, применяются постоянные стационарные установки с радиусом действия от 1500 до 2500 километров. Для штабов армий и дивизий, часто меняющих место стоянки, применяются подвижные радиостанции, полностью оборудованные или на автомобилях (автомобильного типа) или на специальных двуколках в конной запряжке, с радиусом действия от 250 до 500 верст. Для более мелких войсковых соединений—бригад и кавалерийских частей—при-

меняют радиостанции облегченного типа—кавалерийские и вьючные. Последние монтированы в особых ящиках, перевозимых вьючным порядком. Особенность их—отсутствие особых двигателей: электрическая машина приводится во вращение в ручную, при помощи лебедки и системы зубчатых колес; дальность действия таких радиостанций от 25 до 100 верст.

Наконец, радиотелеграф ныне получает распространение в деле авиации, на аэропланах и дирижаблях, для связи их с своими опорными базами и войсковыми соединениями.

Аэропланные радиостанции строят с радиусом действия от 50 до 100 верст. Особенность в том, что антенной для них служит спускаемый с летательного аппарата медный провод или канатик в несколько десятков метров длины и применяемые особого рода аэропланные двигатели. Такой двигатель состоит из особого, второстепенного, небольшого пропеллера, который вращает маленькую электрическую машину, дающую энергию для радиостанции. Подача сигналов производится наблюдателем.

В деле применения радиотелеграфа для гражданской связи в настоящее время также достигнуты весьма большие успехи.

В начале его применяли для связи с островами и малодоступными местностями.—Все побережье Дальнего Востока, начиная от Камчатки до Владивостока, ввиду его малопроходимости и недоступности, еще в 1909—1911 годах было соединено радиотелеграфом через радиостанции в Петропавловске на Камчатке, Наяхане, Охотске, Николаевске-на Амуре, Сахалине и Владивостоке. По тем же причинам радиотелеграф получил широкое распространение в Аляске, принадлежащей С.-Американским Соединенным Штатам, и Канаде,—принадлежащей Англии.

Затем радиотелеграфные установки начали широко распространяться на коммерческих судах; в некоторых передовых странах, как Англия и С.-Американские Соединенные Штаты, был проведен даже специальный закон, обязывающий все суда, выходящие из портов этих стран и имеющие на своем борту до 50 пассажиров, непременно иметь радиотелеграфную установку. Это дает коммерческим судам возможность в любой момент сноситься с другими плавающими в море судами и с берегом, и в случае аварии получить своевременно помощь.

так как согласно постановлениям 1-ой Международной Радиотелеграфной конвенции, всякое судно, терпящее аварию, обязано немедленно начать давать по радиотелеграфу сигнал о бедствии, с указанием географической долготы и широты местонахождения судна, и всякое другое судно, принявшее этот сигнал, обязано немедленно идти на помощь первому.

В России развитие радиотелеграфа на коммерческих судах шло более медленным темпом, однако, и здесь к началу империалистической войны большинство пассажирских коммерческих судов дальнего плавания было уже снабжено радиотелеграфом.

Применение радиотелеграфа на коммерческих судах, в свою очередь, вызвало обязательство всех приморских стран приступить к постройке сети береговых станций для постоянной связи с проходящими коммерческими судами и с телеграфной сетью материка. В России такие береговые радиостанции были установлены на Мурмане, в Архангельске, по о. Вайгаче, на Югорском шаре, на о. Диксон (при устье Енисея), на берегах Балтийского, Черного, Каспийского морей и на побережье Дальнего Востока.

Особенно сильный толчек к развитию радиотелеграфа для целей гражданской связи дала колониальная политика Европейских стран, в особенности—Англии. Постоянно опасаясь за судьбу своих многочисленных колоний, разбросанных во всех частях света и раз'единенных огромными расстояниями, как между собою так и от Метрополии, Англия в 1912 году выступила с грандиозным проектом мировой радиотелеграфной сети, которая должна была в виде главной радиотелеграфной магистрали и ответвлений от нея охватить весь земной шар и дать постоянную надежную прочную связь всем английским колониям со своей Метрополией.

Сеть состояла из следующих радиотелеграфных линий: главной из радиостанций—Карнарвон (на о. Великобритания), Каир (Египет), Аден (Аравия), Кальтутта (Индия), Сингапур (Индокитай), Гонолулу (о. Гавайские), Сан-Франциско (С. Америка), Ледяная Бухта (Канада); и ответвлений Каир-Капштадт (южная оконечность Америки), Сингапур-Гонконг (Китай), Сан-Франциско-Вашингтон (С. Америка), Сингапур-Сидней (Австралия).

Большинство названных радиостанций имеют дальность действия в 6000 километров и на это расстояние могут передавать радиотелеграммы при всяких неблагоприятных обстоятельствах, обеспечивая всегда вполне надежную прочную связь.

За Англией в этом же направлении потянулись и другие державы, владеющие отдаленными колониями:—Германия, Франция, Италия и проч. Надвинувшаяся затем война 1914 года как нельзя более оценила дальновидность Англии и вызвала спрос на постройку новых мощных радиотелеграфных станций для связи союзных стран; таким образом возникли мощные радиостанции в Лионе, Детском Селе (в 20 километрах от Петрограда), Москве и Твери. В самое последнее время в январе 1921 года в Сент-Ассиве вблизи Парижа (во Франции) приступлено к постройке радиостанции, которая по мощности побивает мировой рекорд. Главная задача ее дать прямую радиотелеграфную связь Франции с важнейшей и богатейшей ее колонией—Индокитаем на расстоянии около 15000 километров.

Кроме сего станция обеспечит Франции прямую радиосвязь с Америкой, Индией, Китаем, Японией, Южной Америкой и Австралией. Радиотелеграмма из Лиона характеризует эту первую по мощности радиостанцию в мире следующими данными: на станции будут установлены паровые машины общей мощностью в 5000 лошадиных сил; мощность генераторов тока достигает 1.000 киловат.

Излучающая сеть будет подвешена на 16 мачтах, каждая в 250 метров (118 сажень) высоты. Станция будет в состоянии одновременно отправлять 8 радиотелеграмм и принимать 14, не смешивая их содержание, при чем передача будет вестись со скоростью 125 слов в минуту и обеспечивать общий обмен в течение суток в 2.000.000 слов.

В настоящее время нет ни одной страны, которая не имела-бы радиотелеграфных станций, причем более крупные государства насчитывают их по несколько десятков и даже сотен.

Таким образом вся поверхность земного шара в настоящее время окутана густою паутиною электромагнитных волн, перебрасывающих человеческую мысль во все уголки земного шара.

У нас, в России, кроме станций отправительных существует еще густая сеть радиоприемных станций. Во всех губернских городах, в большинстве уездных, и даже в

очень многих населенных пунктах, ныне—установлены небольшие радиоприемные станции, имеющие задачей принимать распоряжения и директивы высшей центральной власти в стране и текущие новости русской и заграничной прессы. Все провинциальные «РОСТА» губернские и уездные питаются, почти исключительно, известиями, даваемыми во всеобщее сведение Московской мощной радиостанцией и принимаемыми на местах через посредство радиоприемников.

4. Недостатки радиотелеграфной связи вообще и в частности—военной радиосвязи.

Самым главным и существенным недостатком радиотелеграфа является его всестороннее излучение, вследствие чего радиотелеграмма, отправляемая какой-либо радиостанцией, может быть принята одновременно всеми радиостанциями, до которых достигнут волны отправительной станции и, таким образом, радиотелеграмма лишается секретности.

Во многих случаях практики, например, при передаче мощными станциями в провинции сведений для «РОСТА» или агитационных сведений, всестороннее излучение приносит колоссальную пользу, но в деле передачи сообщений военного, дипломатического и торгового характера, где в большинстве случаев сообщения носят секретный характер, всестороннее излучение, конечно, является большим недостатком, с которым приходится, теми или иными способами, бороться. В этом последнем случае радиотелеграммы приходится шифровать по возможности наиболее трудно расшифровываемым шифром. Для той же цели применяют еще шифрование рабочих волн отправительной станции, т. е. заранее условленное изменение рабочих электромагнитных волн во время передачи. Но шифрование радиотелеграмм требует немало времени и передача их в шифрованном виде идет крайне медленно, так как каждая буква в этом случае передается 2, 3, 4 или 5 цифрами; что же касается шифрования волн, то эта мера паллиативная, потому что всякую новую отправительную рабочую волну на приемной станции выяснить очень нетрудно и ее одинаково легко уловить на всех приемных радиостанциях.

Наиболее серьезным средством против всестороннего излучения радиостанций является применение так называемых ориентированных антенн, т. е. такого рода излучающих сетей, которые особенно интенсивно излучают энергию в каком-либо одном направлении при слабом излучении в остальных направлениях. На черт. 12 представлена одна из таких ориентированных антенн Маркони, которая особой интенсивностью излучения обладает в направлении, указанном стрелкой. Очевидно, что если такую антенну ориентировать надлежащим образом на определенную приемную станцию, то последняя будет принимать работу такой сети особенно хорошо, тогда как другие приемные радиостанции, находящиеся от этой сети на таком же расстоянии, но по другим направлениям, принимать работу окажутся не в состоянии. Такая антенна, следовательно, позволяет значительно увеличить район действия отправительной станции в одном известном направлении за счет сокращения в других. Существуют сети Беллини и Този, позволяющие достигать еще более совершенно направляющего действия, чем в сетях Маркони, и кроме того дающие возможность направлять излучение в желаемом направлении. Развитие и усовершенствование их обещают дать весьма ценные результаты в деле направляющегося, или ориентированного телеграфирования и позволить в будущем осуществить работу двух радиостанций без того, чтобы их работу слышали другие.

Вторым крупным недостатком современного радиотелеграфа является медленность его работы, т. к. передача до сего времени ведется по азбуке Морзе и максимум достигает до 25—30 слов в минуту. Опыты автоматической передачи путем применения к радиотелеграфу уитстоновского передатчика, (еще до начала империалистической войны) позволяет вести передачу со скоростью от 80 до 100 и выше слов в минуту; но здесь затруднением явилась невозможность реализовать такую значительную скорость на приемной радиостанции.

До сего времени на радиотелеграфе применяется прием радиотелеграмм на слух в телефоне, но этим способом только лучшие радиотелеграфисты могут дать скорость приема до 25—30 слов в минуту, обычно-же передача и прием ведутся со скоростью 15 или 20 слов в минуту. Для приема же работы 80—100 слов в минуту необходим автоматический прием, техника которого до сего времени разработкой еще не закончена.

Одним из средств автоматического приема является прием на фонографический валик, т. е. воспринимаемые в приемном телефоне звуковые сигналы с большою скоростью записываются иглой на специальном вращающемся валике, затем задействованный валик пускается уже на скорость от 15 до 20 слов в минуту и содержание радиотелеграммы записывается радиотелеграфистом с валика по слуху. Во всяком случае отсутствие вполне законченного способа автоматического приема являлось до сего времени одним из самых крупных недочетов радиотелеграфа. Недочет этот заграницей ныне повидимому уже устранен, т. к. упомянутая выше первая по мощности в мире радиостанция в Сент-Ассиве будет вести радио-передачу со скоростью 125 слов в минуту, что мыслимо только при автоматическом приеме.

Помимо медлительности прием на слух является еще причиной частых ошибок и искажений, что с введением автоматического приема уже не будет иметь места.

Наконец, радиотелеграф имеет еще крупный недостаток в виде вмешательства в работу двух определенных радиостанций со стороны других, если эти последние работают теми же волнами, как и первые. Этот недостаток приобретает особое значение ввиду огромного общего числа радиостанций. В устранение этого недостатка применяют, во-первых, возможно более острую настройку станций в резонанс, т. е. чтобы отправительная станция излучала строго одну определенную волну, а приемная наиболее совершенным образом была бы в состянии принимать именно эту волну а, во-вторых, каждой паре работающих станций придают одну определенную рабочую волну, с таким расчетом, чтобы волны каждой группы радиостанций отличались между собою не менее, как на 5%.

Принимая во внимание это требование и имея ввиду, что в настоящее время рабочие волны применяют от 600 до 20.000 метров длиною, легко понять, что таким образом можно организовать работу радиостанций значительного района так, что каждая пара или каждая группа радиостанций будет работать, не мешая другим и не испытывая на себе их вмешательства.

Кроме указанных выше недостатков радиотелеграфной связи, проистекающих из технической природы радиотелеграфа, есть недочеты в связи этого рода, вытекающие из эксплоатационной

стороны его. В частности недочеты военной радиосвязи сводятся к следующему.

Во первых, почти повсюду наблюдается слабое знакомство войскового командования с технической стороной радиотелеграфа и проистекающее отсюда незнание специфических свойств и особенностей радиотелеграфа, что ведет к нерациональному использованию его, как средства связи. Вместо того, чтобы пользоваться радиотелеграфом, как дублирующим средством связи, всегда готовым принять на себя передачу наиболее нужных телеграмм и боевых приказаний при повреждении проволочной связи, войсковое командование нередко требует при повреждении телеграфа передачи на радиотелеграф почти полностью всей нагрузки телеграфа. Это недопустимая крайность. При длительных перерывах проводов радиотелеграфу приходится с крайним напряжением работать в течении долгого времени, что ведет к преждевременному и нерациональному износу всей технической стороны радиотелеграфа и влечет за собой нередко невозможность использовать радиотелеграф в случаях действительной важности и ответственности момента.

В других случаях приходится встречаться с обратной крайностью: радиотелеграф при штабах почти совершенно не привлекается к работе и не используется настолько, что радиотелеграфисты начинают тяготиться безработицей и почти разучиваются приему на слух с достаточной скоростью, установленной на военном радиотелеграфе.

Обе указанные крайности могли бы быть легко устранены разумной, целесообразной согласованностью радиотелеграфа с проволочной связью. Этого легко было бы достигнуть при соблюдении следующих требований:

1) Радиотелеграф всегда должен иметь значение средства связи, дополняющего и заменяющего телеграф во время перерывов и при его отсутствии.

2) Радиотелеграф штаба должен быть соединен прямым проводом с телеграфом штаба и при повреждениях проволочной связи должен немедленно принимать на себя передачу особо важных телеграмм, имеющих срочность боевого и оперативного характера.

3) При переброске штабов на другое место, для соблюдения принципа непрерывности связи, радиотелеграф и телеграф

штаба не должны быть одновременно срываемы с места, а должны быть перебрасываемы в порядке последовательности, без нарушения непрерывности связи.

4) В случаях долгого отсутствия работы, радиотелеграфистам должна быть обеспечена достаточная практика в приеме на слух путем периодической передачи части телеграфной работы на радиотелеграф или путем приема искусственной работы (на зуммере) во внедежурное время.

Существенным недостатком военного радиотелеграфа является также малая быстрота передвижения во время похода и потому очень частая оторванность радиостанций от полевых штабов, чаще всего быстро меняющих стоянку на легковых автомобилях. В этом отношении несомненно было бы весьма полезным для радиотелеграфа введение в практику, вместо гужевой тяги, автомобильной, но к сожалению в русских условиях, при крайне слабом развитии и плохом состоянии грунтовых дорог, это прекрасное средство также встречает затруднение, в особенности для дивизионных радиостанций, вынужденных в походѣ большею частью следовать проселочными дорогами.

Несмотря на отмеченные выше недостатки радиотелеграфа, как средства гражданской и военной связи, значение его громадно уже в настоящее время. А между тем радиотелеграф средство связи еще совершенно молодое: прошло всего только 15 лет со времени первых серьезных работ по его практическому применению. Несомненно ближайшее время исправит недочеты радиотелеграфа, большинство из них отпадет совсем и техника радиотелеграфа усовершенствуется настолько, что дальнейшее огромное значение его для будущей жизни в данный момент трудно даже и оценить.

V. Применение радиотелефонирования.

Развитие радиотелефонирования по сравнению с радиотелеграфом в общем шло с некоторым опозданием. Причиной этому являлись следующие обстоятельства. Наиболее ранний способ радиотелефонирования—это способ вольтовой дуги, на котором первое время и было сосредочено внимание исследователей. Много труда и времени потребовалось на то, чтобы, наконец, убедиться, что затруднения, связанные с этим способом, устранить почти невозможно. Лишь придя к этому выводу, стали искать других, более совершенных способов получения неза-

тухающих колебаний высокой частоты и это удалось сделать инженеру Гольдшмидту, сконструировавшему машину, дающую непосредственно электрические колебания от 10.000 до 30.000 в секунду. Этот способ сразу позволил перевести радиотелефонирование на практическую почву и получить хорошие результаты.

Отдельные опыты по передаче человеческой речи и музыки на значительные расстояния известны еще до начала империалистической войны, а также в 1914 и 1915 году. К этому времени относится успешное радиотелефонирование между Италией и Триполи (в Африке) на расстояние 2000 верст. В 1915 году Архангельская радиостанция принимала совершенно ясно, громко и отчетливо работу по передаче речи и музыки Науэнской радиостанции, которая производила опыты с другой германской радиостанцией в Саксонии. Летом 1920 года по газетным сведениям было закончено оборудование регулярного радиотелефонного сообщения между Америкой и Европой на расстояние свыше 4000 верст. В том же 1920 году производились широкие опыты по радиотелеграфированию в России, в Москве, с помощью машин высокой частоты системы инженера Вологдина, причем опыты также дали прекрасные результаты.

В настоящее время мы находимся в периоде, когда задачу радиотелефонирования в опытной стадии можно считать вполне законченной, дело только за постройкой станций, машин и аппаратов и, если удастся быстро наладить производство последних, то Россия скоро покроется сетью радиотелефонных сообщений без всякой помощи со стороны Европы. В данное время в центре ведется усиленная разработка соображений по широкому практическому применению радиотелефонирования в гражданском и военном деле, разрабатываются типы отправительных и приемных радиотелефонных станций для разных целей практической жизни, способы организации радиотелефонной связи по разным направлениям и пр. Заграницей вопрос практического использования радиотелефона несомненно продвинут вперед гораздо дальше, но ввиду слабого литературного общения с ней сведения по этому вопросу довольно скудны. Не подлежит никакому сомнению, что радиотелефонирование стоит перед столь же широким будущим, как и радиотелеграфирование и применение радиотелефонных станций достаточной мощности с хо-

рошо излучающими, строго ориентированными антеннами позволит передавать человеческую речь на любое расстояние в пределах земной поверхности (максимум которого определяется в 21.000 верст) без нарушения работы других радиотелефонных линий и без вмешательства со стороны последних в их собственную работу.

VI. Дальнейшие перспективы по использованию электромагнитных волн.

Областью радиотелеграфа и радиотелефона не исчерпывается прикладное значение электромагнитных волн. В частности для военных целей открываются широкие возможности по применению электромагнитных волн.

В 1911, 1912 и 1913 годах, когда была открыта работа нескольких мощных радиотелеграфных станций, в Европе и в Америке в разных государствах имел место ряд взрывов пороховых хранилищ на военных судах и на суше. Подробное расследование этих случаев не дало определенных конкретных указаний причины взрыва. Это заставило искать причин взрыва за пределами обычных рамок и условий и, между прочим, навело на мысль о возможности сопоставить эти случаи взрывов с излучением значительных количеств электрической энергии мощными радиостанциями в виде электромагнитных волн.

В заграничной литературе того времени появились сообщения, определенно ставящие некоторые из взрывов в связь с работой мощных радиостанций и об'ясняющие возникновение взрыва в том или ином пункте тем соображением, что место взрыва находилось как раз на пересечении двух мощных радиотелеграфных линий, и таким образом, в этом узловом пункте электромагнитные волны особенно усиливались, развивая электрическую энергию, опасную для пороховых хранилищ.

Опасно не самое прохождение электромагнитной волны через массу взрывчатого вещества, а наличие в металических массах, находящихся на судах и в погребах и соприкасающихся с этими веществами, таких условий, которые могли бы дать начало искре. Такое возникновение искр возможно везде, где есть весьма малого порядка разрывы или неплотное соприкосновение двух металлических частей. Тогда электромагнитные волны могут дать начало искре, которая повлечет за собой взрыв. В Европе и в частности в России этому вопросу было

уделено тогда много внимания, над ним работали широкие комиссии из специалистов, которые пришли к заключению, что электромагнитные волны представляют вполне вероятную возможную опасность для хранилищ взрывчатых веществ и потому необходим ряд мер по ограждению этих хранилищ от опасного действия на них электромагнитных волн. Одною из самых действительных мер было признано ограждение хранилищ взрывчатых веществ хорошо заземленными металическими сетками с просветом не менее одного кв. метра.

Из изложенного усматривается, что электромагнитная волна является действительно громадной силой, перед которой ближайшее будущее откроет самые широкие горизонты для практического приложения в военном деле.

Еще в 1911 году при постройке первых радиостанций для гражданской связи на Балтийском море в Риге и на о. Руно, отстоящем от Риги на 125 верст, применялись вызывные приспособления, сущность которых сводилась к тому, что нажатие на 1—1½ минуты передающего ключа на отправительной станции замыкало звонковую цепь с током на другой станции, где получался звонок, приглашающий дежурного к аппарату. Следовательно установки всякого рода мин и фугасов тоже могут быть соответствующим образом электрофицированы и управление ими может вестись на любое расстояние при помощи электромагнитных волн.

Легко также понять, что при помощи этих волн можно по желанию производить на любом расстоянии спуск любого механизма, так как нажатием ключа или излучением электромагнитных волн можно замкнуть на расстоянии электрическую цепь, а эта последняя, при надлежащей электрофикации механизма, произведет спуск механизма. Наконец, несколько механизмов могут быть нарегулированы с таким расчетом, что спуск их можно производить или различными волнами, или различной длительности нажатиями ключа и, следовательно, открывается возможность управления несколькими механизмами в порядке желательной последовательности или целыми аппаратами.

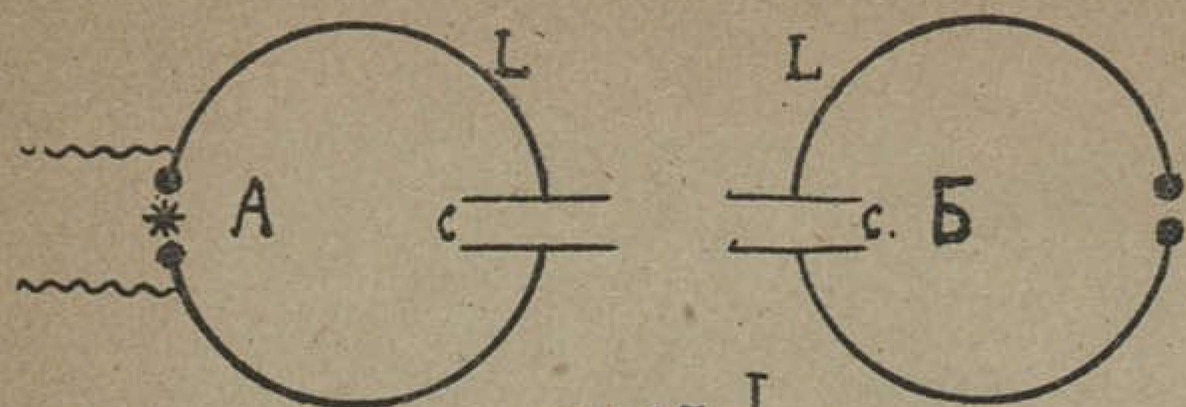
Повидимому на этот путь и вступила техника. Недавно Американское радио высказало сожаление, что американцам не пришлось применить в империалистической войне (ввиду ее

окончания) только что завершенных постройкой, изобретенных ими самодвижущихся и самоуправляющихся аэропланов, которые должны были явится самым разрушительным и самым грозным орудием этой войны.

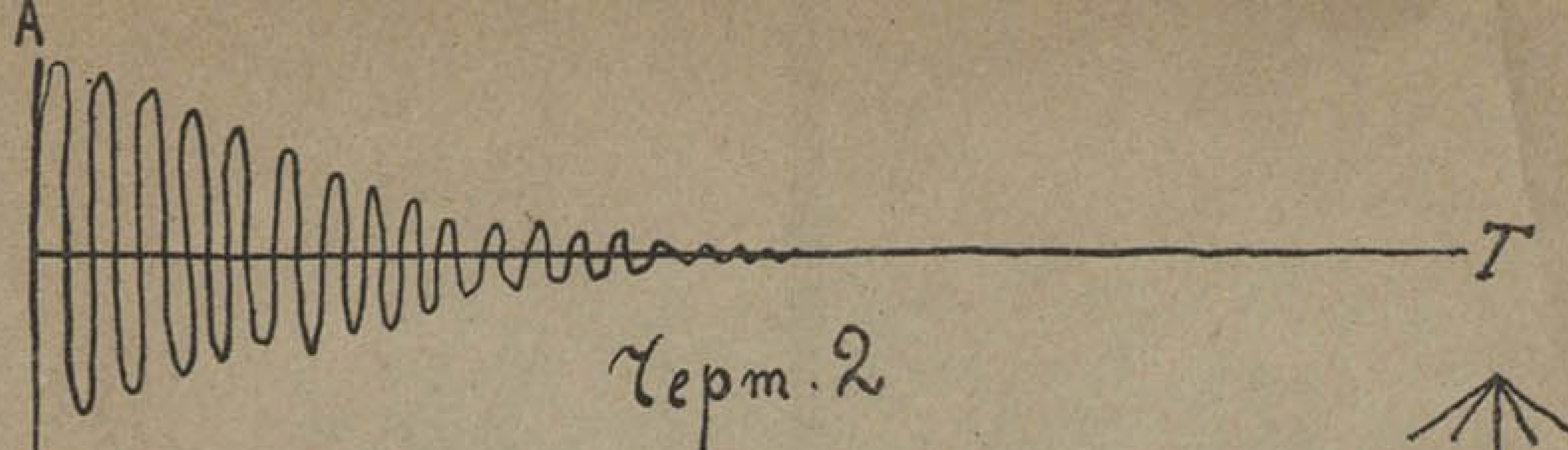
Сущность изобретения, насколько можно было понять из радио, состоит в том, что аэроплан пускается с некоторого места без летчика, сам поднимается на определенную высоту, сам управляется, во время полета сбрасывает бомбы на расположение противника, затем возвращается на то же место, откуда был отправлен.

Реализация такого изобретения мыслима в предположении двух вероятных возможностей: или летательный аппарат представляет собой систему механизмов, спуск которых, строго рассчитан в зависимости от времени и пройденного пути; и в этом случае аппарат со времени поднятия до конца полета совершенно автоматичен; или он представляет систему механизмов, управляемых наблюдающим за полетом на известном расстоянии и спускаемых в желательной последовательности в зависимости от условий обстановки, что более целесообразно и разрешает задачу более широко. В этом последнем случае управление аппаратом на расстоянии вполне мыслимо через электромагнитные волны.

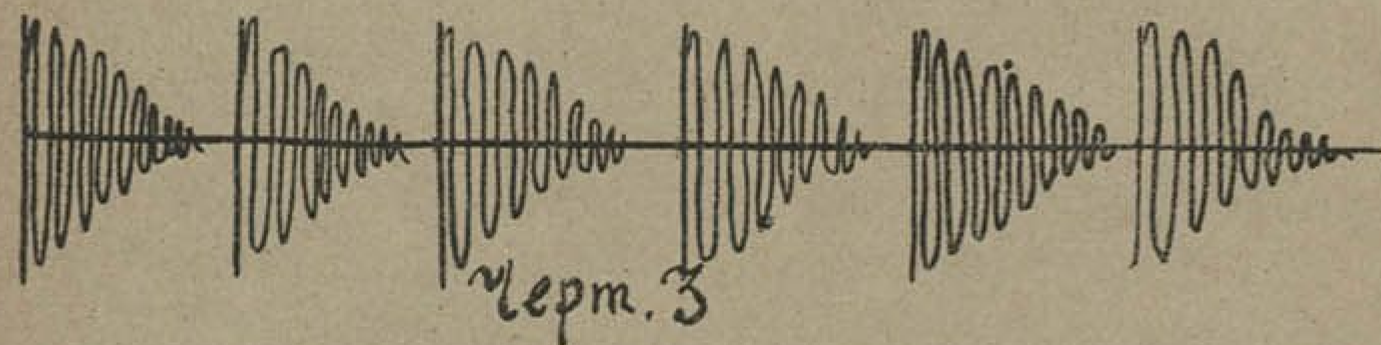
Если в направлении указанных в настоящей главе возможностей использования электромагнитных волн пока сделано очень мало, то это об'ясняется тем, что до сего времени техника работала, главным образом, над разрешением основных проблем радиотелеграфа и радиотелефона. Ныне эти проблемы разрешены и внимание изобретателей, соприкасающихся с электромагнитными волнами, несомненно должно перейти от радиотелеграфирования и радиотелефонирования к другим, более широким возможностям их применения.

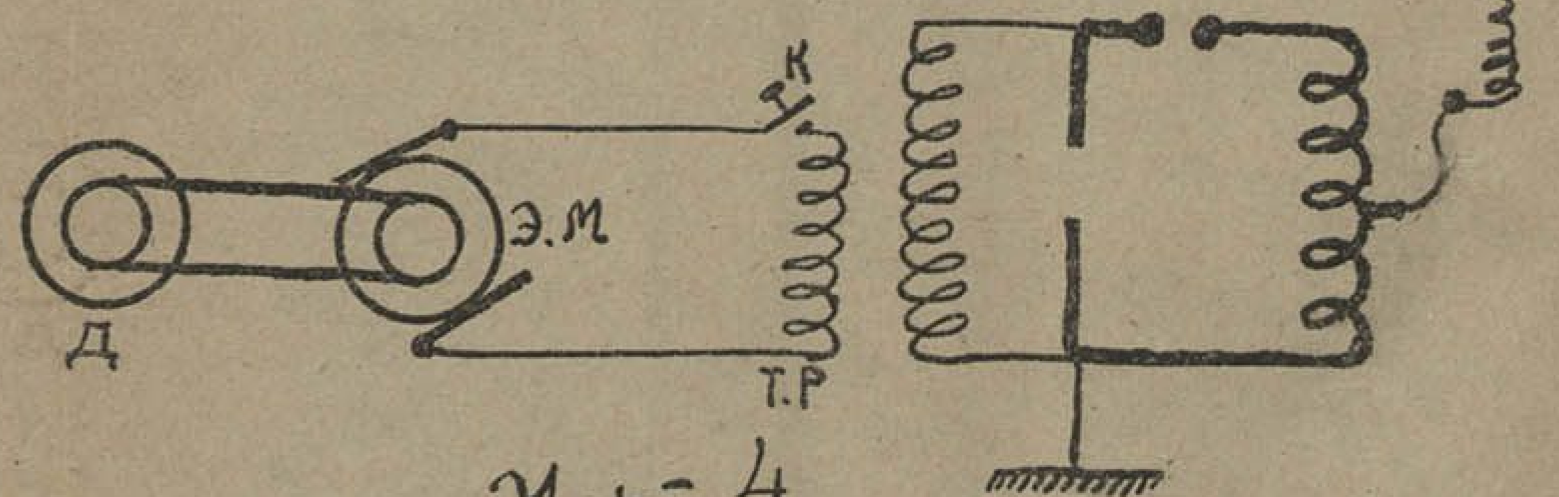

черт I

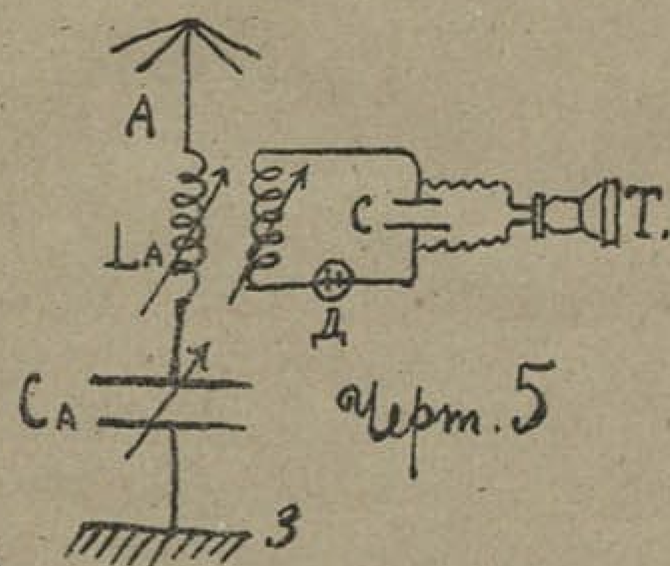

Черт. 2

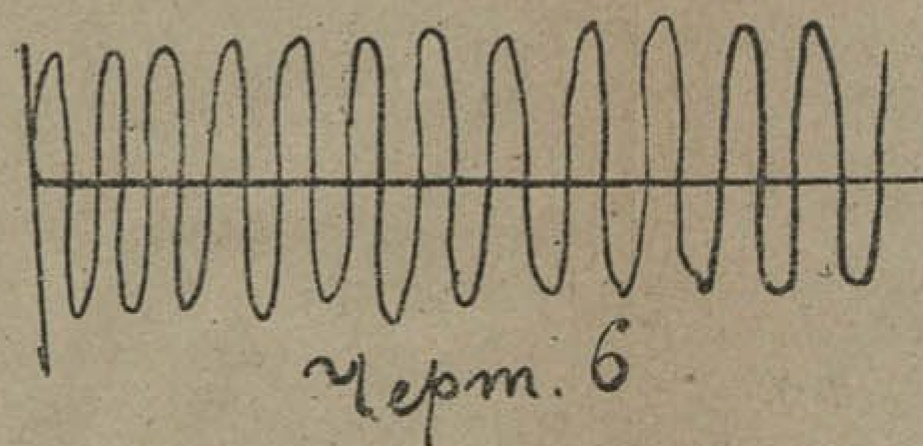

Черт. 3

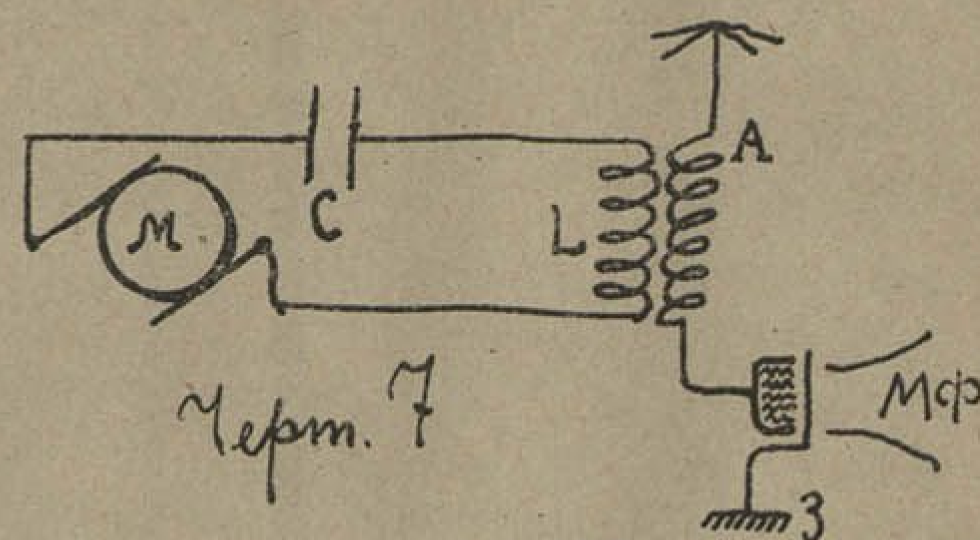

Черт 4

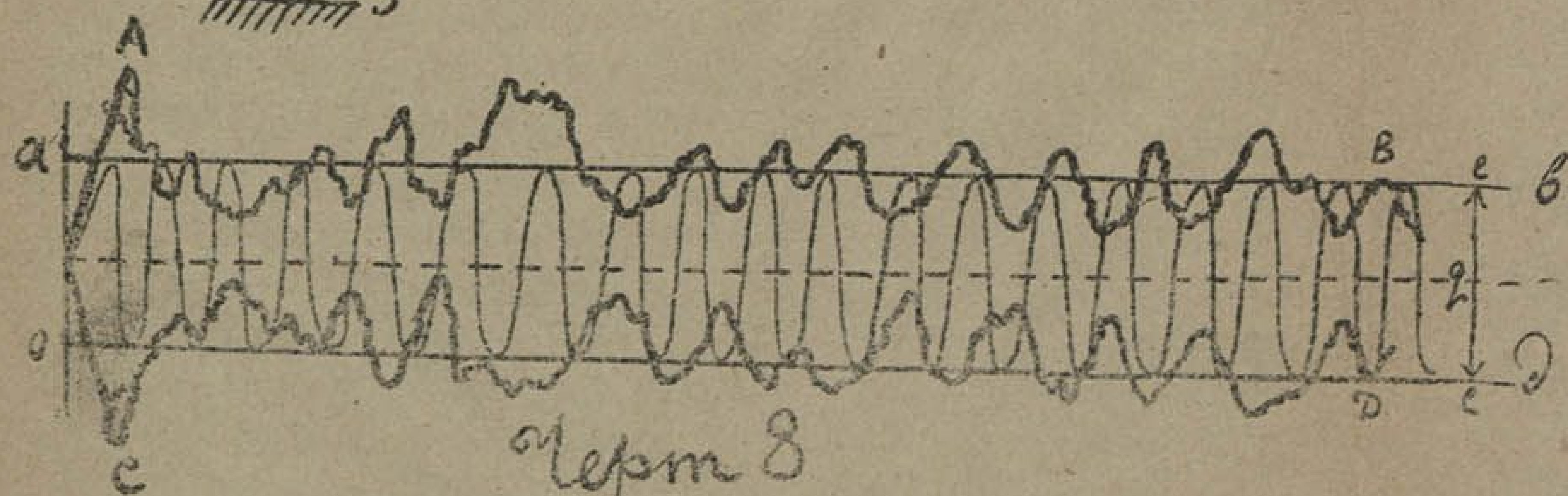

Черт. 5

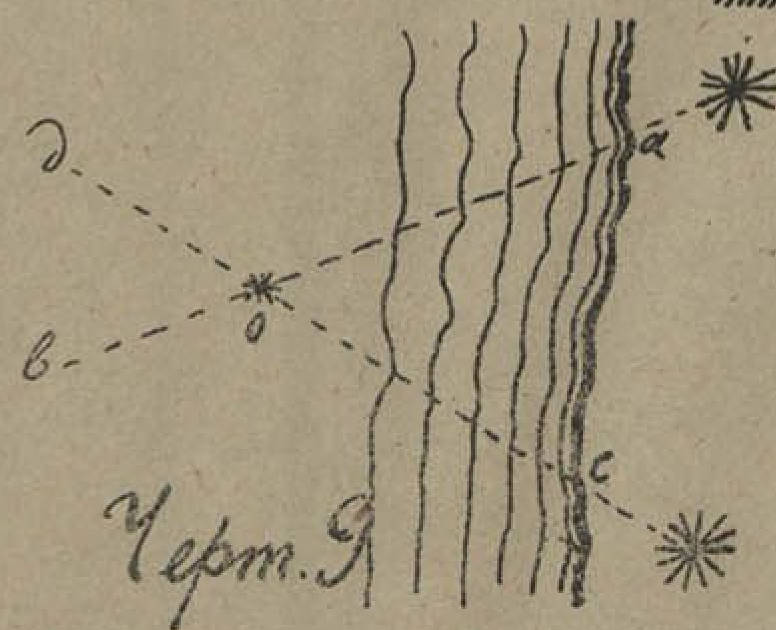

Черт. 6

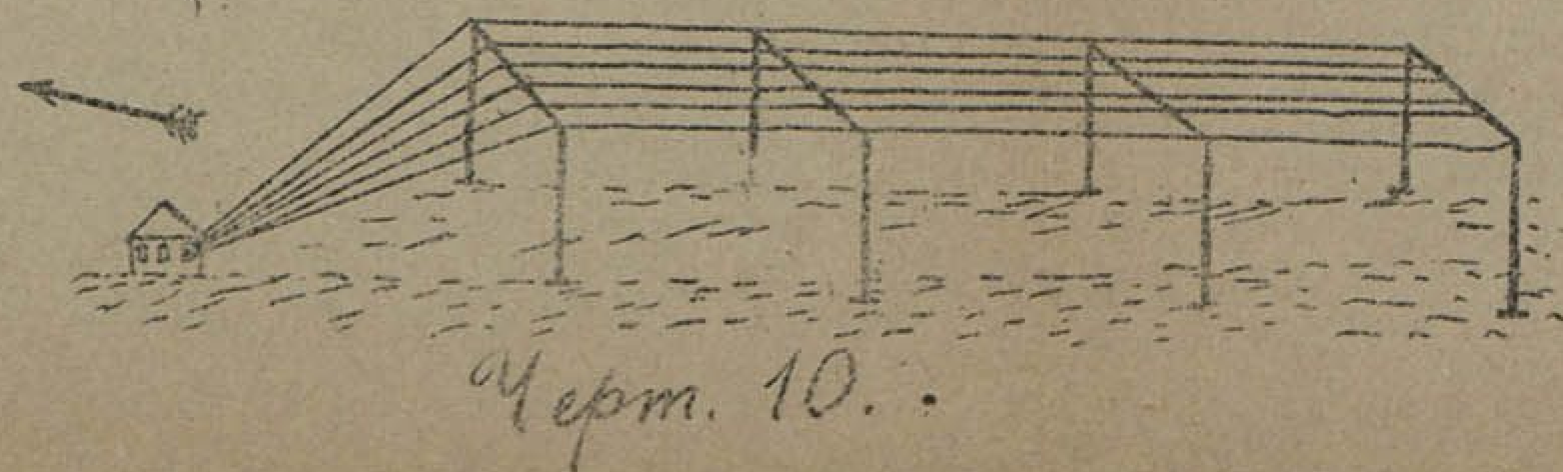
Черт. 7

Черт 8

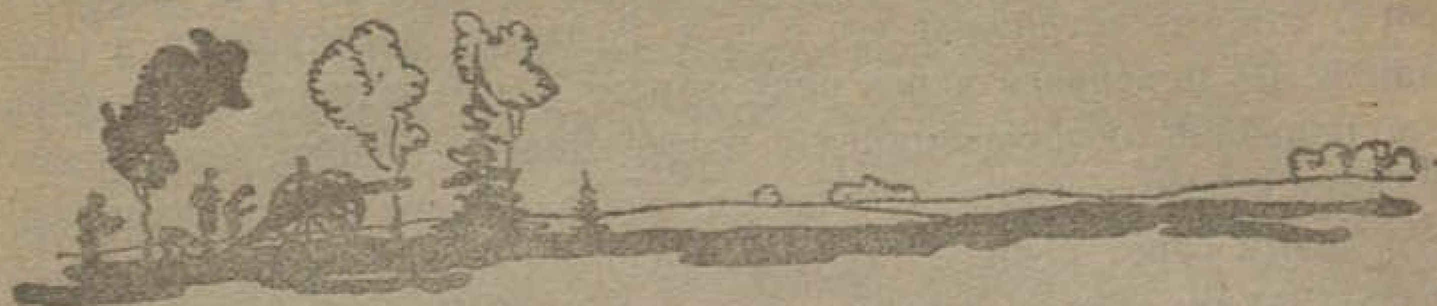

Черт. 9

Черт. 10.

Боевые действия Кр. Армии.

М. Волчанецкий.

Бельские бои 8-й стр. дивизии*).

(2—9 августа 1920 г).

I.

Наступательная операция.

23 стрелк. бригады через р. Зап. Буг у д. д. Лозовица—Дерле 2 августа 1920 года).

1.

Река Западный Буг на участке, у которого предстояло переправляться 23 стрелковой бригаде, серьезным препятствием не является. Ширина ее долины в этом месте колеблется между 2—4 верст. Дно долины имеет болотистый характер только севернее дер. Остров, в остальных же местах оно представляет заливной луг, проходимый даже в сырое время года.

---

*) Описываемые действия 8-й стр. див. связаны между собою хронологической последовательностью рассматриваемых в них событий и представляют, в сущности, развитие одного боя; но недостаточность материала не позволила осветить наступательную переправу через р. Зап. Буг всей 8-й дивизии, почему и пришлось первую часть боев за Бельский плацдарм рассмотреть только в действиях 23-й стр. бригады. Материалами для описания послужили журналы военных действий Управления Начарта и частей артиллерии 8-й дивизии и два доклада о боях 2-го легартдива, составленные ст. инструктором Сафоновым. Все эти документы являются произведением позднейшего времени, так как подлинные записи и оперативный материал погибли в бою 17 августа. Поэтому в них встречаются некоторые неточности, несходства и, даже, прямые ошибки, вроде, например, упоминания двумя журналами военных действий несуществующей ни на одной карте дер. Татьяновки; при этом нельзя заподозрить в неточности карту, так как самое упоминание сделано в такой редакции: «южнее надписи дер. Татьяновка». Во всех этих случаях истина восстановлена путем сопоставления описаний друг с другом и с картой. Некоторые места, оставшиеся невыясненными, оговорены подстрочными примечаниями.

Между д. Вороблян и г. дв. Лозовица имеется один из лучших через р. Зап. Буг. переходов: к нему, с севера, ведут две больших дороги, которые соединяют его с д. д. Рудавец, Вильямовичи и Огородники. По переправе через реку дороги эти переходят в проселок на д. Вороблин, сообщающийся с шоссе Янов — Кобрин. Форсирование Буга в этом пункте облегчается еще наличием леса, покрывающего левый берег реки; а так как русло последней у д. Лозовица образует луку, обращенную выпуклостью вниз, то переправа оказывается совершенно закрытой с юга.

Все эти преимущества решено было использовать при наступательной переправе 23 стрелк. бригады 2 авг. 1920 года. Вторым местом, в котором намечался одновременный удар на противника, был изгиб реки в двух верстах выше по течению, напротив дер. Дерло, где подступы к реке от д. Чижевичи прикрыты лесом.

После тщательной разведки реки было приступлено к подготовке переправы. С этою целью вблизи д. Лозовица был устроен пешеходный мостик, из досок на поплавках. Там же связали плот, также на поплавках, грузопод'емностью около 100 пудов. План действий был разработан заранее и войска, сосредоточенные в районе д. Лозовица, ждали только приказания, чтобы начинать переправу.

Противник занимал позицию по левому берегу р. Зап. Буг, у д. д. Остров, Вороблин, Блоне и Дерло. Наши пехотные части выставили сторожевые заставы за реку, а главными силами располегались по высотам и деревням правого берега.

Артиллерийская поддержка переправы возлагалась на 2-й легкий артиллерийский дивизион 8-й стрелковой дивизии, батареи которого получили от Комдива задачу стать: 3-я в районе д. Рудавец и 4-я в 2-х верстах к западу от д. Вильямовичи, несколько южнее дороги на Огородники.

В 13 часов 1 августа 4-я батарея выступила из д. Бол. Щитники и в 21 час заняла указанную ей позицию. Третья батарея выступила с бивака час спустя. Командир ее отправился вперед на разведку; осмотрев отведенный ему район, он не нашел там места, удобного для постановки батареи и, с разрешения командира дивизиона, в $22^1/_2$ часа занял позицию в 1 версте западнее д. Вильямовичи. Наблюдательные пункты обоих батарей быти расположены на линии дер. Рудавец; 4-я батарея, кроме того, имела передового наблюдателя в г. дв. Лозовица.

2.

В 5 часов 2 августа началась переправа через р. Буг. 3-я батарея пыталась поддержать полки своим огнем, но, выпустив 15 снарядов, принуждена была прекратить стрельбу за полной ее безре-

зультатностью: с имевшихся наблюдательных пунктов не было видно ни места боя, ни вообще неприятельских окопов, скрытых прибрежным кустарником и лесом. 4-я батарея вела огонь по неприятельским пулеметам, встретившим нашу пехоту южнее д. Лозовица.

Переправа в обоих пунктах удалась легко, но едва первые стрелки ступили на неприятельский берег, как они были встречены пулеметным огнем. Несмотря на большие потери, пехота укрепилась на вражеском берегу. Вслед за головным полком переправились части 8-го кавалерийского полка; пехота и конница совместным ударом выбили противника из д. Вороблин и повели дальнейшее наступление на юг. Поляки, под непрекращающимся давлением с фронта и угрозой флангового охвата со стороны дер Дерло, поспешно оставили Остров и Блоне и отступили на гряду высот южнее этих деревень. Артиллерия противника, сделав несколько выстрелов, оставила свои позиции у д. д. Верхлис и Дерло и поспешно стала отходить, провожаемая огнем тяжелой батареи.

Около 11 час. командир 23. стр. бригады приказал переправить 3-ю батарею через Буг, а 4-й встать на позицию у дер. Лозовица. К 12 часам 3 батарея подошла к переправе, где ей пришлось ждать целый час, пока на единственном плоту перевозили пехотные пулеметы.

Задержавшись на высотах, поляки встретили атакующих убийственным пулеметным огнем, под действием которого последние принуждены были остановиться. Бой временно замер—обе стороны ждали подкреплений.

В 13 часов началась переправа батареи. Вследствие незначительных размеров плота, на нем можно было поместить или одно орудие без передка или передок без орудия. Лошадей приходилось переправлять вплавь, а аммуниция переносилась на руках людьми через пешеходную переправу из досок на поплавках. Левый берег реки, песчаный и крутой, создавал большие затруднения при втаскивании орудий на сушу. Вследствие этих препятствий переправа одного взвода продолжалась три часа.

Пользуясь задержкой в наступлении, поляки перешли в контратаку и сбили пехоту и кавполк с занятых ими склонов в д. Остров и Блоне.

Понеся большие потери при занятии польских окопов, полки могли оказать лишь слабое сопротивление. Положение их становилось критическим. Части перепутались, потому что пока баталион одного полка, посланного ему на поддержку, переправлялся, обстановка успевала перемениться и приходилось изменять направление подкрепления и посылать его в другой полк. Младший комсостав не знал, чьи, приказания исполнять. Появились красноармейцы, в оди-

ночку и группами тянущиеся обратно к переправам—верный признак начинающегося расстройства в пехоте.

Командир 3 батареи, выехавший вперед на разведку, встретил командира кавалерийского полка, от которого получил общую ориентировку о положении. Не имея никаких приказаний, кроме распоряжений о переправе, комбат поставил взвод на позицию северо-восточнее дер. Вороблин и приказал комвзводу Сафонову ехать в д. Остров, протянуть за собой телефонную линию и, в случае необходимости, открыть огонь. Сам комбат поехал по дороге Вороблин-Блоне и на скате юго-западнее последней выбрал второй наблюдательный пункт, который занял лично.

В 18 часов 30 минут противник, получив подкрепление, повел энергичную атаку на д. д. Остров и Блоне. Через 10 минут Сафонов открыл огонь по наступавшим. Одновременно с этим открыла огонь тяжелая батарея, подошедшая к господ. двору Лозовица, но, выпустив 5 бомб, она замолчала из-за неудовлетворительности наблюдения. Таким образом, вся тяжесть артиллерийской поддержки легла на плечи одного взвода 3-й батареи; выпустив 60 снарядов, он задержал наступление противника; пулеметы довершили остальное. Пехота красных оправилась и в свою очередь перешла в наступление на высоту 75,76. Стремительной атакой вершина южнее д. д. Остров и Блоне была занята и в 19 часов 30 минут противник отступил.

К этому моменту закончилась переправа 2 взвода 3 батареи и в 20 часов артиллерия красных на левом берегу Буга удвоилась. Обе правобережные батареи, по условиям наблюдения, попрежнему молчали.

Не давая противнику задержаться, бригада продолжала теснить его к югу и юго-западу. К 23 часам были взяты дер. Блоне и Верхлис и один взвод 3-й батареи был выдвинут на позицию южнее дер. Блоне, имея наблюдательный пункт на опушке леса в версте к востоку от г. дв. Каэтанка. Благодаря тому, что связь этого взвода была оборудована заранее, огонь мог быть открыт очень быстро и, отступавший у г. дв. Каэтанка, противник понес большие потери.

К вечеру на фронте бригады все стихло. Отошедший противник не делал попыток к контр-наступлению. Утром 3-го августа командир 69 стрелкового полка выслал пешую разведку в посад Янов, которая донесла, что противника в Янове нет.

За ночь через Буг была устроена широкая переправа, по которой на южный берег перешли 4-я батарея и остальные части бригады. Закончив сосредоточение, последняя продолжала наступление через Янов на город Белу.

3.

В этом коротком бою обращают на себя внимание некоторые недочеты второстепенного характера, затруднившие переправу, оттянувшие успех и, безусловно, заставившие купить его более дорогою ценой.

Первым из них является неудобство местности с артиллерийской точки зрения. Весь правый берег р. Буг между д. д. Огородники и Вильямовичи представляет собой открытый скат, обращенный к противнику. Дороги, пересекающие этот район, находились под артиллерийским огнем противника, причем поляки обстреливали даже отдельных всадников. Поэтому 4-я батарея долго не могла занять позицию и выехала только, воспользовавшись тем, что неприятель увлекся кавалерией, двигавшейся к лесу, что между д. д. Огородники и Вильямовичи. По той же причине 3-я батарея не могла стать около д. Рудавец, а тяжелая только после полудня перешла к г. дв. Чижевичи. Впрочем, справедливость требует отметить, что, раз переправа 8-й дивизии совершалась одновременно в нескольких пунктах, на протяжении около 10 верст, невозможно требовать, чтобы местность повсюду была удобна для артиллерии. В данном случае батареи соседней (24-й) бригады занимали более выгодное положение, чем противник.

Тот же недостаток в значительной степени затруднял наблюдение, особенно, если принять во внимание, что переправы были скрыты лесом. При этих условиях с правого берега не могло быть и не было видно наиболее важного участка; для парализования этого недостатка батареям следовало бы иметь, в линии стрелковых цепей хотя бы, передовых наблюдателей, но они высланы не были.

Задача—распределить поле боя между наблюдателями и добиться, чтобы батареи видели весь порученный им участок, лежала на командире дивизиона; он же должен был руководить стрельбой и маневром артиллерии в течение всего боя. В действительности, комдив все время операции провел в штабе бригады и ограничился постановкой своим батареям основной задачи.

Вследствие отсутствия единого руководства всей артиллерией бригады, 3-я батарея не получила при переправе всех необходимых ей сведений: задачи, позиционного участка, времени готовности и т. д. и поэтому, перейдя на левый берег, комбат не только не знал, что ему делать, но даже в курс происходящего был посвящен только вследствие случайной встречи с командиром кавалерийского полка. **Между** тем, фактически, первым должен был переправиться на неприятельскую сторону командир 2-го легартдива и, только после его разведки и выбора им позиций, могла переезжать батарея. Если

бы это требование устава было осуществлено, то головной взвод вступил бы в бой не в 18 час. 40 минут, а в 16 часов, т. е. более чем на $2^{1}/_{2}$ часа раньше, так как установление наблюдательных пунктов и проводка линий связи могли бы быть закончены заранее.

Но и помимо того, раз командир 3-й батареи получил полную самостоятельность, ему следовало бы до окончания переправы выяснить, хотя бы, какому начальнику в подчинение он переходит и какова его исходная задача. Если бы не случай, результаты этого промаха комбата могли бы быть весьма неприятны и для батареи и для переправлявшихся вообще.

За всеми этими недочетами, наступательную переправу 23 стрелк. бригады следует признать хорошим образчиком этого рода операции. Выбор пунктов переправы был сделан удачно и отвечал требованию скрытности. Порядок введения в бой частей, несмотря на временную заминку, принес несомненный успех: 8-я дивизия решительно ступила на польский берег Буга. И ни тяжелые потери, ни настойчивость польских контр-атак на этот раз не могли сломить наступательного порыва красных стрелков.

II.

Отступление 8-й дивизии.

(3—9 августа 1920 г.).

1.

После удачной для 8 Стрелковой дивизии наступательной переправы через Западный—Буг, произведенной 2 августа 1920 года, 22, 23 и 24 бригады продолжали сосредоточение на левом берегу реки.

Утром 3 августа заканчивается переправа артиллерии. К этому времени противник, угрожаемый обходом справа, оставляет пос. Янов и отступает в южном направлении. Наиболее длительное сопротивление оказывается им только на левом фланге дивизии, на участке 24 бригады. Здесь, до полудня 3-го августа, попытки пехоты продвинуться, терпят неудачу. В 13 часов 30 минут, после артиллерийской подготовки, бригаде удалось перевалить через высоту 46, 03, что южнее д. Богукалы. Вслед за пехотой и батареи 3 легартдива продвигаются вперед и занимают позиции: 5-ая у северо-восточной окраины и 6-я в версте западнее дер. Ленги. Разгорается серьезное столкновение, в котором деятельное участие принимает артиллерия обоих сторон. Так, одна пятая батарея выпускает в течение часа 183 шрапнели и 83 гранаты. Противник отвечает сильным, но малодействительным обстрелом, ранив на батарее одного орудийного

номера. Под прикрытием артиллерийского огня пехотные части в 19 час. 30 мин. занимают дер. Мокраны—Нов. и, развивая успех, отбрасывают противника за р. Кшна.

На соседних участках полки отошли без сопротивления. 23 бригада, переправившаяся накануне у г. дв. Лозовица и дер. Дерло, двинулась через посад Янов по шоссе на город Бела; 22 бригада следовала левее, в общем направлении также на этот город. 24 бригада должна была обеспечивать левый фланг дивизии по нижнему течению реки Кшна. Таким образом, Бела бралась в тиски с двух сторон одновременно. Между тем, соседная слева, 2 дивизия, потерпев неудачу в попытке взять крепость Брест—Литовск прямой атакой, только на другой день, 4-го августа, собиралась начать окружение его обходом с севера. Преждевременное взятие 8 дивизии г. Бела отрезало защитников крепости от тыла и способствовало ее падению. Поэтому поляки должны были сделать попытку удержать Белу в своих руках во что-бы-то ни-стало, если не совсем, то хотя-бы до окончания отхода расположенных южнее частей.

Части 8 дивизии, ободренные успешным форсированием Буга, смело шли вперед, не предвидя того жестокого испытания, которое ждало их на следующий день.

2.

Одновременно со взятием д. Мокраны—Нов. авангард 23 бригады, 67 стр. полк и 4 батарея, достиг д. Груд. От местных жителей стало известно, что противник окопался на правом берегу р. Клюковка у д. д. Бол. и Мал. Цицибор. Высланная разведка подтвердила это сообщение.

Вскоре головной батальон 67 полка завязал перестрелку с противником. Полк развернулся по обе стороны шоссе Бела—Янов и повел наступление. 4 батарея выехала на позицию на перекрестке дороги Оссувка—Груд с шоссе; наблюдательным пунктом послужила мельница около д. Груд, связанная по правительственному проводу с позицией и со штабом бригады.

Поляки, выставив пулеметы на окраине д. Больш. Цицибор, встретили наступавших убийственным огнем. Цепи залегли. Начальник авангарда приказал выбить противника артиллерийским огнем. Батарея начала стрельбу, но за наступлением сумерок выполнить полученную задачу ей не удалось. Колонна главных сил бригады к 24 часам подтянулась к дер. Зеленки—дер. Груд и остановилась в ожидании исхода боя авангарда. Ночью было приказано поставить на позицию для обстрела дер. Бол. Цицибор 3-ю батарею, но выполнить

это не удалось, так как выбрать место для нее не позволяла темнот
да и самая стрельба вряд ли была бы успешна за отсутствием пр
стрелочных данных.

Поэтому поддержка пехоты 3-го августа выпала на долю одно
4-й батареи, которая поддерживала весь вечер интенсивный огонь п
неприятельским окопам и открывала стрельбу несколько раз и ночью
израсходовав в общей сложности половину своего запаса,—около 25
снарядов.

Несмотря на столь деятельную поддержку, авангарду выбит
поляков не удалось, ибо каждая попытка к наступлению встречалас
массовым огнем польских пулеметов.

Левее, на участке, прилегающем к шоссе Бела—Брест-Литовс
действовала 22 бригада, которая вошла в соприкосновение с проти
ником также ночью.

Таким образом, к исходу 3 августа части 8 дивизии достигл
линии р. р. Клюковка и Кшна и изготовились к атаке на г. Бела.

4-го августа бой начался в районе д. Грабанов—фл. Белка. Б
тареи 1-го Легартдива на рассвете заняли позицию и в 5 ч. 30 ми
открыли огонь по окопам противника; при их поддержке пехота, пр
одолев сопротивление поляков и отбив несколько контр-атак, на пл
чах противника ворвалась в предместья г. Бела.

К этому времени 3 легкая батарея заняла позицию у фл. Зел
ный (чертеж 2) и в 9 час началась артиллерийская подготовка н
правом участке. Главное препятствие к атаке, мешавшее 67 полк
ночью продвинуться—пулемет, стоявший в дер. Бол. Цицибор проти
шоссе, был подбит. 67 полк занял деревню и стал окапываться вп
реди нее.

3.

Пока 23 бригада продвигалась вперед, поляки, не давая 22 бр
гаде закрепить успех и обосноваться в Беле, подвезли по жел. до
эшелон с поддержкой, который спешно выгрузился и решительно
контр-атакой стал теснить наши пехотные части к востоку.

В 10 часов противник подвез еще два эшелона, на этот раз
дер. Чоснувка (чертеж 2) и ударил во фланг 22 бригаде. Пехота ст
ла отходить. Батареи 1-го Легартдива, подпустив поляков на близку
дистанцию и расстреляв в общей сложности с утра 745 патронов, сн
лись с позиции и перешли на новые: 1-я вблизи г. дв. Кийовец, 2-
одним взводом в резерве в дер. того же наименования, а другим—п
дороге Грабанов—Кийовец [1]. Здесь к последнему присоединилас
гаубичная батарея.

---

[1] В журнале военных действий Управления Начальника Артиллерии дивизии и г
убичного дивизиона указано, что батареи стали около несуществующей на карте дер. Та

К полудню полки 22 бригады, задерживаясь на каждом рубеже и цепляясь за всякий местный предмет, откатились на линию г. дв. Воскшенице и 1-й дивизион оказался под действительным ружейным огнем противника. На первой батарее был ранен пулей взводный командир. По приказанию командира бригады артиллерия была снята с позиции и двинулась на дер. Ракитно, куда пришла в 16 час., но занять позицию не могла, вследствие лесистой местности.

Пока 22 бригада медленно отходила на восток, отстаивая с боем каждую пядь земли, на севере назревали угрожающие события. Собравшись с силами и получив подкрепления, поляки повели наступление на 23 бригаду. Начиная с 9 часов, на дер. Бол. Цицибор было предпринято шесть атак. Соединенным огнем батарей 2-го легартдива и пехоты все они были отбиты с большими для противника потерями. Только 68 полк, занимавший дер. Грабанов, потерял связь влево с отошедшей 22 бригадой и, под натиском противника, который начал угрожать его обнажившемуся флангу, отступил к г. дв. Грабанов, а потом продолжал отход к флв. Овчарня. Вправо, с 17-й дивизией, связи также не было и о происходившем там не было ничего известно; дер. Витулин и Бол. Цицибор занимались 23 бригадой, а дер. Теребелля (между ними)—противником.

Около 12 час. от бокового охранения 3-й батареи поступило донесение, что в дер. Оссувка замечен неприятельский кавалерийский раз'езд. На доклад об этом командиру дивизиона и, далее, начальнику артиллерии дивизии, в батарее был получен ответ, что „всякие заявления о появлении в тылу кавалерии противника—ерунда".

Отбивая неприятельские атаки, второй дивизион израсходовал большую часть своего боевого комплекта. В 4-й батарее оставалось всего 60 патронов и она принуждена была приостановить стрельбу; 3-я батарея продолжала вести огонь, но уже редко, экономя снаряды. Зарядные ящики, посланные с утра за пополнением, не являлись, будучи заняты поисками головного артпарка, который переходил из дер. Вильямовичи в Ольшин.

Начдив 8, желая воспрепятствовать подаче резервов и тем приостановить польские атаки, приказал выдвинуть артиллерию 23 бри-

---

яновки, а именно „4-VIII в 5 час. 1 и 2 бат. заняли позицию западнее дер Татьяновка для поддержания атаки на г. Бела"; в других местах читаем: „1-я батарея в 19 ч. 7-VIII заняла позицию западнее леса южнее надписи „Татьяновка" у цифры „31"; этой „цифры 31" на карте также нет. Сопоставляя ряд данных относительно этого апокрифического пункта, приходится считать, что под него прямо не подходит ни одна из существующих деревень. Наиболее точное указание находится в отчете о стрельбе 2 батареи и заключается в том, что дер. Татьяновка находится в расстоянии около 4 верст от фл. Белка. Всем этим описаниям более других отвечает фл. Грабанов.

гады вперед, для обстрела гор. Бела. Командир 3-й батареи, которому было поручено выставить один взвод в дер. Бол. Цицнбор, доложил о недостатке патронов и напомнил комдиву, что в Оссувке замечен противник; приказание было подтверждено и взвод двинулся вперед. Не успел он стать на позйцию, как командир 67 полка посоветовал убрать его назад, потому что сосед, 68-й полк, отошел к флв. Овчарня, левый фланг совершенно не обеспечен и он не уверен в сохранности взвода на столь выдвинутой позиции. Командир батареи последовал этому совету и отвел взвод назад, о чем доложил Комдиву, но последний распорядился опять выехать вперед; такое же приказание одновременно было отдано и 4-й батарее.

Когда взвод достиг дер. Груд, из штаба дивизии было получено сообщение, что противник, опрокинув 17-ю дивизию, вышел в тыл 23 бригаде, занял пос. Янов и флв. Пляц и намеревается отрезать последнюю от переправ через Буг. Было около 17 часов. Оперативный штаб артиллерии сам едва не был отрезан от Буга и уходил из дер. Блоне под ружейным огнем противника.

Частям 23 бригады было приказано сосредоточиться у опушки леса севернее флв. Зеленый, откуда части начали отход по проселкам на дер. Ракитно, в которую бригада пришла в 19 с половиною часов.

Возвратившийся из разведки на пос. Янов, кавалерийский взвод привез известие, что большие силы поляков совместно с артиллерией двигаются от Янова на восток к переправе у дер. Лозовица. Начальник раз'езда советовал, как можно скорее, уходить из Ракитно через г. дв. Покинянка на Зачопки, что-бы выйти на переправу у Дерло.

В самом Ракитно к подходу 23 бригады скопились полки 22 бригады, 8 кавалерийский полк и 1 легартдив 8-й дивизии. Деревня была забита войсками. Среди них распространилось известие о занятии противником д. д. Верхлис и Блоне и царила полная растерянность. Час тому назад (в 18 час. 30 мин.) для очистки тыла и переправ от 22 бригады был двинут 65 полк со взводом 2-й батареи. Оставшаяся артиллерия выслала от себя в сторону противника разведку и прикрылась пехотной цепью, рассыпанной по западной и северной окраинам деревни. Деморализацию усиливали обозы, посланные на переправу ранее и частью захваченные в плен противником, а частью возвратившиеся обратно и сообщившие, что противник приближается и уже достиг деревни Тселесница.

Комбриг 23, не внимая совету начальника раз'езда, решил действавать иначе и выслал 68-й полк с 3-й батареей, поставив им задачей занять деревни Блоне и Остров и, закрепившись в них, перейти в наступления на пос. Янов. Для прикрытия подступов к Ра-

китно с юга, были высланы части от 22 бригады и поставлена на позицию у д. Михалки 1-ая батарея.

Около 23 часов отряд двинулся на дер. Тселесница. В полуверсте от дер. Ракитно 1 баталион был рассыпан в цепь и, выслав пешую разведку, продолжал движение. Вместе с цепями шли инструктор и два наблюдателя батареи.

Тем временем взвод 2-ой батареи, пройдя г. дв. Покинянка, на линии д. Тселесница попал под пулеметный и артиллерийский огонь противника и ушел на рысях в г. дв. Тселесница. Отсюда он направился к мосту у дер. Лозовица, но, попав вторично под огонь у дер. Блоне, отошел к дер. Зачопки, где стал на позицию для поддержки атаки 65 полка.

24 бригада тоже приняла свои меры противодействия и выслала 72 полк, готовившийся к наступлению со стороны г. дв. Тселесница. Ему содействовали тяжелая и гаубичная батареи, двинутые с сильным прикрытием к дер. Дерло и, по почину комбатов, ставшие на позицию. Наступление 72 полка началось около 20 часов. Продвижение поляков на восток сразу же было приостановлено. Зато у д. Тселесница инерция их оказалась гораздо значительнее.

68 полк, достигнув гребня и высот в 1—1$^{1}/_{2}$ в. южнее дер. Тселесница, был встречен ружейным и артиллерийским огнем противника и залег. Комбат, услышав впереди перестрелку, остановил батарею и минут через 10, когда ружейная трескотня стала усиливаться, занял позицию фронтом на север, оставив передки на ближнем от'езде. Вскоре прискакал ординарец от командира полка с приказанием открыть огонь по неприятельской батарее у фл. Тселесница. Наблюдательного пункта не было, но с неглубокой позиции прекрасно были видны деревья фольварка. Командир батареи пристрелялся прямой наводкой и на прицеле 80 открыл комбинированный беглый огонь, вскоре заставивший неприятеля замолчать.

Пока велся огонь по батарее, поляки перешли в энергичное наступление со стороны деревни Тселесница и леса, что западнее ее. Благодаря их численному превосходству*), 68 полк, охваченный с левого фланга, был опрокинут и в беспорядке отхлынул в лес у г. дв. Покинянка. Вслед за отступающим на бугре появились густые цепи неприятельской пехоты, которые открыли по 3-ей батарее ружейный и пулеметный огонь. В ответ на это орудия были повернуты на бугор и развернутым веером стали обстреливать противника.

---

*) Впоследствии, опросом взятых в плен польских раненых, было установлено, что в движении на Ракитно участвовали четыре кампании (роты), численностью каждая в 130—150 штыков.

Попытка его двинуться для захвата орудий была встречена беглым огнем на прицеле 15, с установкой на картечь. Потерпев неудачу в атаке с фронта, поляки предприняли обход с левого фланга, но здесь они были встречены пулеметом батареи. Противник дрогнул и, поливаемый дождем пуль, начал отходить в исходное положение.

За несколько минут атаки батарея выпустила 180 шрапнелей; в ящиках оставалось всего около 80 патронов. Комбат остановил огонь, приберегая их на случай нового наступления.

К этому времени из Ракитно к батарее подошел батальон 69-го полка, который повел преследование отступавшего противника. Одновременно, оправившийся 68 полк атаковал его с фланга и заставил очистить деревню Тселесница, а потом, совместно с 72-м полком, Блоне и Остров. Неприятельская батарея, стоявшая у фольварка Тселесница, на глазах у наступавших цепей, снялась с позиции и галопом ушла в сторону пос. Янов.

Затягивавшаяся над дивизией петля была прорвана и переправы — свободны; дальнейшие события развертывались более спокойным темпом. Но непрекращавшееся с утра боевое напряжение утомило обе стороны и к вечеру на фронте дивизии наступило затишье.

4.

Пользуясь временной приостановкой польского наступления, артиллерия дивизии в ночь на 5-ое Августа совершила перегруппировку: Первая легкая батарея становится на позицию у г. дв. Покинянка, на участке 64 полка; 2-ая батарея переходит в Зачопки, 3-ья идет на ночлег к д. Вороблин*); 4-ая становится на позицию у фл. Дерло, 5-ая и 6-ая—на прежних позициях у дер. Зачопки и Михалки; тяжелая и гаубичная батареи снимаются с позиций и в дальнейших событиях 5-го числа активного участия не принимают.

С утра следующего дня, 5-го Августа, противник возобновляет атаки на прежнем участке и теснит части 22 бригады у г. дв. Покинянка. Наступление поляков развивается так неожиданно и быстро, что 1-ая батарея, не успев даже открыть огня, попадает под ружейный обстрел противника и с трудом успевает уйти на Зачопки, где вновь становится на позицию.

После 10 ч. начинает осуществляться нажим также на левый фланг дивизии. Главная масса артиллерии, сосредоточенная в районе д. д. Зачопки—Дерло, (куда прибыли также тяжелая и гаубичная батареи) не имела связи с пехотой и, слыша выстрелы, выслала в

*) 3-я батарея в 11 час. перешла на свою прежнюю позицию у дер. Блоне, но огня с ней не открывала и, простояв до вечера, переправилась за Буг.

сторону стрельбы самостоятельную разведку, которая донесла, что противник наступает на дер. Богукалы.

Для противодействия этому наступлению 5-ая батарея вскоре становится на позицию в 2-х верстах южнее Богукалы, но, ввиду начавшегося отхода пехоты, переводится комбатом на восточную окраину дер. Ольшин.

Расширяя атакуемое пространство, противник последовательно переходит в наступление сперва в районе дер. Михалки, а потом и на правом фланге дивизии, у дер. Тселесница, и повсюду начинает медленно прижимать пехоту к долине р. Буг. В связи с общим отступлением 6-ая батарея переменяет позицию, отходя постепенно за Михалки. К 14 час. особенного ожесточения достигает бой на правом фланге. Первый дивизион, по приказанию своего командира, выкатил орудия на прикрывающий гребень и встретил атаковавшего противника прямой наводкой. на прицелах 20—15. Впечатление от этого дерзкого выезда было настолько разительно, что поляки смешались и в беспорядке отхлынули назад. Прежде чем успела вмешаться неприятельская артиллерия, атака была отбита и батареи вновь отошли к дер. Зачопки.

Но, несмотря на самоотверженную работу артиллерии и общую стойкость пехотных частей, весь фронт дивизии заколебался. 22 бригада прикрываемая картечным огнем 1-го дивизиона, откатывались к Острову и Блоне. На противоположном фланге полки также оказались не в силах сдержать превосходных сил противника.

К 14 час. стало ясно, что удержать за собой левый берег не удастся, и командирами бригад был отдан приказ о переправе артиллерии. Первой перешла тяжелая группа, за ней 1-й легартдив. После этого 5-ая батарея с позиции у Ольшина вела интенсивный огонь по высотам у Колчин—Ольшин, где наступал противник и снялась только, подпустив его в упор.

В 19 часов обе батареи 3-го дивизиона переправились через Буг.

Последними снялись батареи 2-го легкого дивизиона, отход которых оказался наиболее труден. 68 и 69 полки начали отступление без выстрела, не предупредив о том 3-ю батарею, и противник был замечен только тогда, когда он показался на буграх южнее дер. Блоне. Командир батареи повернул орудия фронтом к наступавшим, но стрелять не мог, так как противник вошел в мертвое пространство (наименьший прицел был 45). Ввиду этого пришлось уходить, не сделав ни одного выстрела, в непосредственной близости к цепям.

4-ая батарея, по требованию командира 66 полка, высылала взвод на опушку леса южнее фольварка Тселесница, для стрельбы по наступающему противнику прямой наводкой. В результате короткого обстрела противник рассеялся и взвод вновь отошел на прежнюю

позицию, после чего 4-ая батарея, последнею, в 20 час. переправилась через Буг, где уже сосредоточилась вся артиллерия дивизии.

Очистив левобережный плацдарм, противник прекратил свои атаки. 8-ая дивизия заняла расположение по правому берегу Буга.

Дни 6—7 августа обе стороны провели пассивно, ограничиваясь артиллерийской перестрелкой. 8-го числа противник, под давлением обхода справа, стал отступать. За ним, как только отход был обнаружен, переправились части 8-ой дивизии и утром 9-го августа красные войска вновь вступили в Белу.

Последняя преграда на пути к Варшаве оказалась осиленной. Путь к польской столице был свободен.

5.

Среди общих недостатков, влиявших на действия артиллерии, особенное значение имела слабость управления: части дивизии получали только направление и конечную цель действий, самое же развитие боя зависело исключительно от случая и свыше регулировалось недостаточно. Поэтому (и благодаря еще недостаточности связи) действия бригад не были согласованы во времени и противнику удалось, остановив сперва 22-ю бригаду, обрушиться потом на 23-ю и заставить обе отойти. С началом же отступления, особенно, когда обнаружился обход правого фланга действия бригад принимают оттенок некоторой беспорядочности. В этих условиях трудно было ожидать какой либо планомерности и от артиллерии.

С другой стороны, погрешили сами артначальники, именно— комдивы. Весьма яркой иллюстрацией этого явления может служить маневр батарей 3-го дивизиона 5-го августа. Теснимая с двух сторон, 24 бригада отступала одновременно на северо-восток и, загибая левый фланг, на северо-запад; в связи с этим 5-ая батарея, которая действовала южнее Богукалы, после отхода полков от этой деревни, перешла на позицию к Ольшин, от которого только что отступила 6-ая батарея, передвинувшаяся на Зачопки. Маршруты обоих батарей скрестились, они как бы поменялись местами. Чем, как ни недостаточностью управления и ориентировки можно об'яснить это безцельное chassée—croisée, приведшее, в результате, только к потере времени? Переходя к Ольшину, командир 5 батареи считал, что он меняет позицию вглубь боевого расположения, на самом же деле он попал из положения теснимого слева в состояние атакуемого справа и, думая удалиться от противника, в то-же время приближался к его частям, наступавшим концентрически с другой стороны. Только командир дивизиона, будучи в курсе обстановки на обоих флангах бригады, мог бы согласовать движение батарей, но он не знал, где они, и ими не руководил, предоставив комбатам полную свободу.

СХЕМА

РАСПОЛОЖЕНИЯ ЧАСТЕЙ 8 СТР. ДИВИЗИИ В БОЮ 4-5 АВГУСТА 1920 г. ПОД ГОР. БЕЛА.

МАСШТАБ
0 1 2 3 4 5 6 вер.

ЧЕРТ 2

п. Янов, Величковичи, Р. Зап. Буг, Вильямовичи, Рудавец, Сычи, Лозовица, Вороблин, Челеево, Верхлис, Остров, Добронеч, Каэтанка, Блоне, Дерло, Ленги, Тчелесница, Г.дв., Богукалы, Фл. Пляц, Кшичев, Оссувка, Г. дв. Покинянка, Витулин, Ракитно, Ольшин, Мокраны, Фл. Зеленый, Липница, Колчин, Теребелля, Груд, Михалки, Бол. Цицибор, Грабанов, Кийовец, Г.дв., Бела, Фл. Белка, Воскшеница, Р. Кшна, Чоснувка

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

ЛИНИЯ ФРОНТА:
4-VIII наиб. продвиж.
поляки к 12 час
поляки / красные к 18½ час
5-VIII 8 часов
18 —»—
24 —»—

БАТАР. НА ПОЗИЦ:
легкая
гаубичная
тяжелая

НАПРАВЛ. АТАК:
польск.

Кроме отмеченной слабости управления, четко вырисовывалась старая, хроническая болезнь русской армии — недостаток разведки. Авангардный полк 23 бригады получает приказание наступать на Белу без указания сведений о противнике. Двигаясь далее и будучи от дер. Бол. Цицибор менее, чем в 2-х верстах, тот же полк узнает о наличии в ней противника только от местных жителей, тогда как, при соблюдении общепринятых норм, его головные дозоры давно уже должны были столкнуться с неприятельскими цепями. И только после этого он посылает для проверки полученного известия полковых разведчиков, теряя почти 5 часов времени на стояние в дер. Груд. В силу этого неудивительно, что задержалось движение главных сил и вступление их в бой произошло только на следующий день. Видимо, та-же картина наблюдалась и в других бригадах. В результате противник отошел без нажима, успел оправиться, устроиться, и, подвезя свежие силы, оттянул сдачу Белы на несколько дней.

При отсутствии надлежащего охранения походных колонн не могла функционировать и артиллерийская разведка, так как она должна была прикрываться пехотными дозорами. Тем самым заблаговременное изучение местности, достигаемое высылкой вперед артиллерийских раз'ездов, не было произведено и постановка батарей на позицию задержалась, из-за наступления темноты, на 7—8 часов, срок, достаточный, чтобы опрокинуть поколебленного неудачей противника, овладеть Белой и воспрепятствовать подвозу резервов.

Общая вялость наступления сказалась также в действиях 67-го полка, который, овладев дер. Бол. Цицибор, не продолжал безостановочно теснить неприятеля на занятую уже 22 бригадой Белу, а стал окапываться, чем дал полякам возможность отбить обратно занятый было город.

Впрочем, при решительном охвате дивизии справа, возможность закрепления достигнутого ею успеха является гадательной. Но здесь, опять таки, во многом причиной недостаточное освещение фланга дивизии и непонятное бездействие 8-го Кавполка, только что перед тем славно дравшегося у Острова и Верхлис *). Обычное в таких случаях недоверие войсковых штабов к донесениям частей о наличии противника в тылу довершило дело и позволило полякам безнаказанно углубить обход до ахиллесовой пяты всей операции—переправ.

Наконец, нельзя не отметить также слабую взаимную связь полков с действовавшими с ними батареями: 68-й и 69-й полки 5-го августа отходят, не предупредив 3-ю батарею, а 64-й—1-ю, благодаря чему последние попадают под ружейный огонь противника **).

*) 2-го августа при наступательной переправе 23 бригады.

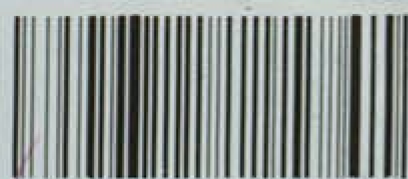
**) Не меньшая доля вины в этом приходится на долю командиров батарей, которые обязаны были озаботиться об установлении с полками надежной связи.

Но наряду с этими дефектами обращает на себя внимание высокая доблесть артиллеристов, граничащая с самопожертвованием. Тяжелая и гаубичная батареи, получив приказание отходить на переправу, пренебрегая опасностью захвата, становятся на позицию и поддерживают атаку 72 полка. Первый дивизион и взвод 4-ой батареи смело выезжают на открытые позиции, несмотря на превосходство неприятельской артиллерии. 3-я батарея, много способствовавшая перед тем переправе 23 бригады, под начальством своего командира, Н. П. Лазарева, приняла на себя расстроенный 68 полк и продержалась лицом к лицу с противником, пока не подошли резервы и полк не набрался сил для новой атаки.

И если при всем том потери артиллерии были невелики, то тем больше хвалы ее командирам, сумевшим свершить большие дела с малою кровью.

Редактор: Редакционная Коллегия.

B0000003021411

ПРОЛЕТАРИИ ВСѢХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ УВХЗЗАПА.